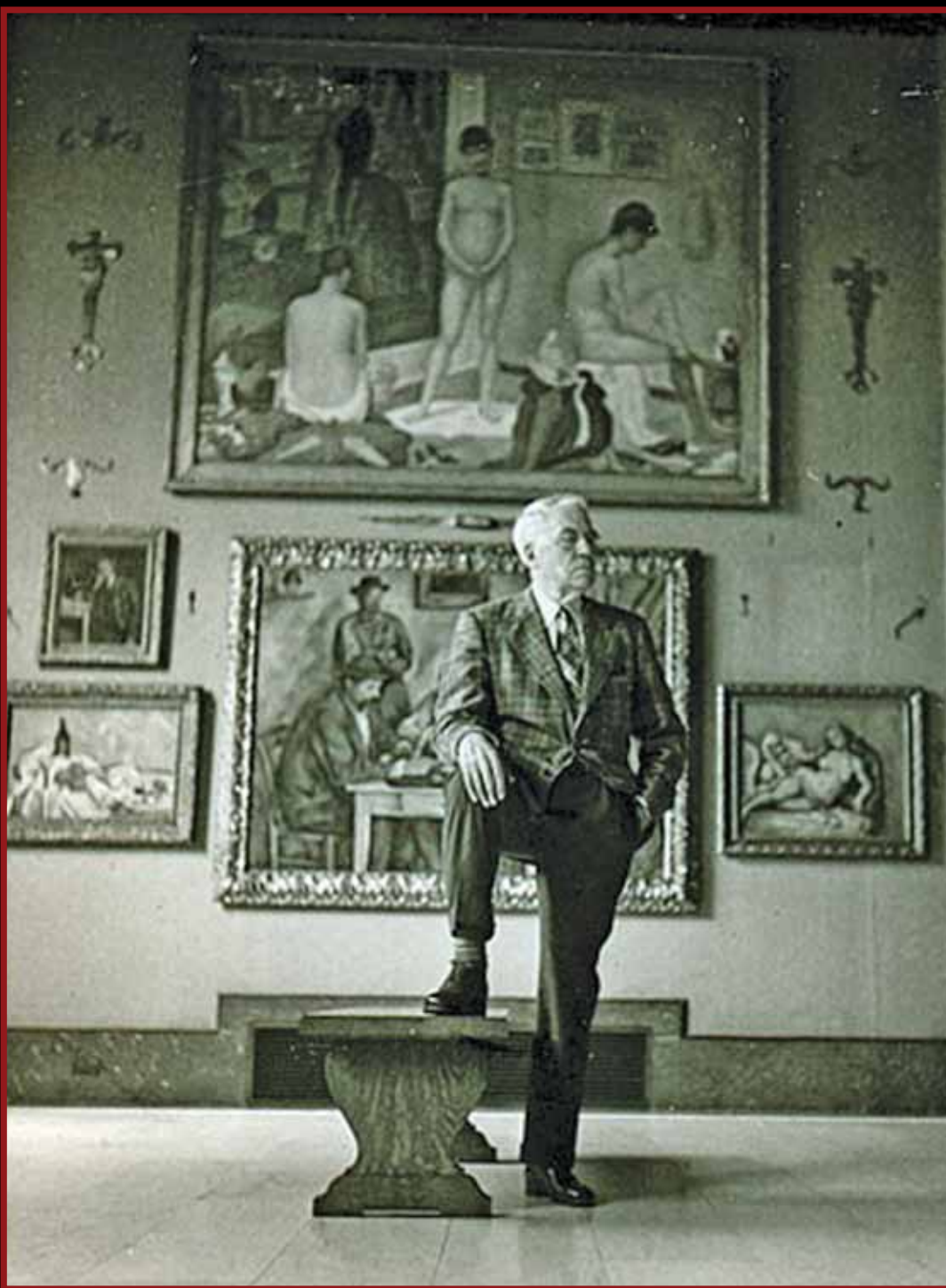

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН:

*«Я — актер, который,
конечно же,
должен заниматься
человековедением...»*

О жизни коллекционера Альберта Барнса
читайте на странице 65.

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Н.А. Некрасов. «Двуликий, но не двуличный» 4
<i>Алла Зубкова</i>	Франц Йозеф Гайдн. Повелитель мелодий из Эстерхаза 113

Судьбы

<i>Владимир Братченко</i>	Капитан «Одессы» 20
---------------------------	----------------------------------

Рассказ

<i>Светлана Маслова</i>	Иван Филиппыч 33
<i>Юлия Попова</i>	47-я лишняя хромосома 88

Замечательные современники

<i>Ирина Иванченко</i>	Александр Рудяков: «Крымские русисты сделали русский язык не просто государст- венным, а родным» 38
<i>Елена Воробьева</i>	Софья Ардова: «Я — категоричный, даже, можно сказать, закрытый человек» 78

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Детские железные дороги — феномен Страны Советов 48
<i>Виктор Ом</i>	Великий мастер гравюры 102

Год театра

<i>Евгения Гордиенко</i>	Чеховский герой Александр Калягин 56
--------------------------	---

Всемирные галереи

<i>Ирина Опимах</i>	Чудаковатый миллионер 65
---------------------	---------------------------------------

Поэзия

<i>Алексей Борычев</i>	Стихи 84
------------------------	-----------------------

Острсюжетный роман

<i>Андрей Быстров</i>	Зеркальная угроза 124
-----------------------	------------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино
Александр Калягин

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.05.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«После революции 1917 года многие российские аристократы, оказавшиеся в эмиграции, брались за любую работу и нередко достигали заметных успехов, хотя начинали новую жизнь, как говорится, с чистого листа. Да, многим русским мужчинам-аристократам приходилось становиться шоферами такси, чтобы как-то выжить. Но самые умные (и красивые) женщины высокого происхождения нашли собственный путь к успеху и богатству, принесший им всемирную славу в мире высокой моды благодаря врожденному чувству стиля, идеальной осанке и безупречным манерам.

Светлана **Бестужева-Лада** «Русские аристократы в Париже»

«В 2017 году легендарному актеру Павлу Луспекаеву исполнилось бы 90 лет. «Белое солнце пустыни». Таможенник Верещагин. Именно эта картина (в ней он снимался на протезах, потому что ходить толком уже не мог) принесла артисту фантастическую народную любовь, славу и бессмертие. Отныне российские таможенники считают Верещагина своим символом. И неспроста рядом со штаб-квартирой Федеральной таможенной службы стоит бронзовый Павел Луспекаев с маузером в руке, а ниже выбита его знаменитая фраза «Я мзду не беру, мне за Державу обидно!»

Андрей **Колобаев** «Госпожа Победа»

«Ее считали героиней самой романтической истории XX века. Ведь именно ради нее король Эдуард VIII отрекся от столь блистательного престола, процарствовав всего 326 дней. Они прожили вместе без малого тридцать пять лет, и ни разу за все это время бывший король не выразил сожалений по поводу сделанного им шага...

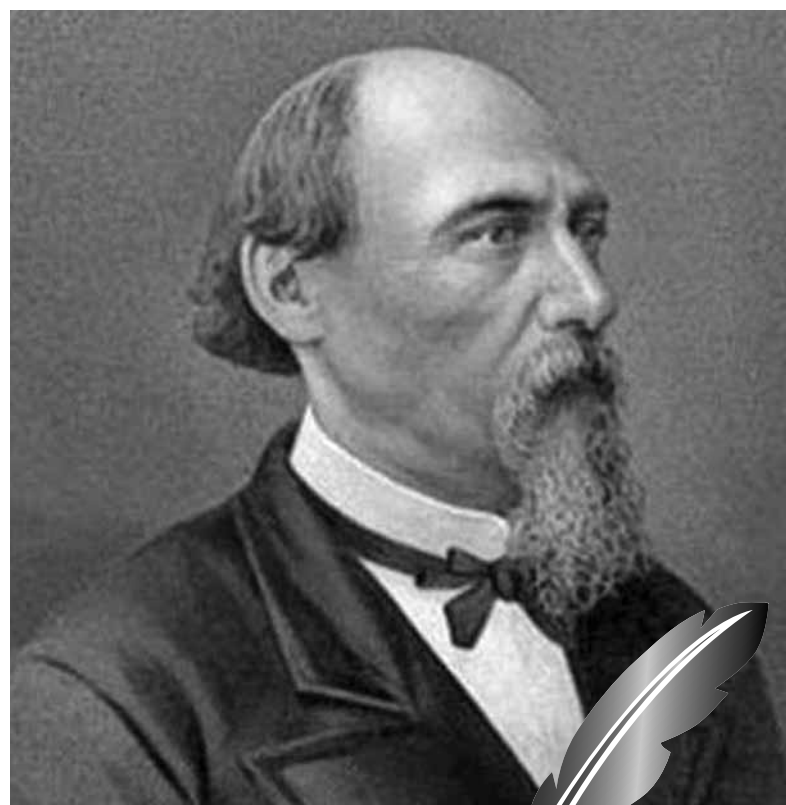
Алла **Зубкова** «Та, которая лишила Англию короля»

«*In vino veritas, in aqua sanitas*». Обычно все знают первую часть этой поговорки, гласящую, что «истина — в вине». Но почти никто не вспоминает ее продолжение, переводящееся как «здоровье — в воде». А вот в Новом Свете вполне реально воплотить на практике обе части этой поговорки. Новый свет — это не просто название поселка, это действительно маленький «земной рай», одна из жемчужин в ожерелье Крыма, с особыми пейзажами, своим микроклиматом, ни на что не похожей растительностью и примечательной историей.

Дмитрий **Зелов** «Новый Свет: земной рай крымской Тавриды»

«Продолжение остросюжетного романа Андрея **Быстрова** «Зеркальная угроза»

Н.А. НЕКРАСОВ

«Двуликий, но не двуличный»

Он был поэтом, который не только писал о народе и его страданиях, но и одним из первых заговорил в поэзии народным языком, оставив после себя новую поэтическую «школу», традиции которой продолжают и сегодня.

Беспримерная издательская деятельность Некрасова на посту редактора-учредителя возобновленного пушкинского «Современника» открыла плеяду больших литературных талантов. Ради спасе-

ния своего журнала он закладывал родовое имение и играл в карты «наверняка».

Чернышевский писал из Сибири, что слава Некрасова будет бессмертной. Он по праву считается прародителем новой литературной речи, которую его последователи в начале XX века вновь воссоздали и усовершенствовали. При этом гражданственная муза Некрасова не препятствовала ему оставаться «поэтом сердца».

Многие современники, еще до написания им хвалебной оды генералу Муравьеву-«вешателю», не любили его и называли мошенником. Герцен и Кавелин обвиняли Некрасова в присвоении чужих имений. Анненков ставил ему в вину ограбление больного Белинского. Что тут правда, а что ложь, теперь понять трудно. Но распространенное в ту пору убеждение в литературном барышничестве Некрасова имеет под собой веские основания. Тургенев заявлял, что Некрасов купил у него «Записки охотника» за 1000 рублей, а перепродал другому издателю за 2500. Аналогичные обвинения предъявляли Достоевский и Г. Успенский.

Устойчивое мнение, что «Некрасов — первостатейный кулак, картежник и весь сгнил от разврата с француженками» бытовало в богемной среде середины XIX в. Однако еще серьезнее в творческом плане выглядело обвинение поэта в лицемерии, двуличности. Лесков, Толстой, Полонский, А. Григорьев, Чайковский и многие другие придерживались этого убеждения. «В стихах печалится о горе народном, а сам построил винокурный завод!» С пафосом обличая в стихах жестокую медвежью охоту, Некрасов любил частенько выезжать на нее в обществе князей и министров, с поварами, лакеями и несессерами, сгоняя на зверя целые деревни...

Он и сам иногда признавался в своей двойственности, еще в 1856 году писал В. Боткину: «Во мне всегда было два человека — один официальный, вечно бьющийся с жизнью и с темными силами, а другой такой, каким меня создала природа... Я не слишком нравлюсь самому себе». Тем не менее, исследователь его творчества, замечательный детский поэт и переводчик английской поэзии Корней Чуковский считал, что Некрасов в своих стихах о горькой доле народа был совершенно искренен и действительно придерживался революционно-демократических взглядов. Однако оставался морально неустойчивым и авантюрным человеком. Таким его сформировала жизнь — «помещиком и плебеем в одном лице». Барин и разночинец боролись в душе этой столь даровитейшей личности. Вот в чем разгадка двойственности природы Некрасова, «двуликого, но не двуличного».

Николай Алексеевич Некрасов родился 28 ноября (10 декабря) 1821 года в городе Немирове Винницкого уезда Подольской губернии, где квартировал 36-й егерский пехотный полк, в котором служил его отец — поручик и зажиточный помещик Алексей Сергеевич Некрасов, родом из некогда богатой дворянской семьи. Рокковой слабостью ее представителей по мужской линии был картежный азарт. Дед поэта проиграл за ломберным столом почти все состояние.

Таким же заядлым и, увы, неудачливым картежником (в отличие от сына!) являлся его отец, деспот и самодур, кичившийся своим дворянским происхождением и не интересовавшийся ни поэзией, ни прозой. Буйный, психически неуравновешенный человек, он был хорош только в двух вещах — охоте и рукоприкладстве. Тем не менее, именно в библиотеке отца юный Николай прочел запрещенную оду Пушкина «Вольность», за которую тот был отправлен в первую ссылку.

Мать поэта, Елена Алексеевна, к счастью, оказалась полной противоположностью супругу. Нежная, чуткая натура с тонкой душевной организацией, она постоянно музицировала и читала, спасаясь в иллюзорном мире от беспросветных будничных реалий. Ей Некрасов посвятит поэмы «Мать» и «Рыцарь на час».

Он был не единственным ребенком в семье. В родовом имении, деревне Грешнево Ярославской губернии, куда Алексей Сергеевич переселился, выйдя в отставку, в обстанов-

ке его зверских расправ над крестьянами, издевательств над «затворницей» женой и буйных оргий с крепостными любовницами росло 13 детей. Запущенные хозяйственные дела и ряд процессов по имению заставили отца поэта занять место исправника. В служебные разъезды он часто брал с собой маленького Николая, которому доводилось видеть мертвых крестьян, выбивание недоимок и прочие повседневные проявления народных бедствий.

В 1832 году, уже 11 лет от роду, мечтательный подросток поступил в ярославскую гимназию, где проучился до пятого класса. Учился он неважно и не слишком ладил с гимназическим начальством из-за едких сатирических стихов, которые ходили по рукам гимназистов и отражали печальные впечатления ранних лет жизни автора. Они наложат отпечаток и на первые поэтические опыты Некрасова.

Отец его мечтал о военной карьере для сына и отправил 17-летнего Николая в Петербург определяться в Дворянский полк. Встреча с бывшим одноклассником резко изменила намерения юноши. Невзирая на угрозу отца оставить непослушного сына безо всякой материальной поддержки, он вознамерился поступать в университет на филологический факультет. Однако вступительного экзамена не выдержал и записался вольнослушателем. В университете Некрасов пробыл три года, не имея возможности толком учиться из-за необходимости бегать в

числе, Белинского, была суровой, хоть «неистовый Виссарион» и отозвался о произведениях, представленных в сборнике, как о «вышедших из души» автора.

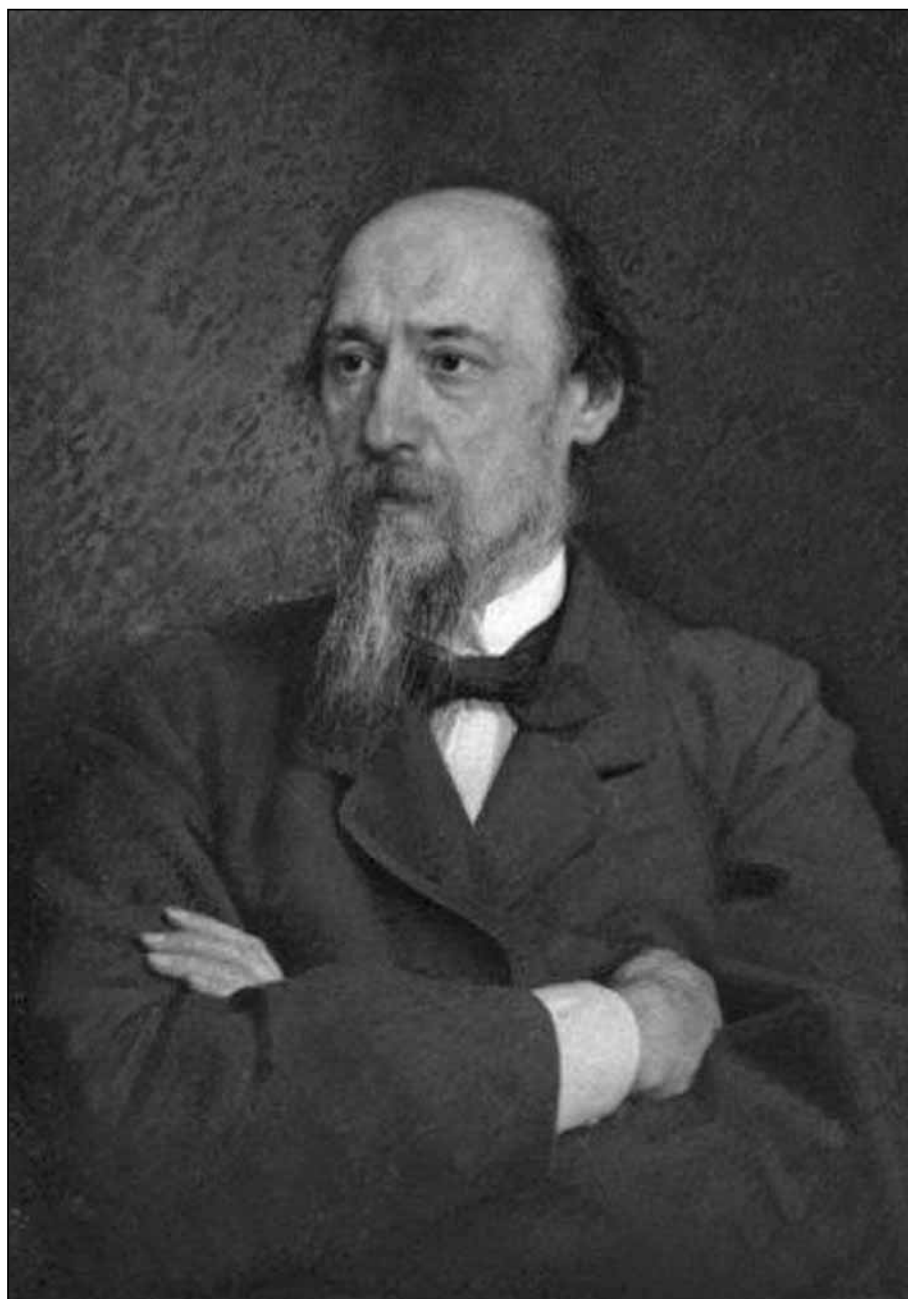
А тот, по примеру Гоголя, некогда скупившего по книжным лавкам и уничтожившего тираж своего первого неудачного литературного сочинения «Ганс Кюхельгартен», принялся скупать и уничтожать экземпляры злосчастного сборника, который сделался из-за этого библиографической редкостью. Но все же провальный поэтический дебют не отвратил Некрасова от занятий литературой, лишь заставив на время обратиться к прозе.

Молодые разночинцы, голодные поэты, мелкие нуждающиеся чиновники, обманутые девушки, столичные хлыщи, ростовщики, наживающиеся на страданиях бедняков, — вот кто населял ранние повести и рассказы Некрасова, весьма и весьма несовершенные в художественном отношении, но позволяющие причислить автора к славной и влиятельной школе критического реализма 40-х годов, которую возглавляли Белинский и Гоголь. Поначалу Некрасов пробовал свои силы и в юмористических жанрах шуточной поэмы, водевиля, сценической мелодрамы. Впрочем, тоже без особого успеха. И тогда же он стал штатным сотрудником «Отечественных записок», сблизившись с кружком Белинского. Великий критик по достоинству оценил его ум, полагая, однако, что

в прозе ему ничего не светит. Зато горячо похвалил стихотворение «В дороге». *«Скучно? Скучно!.. Ямщик удалой // Разгони чем-нибудь мою скуку! \\ Песню, что ли, приятель, запой \\ Про рекрутский набор и разлуку...»*

Но гораздо раньше, чем в демократической поэзии, Николай Алексеевич нашел себя в издательской деятельности. Это оказалось его подлинным призванием. Он выпустил ряд востребованных литературных альманахов, среди которых была знаменитая «Физиология Петербурга» и в которых дебютировали Григорович, Достоевский, Тургенев, Герцен, Майков. В «Физиологии Петербурга» самостоятельной повестью очеркового характера под названием «Петербургские углы» увидели свет главы из удачного некрасовского романа «натурального» направления «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Повесть эта заслужила высокую оценку Белинского.

Издательское дело пошло у Некрасова настолько успешно, что в начале 1847 года он на паях с писателем и журналистом И. Панаевым приобрел в аренду у П. Плетнева легендарный журнал «Современник», основанный еще Пушкиным. Основные литературные силы «Отечественных записок» оставили Краевского и присоединились к Некрасову. Перешел оттуда в «Современник» и сам Белинский, передав при этом Некрасову часть материалов, которые собирал для задуманного им сборника «Левиафан». Именно благодаря Белинскому в «Современ-

ник» устремились лучшие представители передовой творческой интеллигенции.

Некоторые знакомые упрекали Некрасова в неблагодарности по отношению к великому критику, остававшемуся в «Современнике» на правах рядового литсотрудника. Замечались с возрастом и другие негативные проявления характера Николая Алексеевича. Он все более пре-

вращался в расчетливого и порой аморального дельца, что, однако, не мешало очевидному росту его замечательного поэтического таланта.

Не менее ценным являлось и то, что Некрасов, подобно Белинскому, умел открывать таланты в других. Редактором, надо признать, он был поистине выдающимся. На страницах «Современника» нашли широкое читательское признание Толстой

Авдотья Панаева

и Достоевский, Тургенев и Гончаров, Островский и Салтыков-Щедрин... Причем сам Некрасов выступал не только идейным руководителем и организатором текущей деятельности журнала, но и одним из его ведущих авторов. Здесь печатались некрасовские стихи, проза, критические статьи, пользовавшиеся популярностью у читателей. В период «мрачного семилетия» — 1848–1855 годы, — когда напуганное французской революцией правительство Николая I взялось преследовать прогрессивную журналистику и литературу, Некрасов на посту редактора «Современника» сумел, несмотря на постоянную борьбу с цензурой, це-

ной невероятных усилий сохранить высокую репутацию свободомыслящего журнала.

Но все же из-за цензурных изъятий содержание его заметно потускнело. Лакуны на страницах журнала изобретательный редактор заполнял главками бесконечных бульварных романов приключенческого жанра, которые он сочинял в содружестве с беллетристом Станицким (псевдоним Головачевой-Панаевой). А вот удержать редакцию «Современника» от раскола в связи с обострением классовых противоречий в русском обществе середины шестидесятых годов ему не удалось.

Одна группа, во главе с Тургеневым, Толстым, Боткиным, ратовала за умеренный либерализм и эстетическое «пушкинское» начало в литературе. Этому либеральному дворянскому крылу противостояла радикально настроенная демократическая партия разночинцев, приверженцев сатирического «гоголевского» направления и «натуральной школы».

В возникшем противоборстве Некрасов поддержал «революционных разночинцев», идеологов крестьянской демократии. И сам в этот период наивысшего политического подъема в стране создал такие образцы своей гражданской поэзии, как «Железная дорога», «Размышления у парадного подъезда», «Поэт и гражданин». *«Иди в огонь за честь отчизны, \\ За убежденья, за любовь... \\ Умрешь не даром: дело прочно, \\ Когда под ним струится кровь...»*

Между тем кровь заструилась из горла самого поэта. Лечение в Италии облегчило его болезнь. А по возвращении он был выдвинут в передовую когорту отечественной литературы. И уже оставался в ней до конца жизни.

Перепадам творческой судьбы Некрасова соответствовали крутые повороты личной жизни Николая Алексеевича. Он был влюбчив и, подобно своему отцу, распутен в молодости. С годами многочисленные любовные романы и случайные связи уступили место серьезным сердечным увлечениям, а порой — и подлинной страсти. Как это произошло у него после знакомства с Авдотьей Панаевой, женой своего приятеля литератора Ивана Панаева.

Жгучая брюнетка, она считалась одной из самых привлекательных женщин Петербурга. Кроме того, была умна, писательски одарена и собирала в доме мужа популярный литературный салон, куда наведывались молодые, но уже снискавшие известность Добролюбов, Чернышевский, Тургенев, Белинский. Панаев в обществе пользовался репутацией повесы и гуляки, но жена его отличалась исключительной порядочностью, и Некрасову стоило больших усилий расположить ее к себе. Недаром в Авдотью Панаеву был безответно влюблен и Достоевский.

Поначалу она отвергла настойчивые ухаживания 26-летнего Некрасова, который от отчаяния едва не покончил с собой. Помогла их сбли-

Селина Лефрен

жению одна из совместных поездок Панаевых и Некрасова в Казанскую губернию, где Николай Алексеевич и Авдотья Яковлевна открылись другу, а, вернувшись в Петербург, стали открыто жить гражданским браком в квартире Панаевых вместе с ее законным супругом. Такой вызывавший общественное осуждение союз продлился почти 16 лет, вплоть до смерти Ивана Ивановича.

От Николая Алексеевича в тот период отвернулись даже близкие друзья, стыдившие его тем, что он живет в чужом доме, любит чужую жену и при этом еще закатывает сцены ревности ее мужу. Но, невзирая ни на какие обстоятельства, Некрасов

и Панаева были счастливы. Свидетельство тому — знаменитый «Панавский цикл» стихов, один из лучших в творчестве поэта, который он редактировал с Авдотьей Яковлевной. Они, как уже говорилось выше, выступали соавторами «многосерийных» беллетристических романов в «Современнике» и соратниками в деле возрождения и развития журнала.

В 1849 году у Панаевой родился от Некрасова сын, однако мальчик прожил недолго. Это, возможно, послужило причиной резких вспышек

труппы играла на сцене Михайловского театра и отличалась живым, легким характером.

В 1864-м актриса сопровождала поэта и его сестру Анну в трехмесячном заграничном путешествии, когда они подолгу жили в Париже. Два года спустя Селина все лето гостила у Некрасова в его бывшем голицынском имении Карабиха. А затем вновь отправилась с ним и Анной за границу и в Россию уже больше не вернулась. Это, тем не менее, не прервало их отношений — в 1869 году они встретились в Париже и прове-

Гораздо раньше, чем в поэзии, Некрасов нашел себя в издательской деятельности. Это оказалось его подлинным призванием, и дело пошло настолько успешно, что на паях с писателем И.Панаевым он приобрел в аренду у Плетнева легендарный журнал «Современник», где к нему, оставив «Отечественные записки», присоединились лучшие литературные силы, и даже сам Белинский

гнева и перемен настроения Николая Алексеевича, который как раз тогда сильно заболел. В 1862 году умер И. Панаев, а год спустя Авдотья Яковлевна, не выдержав, ушла от Некрасова. Он помнил ее до конца жизни и не забыл в своем завещании, хотя вскоре нашел утешение в объятиях французской актрисы Селины Лефрен. Некрасов познакомился с ней еще раньше в Петербурге, где та в составе французской

ли месяц у моря. Там Некрасов существенно поправил здоровье и чувствовал себя с Селиной счастливым. Несмотря на то, что ее отношение к нему отличалось некоторой суховатостью и ровностью, он испытывал к ней искреннюю привязанность, часто помогал и в предсмертном завещании отписал французженке десять с половиной тысяч рублей.

Последней большой любовью Некрасова стала... простая необразо-

*Зинаида
Николаевна
Некрасова
(Фекла
Анисимовна
Викторова)*

жена. Она разделяла охотничьи пристрастия мужа, ловко обращалась с двустволкой, выезжая на псовую охоту в рейт-фраке, жокейских панталонах в обтяжку и цилиндре, сама седлала лошадь, но однажды случайно застрелила любимого пойнтера Некрасова, и он с тех пор навсегда повесил ружье на стену.

Второй наследственной страстью Николая Алексеевича была картежная игра. Прапрадед поэта, Яков Алексеевич, «несметно богатый» рязанский помещик, быстро спустил за ломберным столом все свое состояние. Впрочем, будучи воеводой в Сибири, вновь быстро разбогател, но опять проигрался в пух и прах,

так что сыну Сергею оставил одно только рязанское имение. Женившись, тот получил в качестве приданого село Грешнево, однако спустил и его. Отец не без юмора рассказывал Николаю Алексеевичу семейную эпопею: *«Предки наши были богаты. Прапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прадед — две, дед, отец мой, — одну, я — ничего, потому что нечего было проигрывать»*. И вот только Николаю Алексеевичу из всех Некрасовых удалось переломить судьбу и превратить страсть к игре в источник солидного дохода.

Секрет его успеха был весьма прост. Он играл не в азартные, а в так называемые коммерческие игры,

где выигрыш зависит не столько от слепой удачи, сколько от умения. При этом играл только в петербургском Английском клубе, то есть в кругу лиц очень состоятельных, среди которых встречались первые сановники империи. Они садились за карточный стол ради приятного времяпрепровождения, проигрыш даже крупной суммы не был для них трагедией. Занятые оживленной беседой с партнерами, эти господа играли достаточно рассеяно и не могли всерьез противостоять целеустремленному и сосредоточенному противнику. Все эти моменты Некрасов учитывал, перед тем как ехать в клуб, профессионально готовился к предстоящей игре: хорошо выпившись, принимал для бодрости ванну с ромом, а за карточным столом не пил ни капли и старался меньше участвовать в общем разговоре.

Так он играл в клубе на протяжении многих лет. Случалось ему, разумеется, и проигрывать, но итоговый счет всегда был в его пользу и шел на сотни тысяч... Один министр финансов А. Абаза проиграл ему более миллиона франков. Благодаря карточным выигрышам, поэту удалось сколотить приличный капитал, выкупить отобранное у деда за карточные долги родовое имение Грешнево, где Некрасов провел детские годы, приобрести барскую Карабицу и частично оплачивать расходы по изданию журнала, который поистине являлся для Николая Алексеевича делом жизни. Немалые литературные гонорары Некрасова не могли

даже близко равняться с его карточным «доходом». Лишенный в юности и ранней молодости буквально всего, он смог теперь зажить на широкую ногу, о чем давно мечтал.

С петербургским Английским клубом оказался также связан позорный поступок Некрасова, который нанес огромный урон его репутации революционного демократа. 16 апреля 1866 года на торжественном обеде в честь вызванного царем из отставки на усмирение революционных настроений в столице генерала М. Муравьева-Виленского («Муравьева-Вешателя») поэт прочитал хвалебную оду в его адрес. Неудавшееся покушение террориста Н. Каракозова на священную особу императора развязало Муравьеву руки в осуществлении массовых репрессий, затронувших даже князей и министров и посеявших страх в кругах столичной интеллигенции. Многие антимонархически настроенные общественные деятели вынужденно выражали публичное ликование по поводу чудесного спасения государя. Поддался этой панике и Некрасов, сочинивший стихотворение, где превозносил подвиг некоего О. Комиссарова, который случайно оказался на месте покушения и успел толкнуть Каракозова под руку в момент совершения тем выстрела.

За два дня до торжественного обеда Николай Алексеевич получил тайную записку от цензора Ф. Толстого о готовящемся закрытии «Современника». Тогда же старшина клуба граф А. Строганов, одоблив-

ший верноподданническое стихотворение Некрасова, предложил поэту увенчать обед одой генералу-карателью. Что он и совершил ради спасения журнала, все равно закрытого Муравьевым. В несохранившейся оде Некрасов, по свидетельству присутствовавших на обеде, рассыпал ему высокопарные и чрезмерные похвалы и призывал к скорейшей расправе с революционерами, теми самыми пылками, честными молодыми людьми, кого ранее призывал «идти в огонь» и «гибнуть» во имя отчизны.

Ода вызвала шквал негодования, особенно в литературной среде. Оскорбленными себя посчитали не только сотрудники «Современника», но и вчерашние поклонники поэта, которые сдирали со стен его портреты, рвали их в клочья, писали на обрывках слово «подлец» и посылали обрывки ему по почте. Появились злые эпиграммы, сатиры, пародии. Фет назвал Некрасова продажным рабом, отлученным от храма поэзии.

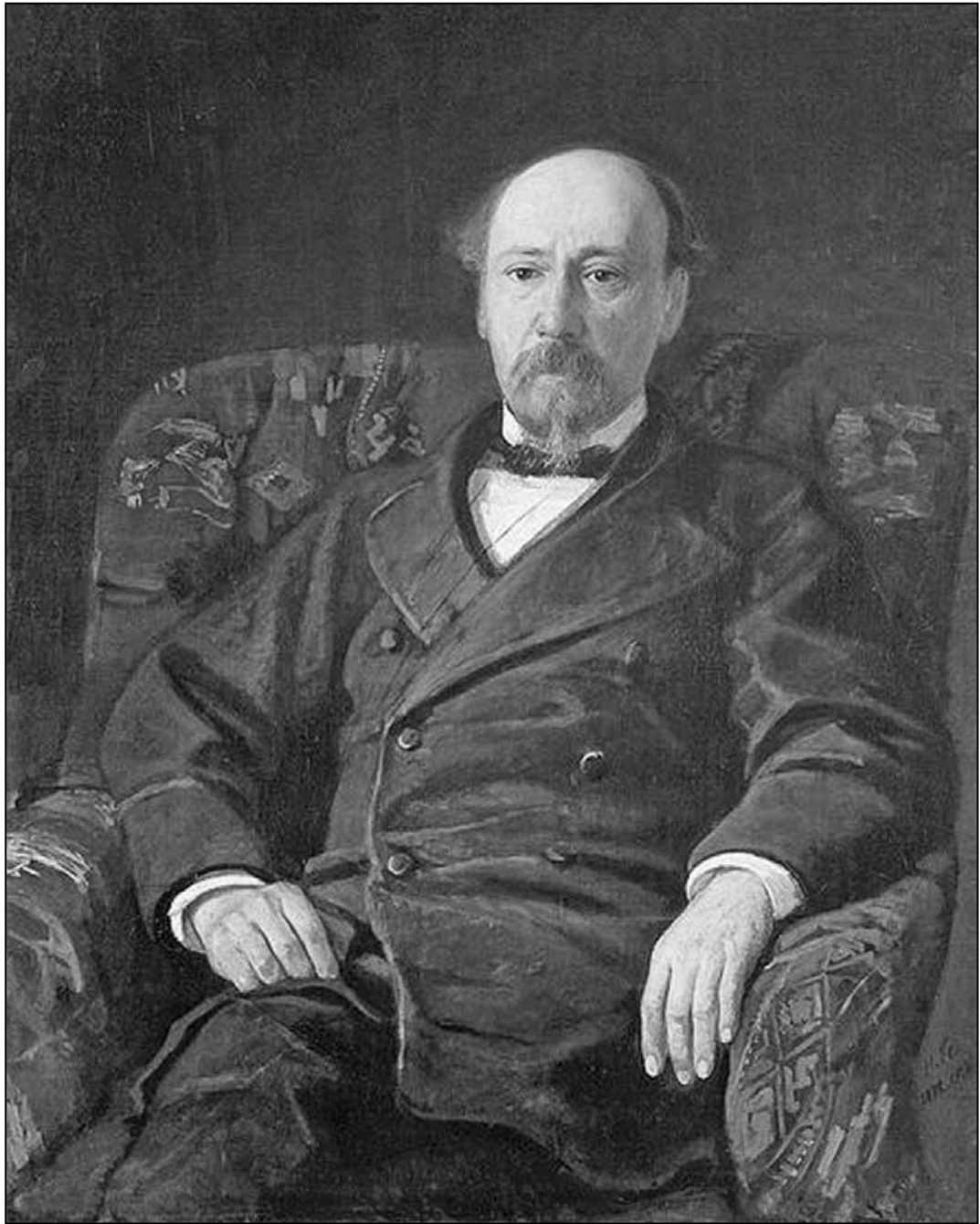
Надо отметить, что Николай Алексеевич не отрицал всей неприглядности своего поэтического выступления, однако поначалу оправдывал его подлостью общества в целом. *«Оттого я подлец, что я ваше порождение, ваша кровь. Вашего суда я не признаю, вы такие же подсудимые, как и я»*, — заявлял он. И все же до самой смерти испытывал мучительные угрызения совести по поводу данного постыдного поступка, сказавшиеся на его здоровье. Особенно больно ему было

от нарушившейся идейной связи с Белинским и Добролюбовым.

И все же именно последние годы жизни оказались расцветом некрасовской музыки, подарившие нам лучшие образцы его глубоко гуманистической гражданской поэзии. К этому времени относятся знаменитые поэмы-симфонии «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо».

Первая воспевает подвиг жен декабристов, которые отправились за осужденными на каторгу мужьями в Сибирь. В пленительных образах знатных героинь продолжена тема женской доли поэмы «Мороз, Красный нос» (1863), где звучит гимн простой крестьянке. Вторая вобрала в себя весь духовный опыт автора, тонкого знатока народного быта и народной речи. Она явилась плодом долгих размышлений поэта о положении и судьбах пореформенного крестьянства, фактически разоренного столь долгожданной отменой крепостного права.

В начале 1875 года Некрасов тяжело заболел. Врачи обнаружили у него рак кишечника. В последующие два года жизнь поэта превратилась в сплошную муку. Выписанный из Вены хирург, медицинское светило, сделал операцию, но она лишь отсрочила конец. Зато вести о смертельной болезни вернули Николаю Алексеевичу былую популярность и почитание публики. И — прощение, которого он так ждал. Со всех концов России к нему потекли сочувственные письма и те-

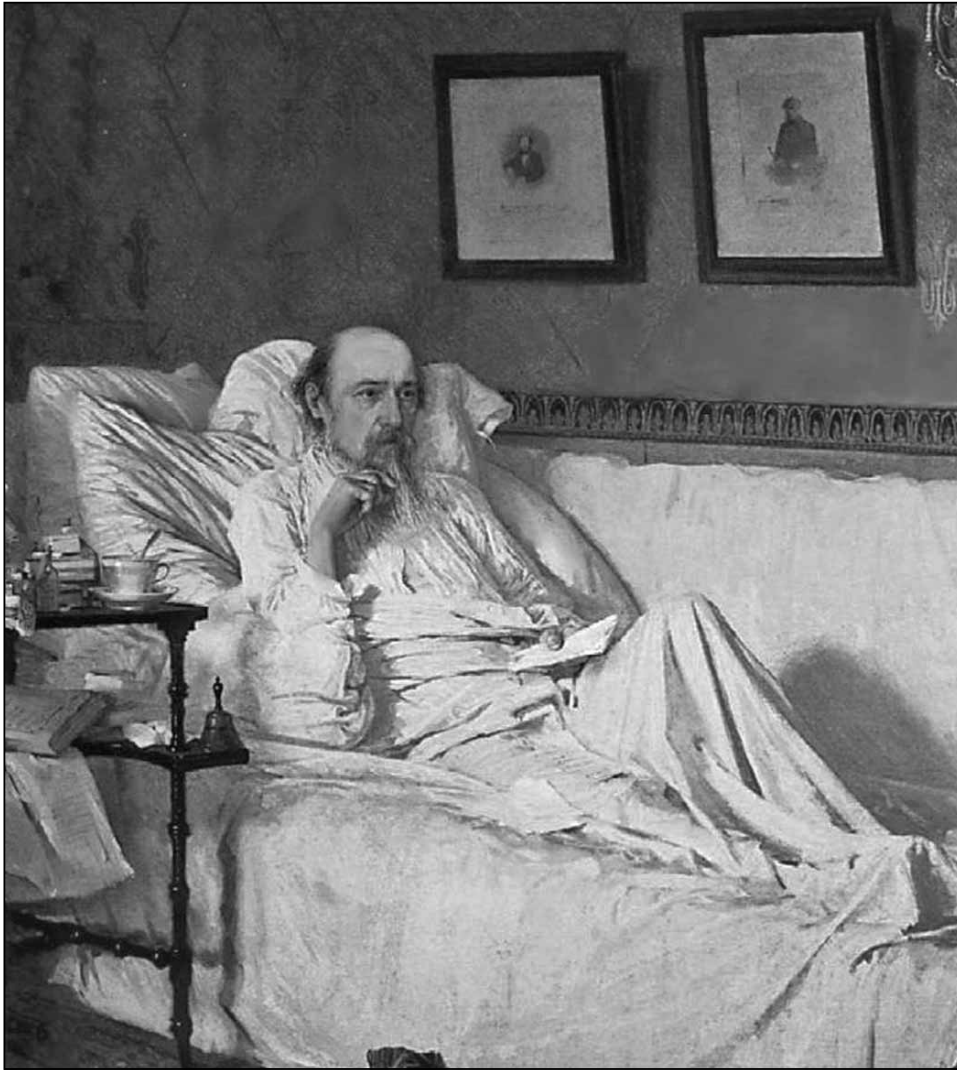

леграммы. Поддержка общественности облегчила Некрасову тяжкие страдания и вдохновила на прощальные произведения.

Ими стали исповедальные «Последние песни», которые по искренности и силе лирического чувства можно отнести к высшим достижениям отечественной поэзии. Нака-

нуне ухода Некрасов и сам ясно осознавал свое место в ней. *«Не бойся горького забвенья, \\ Уж я держу в руке моей \\ Венец любви, венец прощенья, дар кроткой родины твоей...»*

Перед смертью Николай Алексеевич решил, наконец, узаконить свой гражданский брак с Зинаидой.

Сил ехать в церковь у больного не было, и венчание состоялось на дому 14 декабря 1877 года по старому стилю. За неделю до кончины у Некрасова случился паралич левой части тела. 26 декабря он поочередно подозвал к себе жену, сестру и сиделку, каждой сказав едва слышно: «прощайте». Вскоре сознание покинуло его. Он умер 27 декабря в восемь часов вечера.

Проводить Некрасова в последний путь пришло небывалое количество людей. Прощание началось в 9 утра и сопровождалось литературно-политической демонстраци-

ей. Несмотря на трескучий мороз, толпа в несколько тысяч человек, преимущественно молодежи, шла за гробом с телом Некрасова до места его вечного упокоения на петербургском Новодевичьем кладбище.

Любопытно, что молодежь зашикала Достоевского, который в надгробной речи отвел Некрасову третье место — после Пушкина и Лермонтова. *«Да он выше, выше Пушкина!»* — кричали студенты. В погребении принимали участие представители тайной народнической организации «Земля и воля», наво-

дившей ужас на полицию. Были там также другие революционеры, которые возложили на могилу венки с надписью: «От социалистов».

Сразу после похорон Зинаида Николаевна обратилась к настоятельнице монастыря с просьбой продать ей место на кладбище рядом с могилой мужа для своего будущего захоронения. Просьба была удовлетворена.

трудных периодов его развития. Будучи редактором и издателем лучших российских журналов 19-го столетия, Некрасов стоял в центре общественно-литературного движения своего времени.

Хотя он и пользовался широкой популярностью при жизни, по достоинству оценить оригинальность некрасовского слога, новаторство формы и содержания творчества

Последние годы жизни оказались расцветом некрасовской поэзии и подарили нам лучшие образцы его поэзии. К ним относятся, в первую очередь, знаменитые поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и «Русские женщины». К сожалению, Некрасов был уже тяжело болен, но поддержка общественности облегчила ему тяжкие страдания и вдохновила на прощальные произведения, которыми стали «Последние песни». Их можно отнести к высшим достижениям отечественной поэзии

Любовная лирика Некрасова, которую Чернышевский метко назвал «поэзией сердца», как и его единственная в своем роде поэтическая энциклопедия дореволюционной России, опередили творческие устремления большинства поэтов-современников и предвосхитили «городскую» поэзию начала XX века. По мнению ведущих исследователей, Некрасов выступил реформатором русского стихотворного стиля, наполнив свои произведения богатством народной речи, и являясь ярким выразителем народного самосознания в один из наиболее

этого поэта сумели лишь в XX веке. Не случайно его мотивы отозвались в стихотворениях и поэмах творцов Серебряного века — В. Брюсова, А. Белого, А. Блока. Отголоски некрасовской поэзии, проникнутой страстным гражданским пафосом, слышны в произведениях Р. Рождественского, Е. Евтушенко, В. Винокурова. Думается, к некрасовской поэзии будут еще не раз обращаться российские поэты.

И уж, конечно, не потеряет она своей притягательности для будущих поколений отечественных читателей. □

Владимир Братченко

Теплоход «Одесса» Черноморского пароходства строился на английской судостроительной верфи Barrow для датской компании Nordline. Когда строительство в 1974 году было почти завершено, Nordline обанкротилась и не смогла расплатиться с верфью. Воспользовавшись этой ситуацией, Минвнешторг СССР выкупил судно на весьма выгодных условиях. Для его приемки в Англию была командирована группа специалистов во главе с капитаном Вадимом Николаевичем Никитиным. Не случайно именно его назначили руководить приемкой. Фанатично преданный морскому делу, он был чуть ли не самым молодым, но уже достаточно опытным среди знаменитых одесских капитанов. В первый же день англичане вручили ему кучу счетов, касающихся незавершенных работ, закупок запасных частей и материалов, в том числе совершенно ненужных. Они надеялись, что советские специалисты не разберутся в хитроумной «капиталистической бухгалтерии». Напрасно. Одесситы трудились всю ночь, и когда на следующий день предоставили англичанам свои контрпредложения и расчеты, те были немало удивлены. Приемка продолжалась три недели. Капитан Никитин вел переговоры как бывалый бизнесмен, бескомпромиссно и грамотно отстаивая интересы пароходства. Хотя можно было бы, как выражаются современные бизнесмены, не «заморачиваться», подписать, прямо-сдаточный акт, получить «суточные» и уехать...

Одесситы присвоили теплоходу имя своего славного города. Это был один из самых комфортабельных круизных лайнеров того времени. На судне имелось буквально все, чтобы удовлетворить самых взыскательных туристов: ресторан, бары, спортзал, сауна, бассейн, музыкальный салон, кинотеатр, зимний сад, игровой центр, сувенирный магазин, медпункт, салон красоты.

Серьезные трудности у капитана возникли при подборе персонала по обслуживанию туристов: горничных, поваров, официантов, стюардов, барменов. Предпочтение отдавалось тем, кто на достаточном уровне знал английский язык, и тем, не удивляйтесь, кто умел хорошо плясать, петь или играть на музы-

кальных инструментах! Как это было заведено в советское время, каждого, кого отправляли работать за границу, придирчиво проверяли «на морально-политическую зрелость» в специальных партийных комиссиях, составленных, как правило, из пенсионеров-большевиков. Члены комиссии задавали самые каверзные вопросы. Морякам запомнился один забавный случай, когда молоденькую официантку спросили: «Как вы, комсомолка, будете за границей отстаивать преимущества социалистического строя перед капиталистическим?» Девушка сначала растерялась, не знала, что ответить, а потом выпалила: «Добросовестным трудом и дисциплиной!» «Ну что ж, можно и так, чем как-то по-друго-

му», — согласился мудрый председатель комиссии. Члены комиссии так и не поняли, что он имел в виду.

Однако самой большой проблемой оказалось подыскать шеф-повара, знающего секреты мировых кухонь. Качество питания интересует туристов чуть ли не в первую очередь. Ведь на борту шикарного лайнера даже язвенники и трезвенники, как говаривал известный киногерой, мечтают хорошо покушать и выпить, позабыв на время о своих болезнях. Никитин решил пойти на весьма рискованный для того времени шаг. Вопреки инструкциям «вышестоящих органов», он пригласил на судно американца Дьюка Фолсона из Американского кулинарного института, эксперта в ресторанном бизнесе и практикующего повара экстра-класса. К концу 1975 года «Одесса» и его команда были полностью готовы отплыть к далеким берегам...

В соответствии со сроком, оговоренным в контрактах с судовым агентом и турфирмой, «Одесса» подошла к восточному побережью США, и в декабре 1975 года бросила якорь в порту города Новый Орлеан. Еще до прибытия в порт любопытные американцы выкупили все 600 ваучеров, максимум, на который рассчитана вместимость теплохода. Однако капитан и экипаж прекрасно понимали, что впереди их ждет серьезная конкуренция, так как в этом регионе уже работали три американских круизных лайнера. Неожиданно

судовой агент сообщил, что перед выходом «Одессы» в первый круиз в порту намечается демонстрация «ультрас» — под предлогом протеста против антисемитизма в СССР. Омрачить праздник начала навигации, к которой самозабвенно готовился экипаж, капитан Никитин допустить никак не мог. За день до выхода в рейс он устроил на борту судна банкет, на который пригласил мэра города, банкиров и бизнесменов, журналистов и телевизионщиков, руководителей полицейского управления и даже зачинщиков манифестаций. Всего пришло около 250 человек. Одетый в белоснежную парадную форму красавец-капитан, выглядевший не хуже голливудских секс-символов, обратился к гостям с приветственным словом. Он сказал, что очарован Новым Орлеаном, родиной Луи Армстронга, диксиленда и блюзов, что этот южный город и его энергичные и жизнерадостные жители напоминают ему его родную Одессу. Речь была встречена одобрительными возгласами и свистом, что у американцев означает полное одобрение. Затем гостей потчевали русскими блинами с икрой, пирожками, шашлыком, русской водкой и одесским шампанским. Закончилась встреча небольшим концертом в исполнении экипажа, что вызвало, как говорят одесситы, полный фурор. На следующий день, вместо намеченной демонстрации, сотни горожан пришли на пристань прово-

*Капитан
Вадим
Николаевич
Никитин*

жать «Одессу» и своих счастливых земляков в их первый рейс.

В течение шести лет, до середины лета 1980 года, «Одесса» совершала недельные круизы с американскими туристами. Стартуя из Нового Орлеана, теплоход делал остановки на мексиканском острове-курорте Косумель, на Кубе, в Гондурасе, на Каймановых островах и вновь возвращался в Новый Орлеан. Обслуживание туристов проходило на безупречном уровне, невиданном не только у нас, но и у избалованных американцев. Капитан Никитин сумел создать совершенно уникальный коллектив и пользовался в нем непререкаемым авторитетом. Профессионал высочайшего класса,

всегда предельно аккуратный, подтянутый, строгий, но справедливый с подчиненными, независимо от занимаемой ими должности, он любил повторять: «Пассажирский флот — это, в первую очередь, безопасность, море не прощает ошибок».

Когда «Одесса» после очередного круиза возвращалась в Новый Орлеан, капитан Никитин лично швартовал лайнер и делал это виртуозно. Жители города приходили на пристань полюбоваться этим зрелищем. Недаром у моряков есть пословица: «Птицу видно по полету, а капитана — по швартовке». Американские власти даже позволяли ему проводить судно вверх по Миссисипи в порт Нового Орлеана без лоцмана, что было признаком полного

доверия и признанием высочайшего мастерства капитана.

Однажды к Никитину пришли руководители порта с просьбой одолжить снаряжение для подводных работ. Они объяснили, что на одном американском судне во время причаливания швартовый канат не долетел до кнехта, упал за борт и запутался в гребном винте. Никитин внимательно выслушал американцев и решительно заявил, что эту проблему будет решать сам. Одевшись в водолазный костюм, он погрузился в воду под днище судна. Несколько десятков человек с волнением ожидали конца этой сложной и опасной операции. Особенное беспокойство проявляла немецкая овчарка по имени Рекс, друг и спутник капитана в его плаваниях. Наконец над по-

верхностью появилась голова капитана, а затем рука, в которой он держал конец каната...

В газетах печатались восторженные отклики и фотографии об отважном капитане Никитине, о русском теплоходе с отличным сервисом и превосходной кухней. «Вадим Никитин завоевал во время круизных рейсов лайнера "Одесса" с американскими туристами уважение всей Америки, — вспоминал капитан дальнего плавания Мурманского пароходства В. Кисляков. — Благодаря его высокому профессионализму, личному обаянию, сметливости, уму и колоссальному напряжению сил "Одесса" смогла выдержать конкуренцию с американскими пассажирскими судами».

Обо всем этом я, конечно, ничего не знал, пока не прибыл на теплоход «Одесса». Здесь меня встретил симпатичный человек, который представился помощником капитана по работе с туристами. Звали его Владимир Семенович Добродеев. Если бы он сказал, что его фамилия Добродян, Добродеев или даже Добропопулос, я бы несколько не удивился, потому что это был настоящий одессит! Когда он вел меня по бесконечным переходам и трапам в отведенную мне каюту, мы не встретили ни одного туриста. «Все они, вместе с детьми, — объяснил помощник, — сошли на берег и наслаждаются отдыхом на знаменитых пляжах этого острова». Ознакомив меня с особенностями устройства каюты, он сообщил, что капитан Никитин просит перед ужином пожаловать к нему в каюту на аперитив.

В назначенное время я поднялся в каюту капитана. Каютой ее назвать было бы не совсем правильно. Она, скорее, напоминала номер-люкс в пятизвездочном отеле. Здесь был рабочий кабинет, гостиная, спальня и, конечно, санузел с душем. Все было в идеальном порядке и сверкало стерильной чистотой. Кроме самого капитана в каюте находились помощник по политической работе (помполит) и уже знакомый мне помощник по работе с туристами. После теплого приветствия и церемонии знакомства (была представлена и овчарка по имени Рекс, которая любезно подала мне лапу), капитан,

обратившись ко мне, сказал: «На нашем теплоходе пассажиров принято называть гостями. Но вы у меня особый гость — гость капитана». После чего вручил мне свою визитку, которая давала право бесплатного посещения всех баров. В это время в каюту вошел еще один гость капитана. Это был корреспондент одной из центральных советских газет в Нью-Йорке. Было заметно, что гость уже вполне успешно «задействовал» визитку капитана. Пожелав хорошо провести время на судне, Никитин предложил выпить за знакомство, чему присутствующие возражать не стали. Неожиданно в дверь постучали, и миловидная официантка (при виде ее Рекс недовольно фыркнул) на изящной тележке вкатила в каюту огромный арбуз. «Будем делать коктейль по рецепту Александра Ивановича Куприна», — торжественно объявил Вадим Николаевич. Он срезал верхушку арбуза и огромной ложкой вычерпал из него почти все содержимое. Затем влил туда бутылку апельсинового ликера, полбутылки коньяка «Мартель», бутылку шампанского, а оставшееся пространство заполнил кубиками льда. Закрыв арбуз отрезанной верхушкой, он с невозмутимым видом пронес его мимо нас и поместил в холодильник. «Дегустировать будем завтра, после отдыха в Гондурасе, — объяснил капитан, не обращая внимания на приготовленные нами бокалы. — А сейчас спускаемся в ресторан, где нас

ждет ужин и концерт в исполнении членов экипажа».

Появление капитана в ресторане было встречено аплодисментами. Главный кок «Одессы» Дьюк Фолсон составил национальные меню, которые менялись каждый день, разработал винную карту, заменил многие «общепитовские» названия блюд, коктейлей и десертов на более привлекательные и понятные для американцев. Было, разумеется, и русское меню, включавшее борщ, котлеты по-киевски, разносолы и даже квас. «Сегодня у нас ужин по-мексикански», — сообщил Никитин.

Ужин проходил под «жгучие» ритмы латиноамериканских мелодий в исполнении отличного одесского джаз-ансамбля, одетого в костюмы мексиканских народных музыкантов — марьячис. Неожиданно ансамбль умолк, и на сцене, под нарастающий барабанный бой, с сияющей улыбкой на добродушной физиономии появился Фолсон. На голове у него был высоченный белоснежный колпак, сам он также был весь в белом, включая белые сабо на ногах. Гости встретили его, как и капитана, аплодисментами. Среди них было немало его земляков, и он, прохаживаясь между столиками, пожимал им руки, некоторых дружески хлопывал по плечу и, конечно, интересовался результатами своего творчества. Убедившись, что все довольны, он удалился к себе на камбуз с сознанием выполненного долга.

Все с нетерпением ждали начала концерта. Ансамбль заиграл жизне-радостный марш, и на сцену «выпорхнул» ведущий, помощник капитана по работе с туристами. Но узнал я его с трудом. Это был словно другой человек, при виде которого уже заранее ожидаешь шуток и анекдотов. На прекрасном английском языке он начал с того, что сообщил присутствующим, как в Новом Орлеане один весьма достойный американец жаловался ему: «Представляешь, Владимир, жена мне говорит: «Этот русский теплоход «Одесса» все так хвалят. Я мечтаю на нем поплавать! Интересно, сколько это стоит?» Я ей отвечаю: «Ничего! Мечтать можно бесплатно, все ваучеры уже проданы на полгода вперед!» А дальше он «каламбурил» на английском с одесским акцентом, чем довел публику до слез.

Потом неожиданно на сцене появилась в матросском костюме уже упомянутая выше красавица-официантка и с блеском спела популярную во всем мире «Песенку про капитана» из кинофильма «Дети капитана Гранта». Американцы дружно подхватили припев, а наша комсомолка лихо ими дирижировала. После этого были знаменитый матросский танец «Яблочко» и американские «частушки в стиле кантри», которые окончательно покорили новоорлеанцев. Последним на сцену вышел фокусник. Он, как и кок, дружески пообщался с гостями, а, вернувшись на сцену, выложил на сто-

лик содержимое карманов некоторых из них, особенно разомлевших. Под веселый смех зала каждый «пострадавший» по очереди поднимался на сцену и получал обратно свое имущество. «Это наш старший бармен, — с гордостью проинформировал меня Вадим Николаевич. — А за стойкой бара, приготавливая коктейли, он жонглирует бокалами и бутылками. Однажды группа американских барменов специально сделала круиз, чтобы поучиться у него этому «искусству».

На теплоходе жизнь не прекращается ни днем ни ночью. После концерта довольные гости, некоторые даже с детьми, заспешили в музыкальный салон на танцы. Пожалуй, единственным недовольным человеком был корреспондент. И было отчего: пошарив в карманах пиджака, он обнаружил, что визитка капи-

тана бесследно исчезла. Простившись с нами, Вадим Николаевич «взял курс» на свое рабочее место — капитанскую рубку, напоминающую, скорее, пульт управления на космодроме. А корреспондент и я, обмениваясь впечатлениями, отправились спать по каютам.

На следующее утро «Одесса» прибыла в порт Гондураса Ла Сейба, единственный, способный принимать круизные теплоходы. Интересно звучит название столицы этой центральноамериканской республики — Сегусигальпа, что на языке коренных жителей науатль означает «Серебряные холмы». Из порта всех желающих посадили в комфортабельные автобусы и повезли отдыхать на ранчо. Корреспондент и я были в их числе. Капитан также решил отдохнуть и позднее присоединился к нам. Был солнечный день,

воздух и океан имели практически одинаковую температуру — около +32 градусов. Под длинным навесом из тростниковой соломы нас ожидал шведский стол, но на деревенский лад. На мангалах жарились говяжьи стейки с луком (*carneasado*), лепешки с фасолью и сыром (*baleadas*), бананы (*platanosfritos*). В красочных глиняных сосудах со льдом располагались фруктовые напитки, пряный напиток из риса (*horchata*), десерт с ананасом (*vinagredepina*). Также можно было отведать народные алкогольные напитки: ликер из сахарного тростника (*guaro*), бражка из сока агавы «пульке», местный джин. Все эти названия на каком-то загадочном языке разузнал кор-

респондент у индейца-повара. Вскоре под навесом устроились четыре музыканта — с гитарой, скрипкой, аккордеоном и народным инструментом маримба, похожим на виброфон, и стали играть и петь завораживающие народные мелодии и песни. Ранчо соседствовало с великолепным пляжем, глубина у берега не превышала и одного метра, и дети немедленно бросились купаться. Но их ждали и другие интересные развлечения. Старик-ранчero дал ребятам мастер-класс по дойке коровы, которую привели из ближайшей фермы. Малышей катали на арбе, запряженной огромным быком, а те, что постарше, могли на лошадях в сопровождении кабальерос

прогуляться в сторону видневшихся вдали снежных гор.

Вернувшись вечером на теплоход и немного отдохнув, мы в прежнем составе собрались в каюте капитана на дегустацию коктейля. Капитан был очень доволен своей работой и рассказал нам еще одну историю о коктейле, которым угощали туристов во время круиза «Одессы» во льдах у берегов Аляски. К дрейфовавшему неподалеку от теплохода айсбергу Никитин отрядил шлюпку, моряки откололи от него несколько глыб льда и привезли их на теплоход. Когда гости узнали, что пьют коктейль со льдом из ледника Аляски, они были в восторге и тут же дали ему название «Одесский айсберг».

Пока капитан, испытывая наше терпение, разливал коктейль по бокалам, помполит поинтересовался у корреспондента, о чем тот постоянно беседует с матросами и туристами и что-то записывает в свой блокнот. «Вы вынудили меня раскрыть мой секрет, — смущенно признался журналист. — Я пишу очерк о замечательном экипаже теплохода «Одесса» и его капитане». И, поскольку секрета больше не было, он, не теряя времени, стал задавать вопросы Никитину: «Как правильно говорить: судно "ходит" или "плавает?" «Военные моряки говорят "ходит", а мы же считаем, что "ходят на горшок в госпитале", а мы плаваем!» На вопрос, каким должен быть капитан судна, Вадим Николаевич, то ли в шутку, то ли всерьез, ответил:

«Капитаны — это одинокие морские волки (при этих словах Рекс навострил уши и укоризненно посмотрел на хозяина). На судне нет никого выше капитана. Капитан на судне должен быть всем! И командиром, и матросом, и отцом для всей команды — все в одном лице». На этом интервью закончилось. Коктейль получился превосходным, с неподражаемым ароматом, довольно крепким. Корреспондент, учитывая, что бармен-фокусник не спешил возвращать ему визитку капитана, особенно тщательно изучал этот необычный напиток. А потом был иллюминированный ужин в стиле «барбекю», на открытом воздухе в кормовой части, защищенной от встречного ветра, по-морскому — на юте.

На следующий день «Одесса» прибыла на остров Косумель, и мое незабываемое путешествие окончилось. Было грустное прощание с капитаном, его помощниками и корреспондентом. Я полетел в Мехико, а затем в Москву. С капитаном Никитиным я больше никогда не встречался, но с волнением следил за его дальнейшей, очень не простой судьбой.

Как утверждают мудрые люди, «хорошее» бесконечно длиться не может. Иногда оно заканчивается по объективным причинам, но часто этому способствуют завистливые и недобрые люди. Судьба капитана Никитина после отличной работы на далеких берегах у себя на роди-

не, к сожалению, начала складываться именно так. Считавшийся лучшим капитаном Черноморского морского пароходства, заработавший для своего государства не один миллион долларов, он вдруг впал в немилость.

Поскольку самые роскошные по тем временам круизные теплоходы «Одесса» и «Максим Горький» работали с иностранными туристами, на судне всегда имелись изысканные дефицитные продукты и алкогольные напитки, закупаемые на свободно конвертируемую валюту. Когда теплоход прибывал в Одессу, Никитин был вынужден постоянно принимать «высоких» гостей: то из горкома или обкома начальство пожалует, то «компетентные органы» или санэпидемстанция нагрянут и так далее. Честный и порядочный человек, он готов был кормить и поить непрошенных гостей за свой счет.

Но при этом был вынужден каким-то образом «списывать» расходы на эти рискованные и даже подсудные операции. Он говорил: «Я отдыхаю не в Одессе, а в море». К тому же Вадим Николаевич был слишком самостоятелен, начальству не кланялся и сам не любил подхалимов. Такое независимое поведение раздражало партийных чиновников. Его стали обвинять в чуждой советским людям морали, в преклонении перед западным образом жизни. А когда «доброжелатели» подбросили в партком «информацию» о том, что он пользуется уважением у американцев (какой ужас!), этого они ему простить не могли...

Травля прославленных капитанов ЧМП началась после того, как на пост второго секретаря Одесского обкома компартии из Киева прислали «знатока морского дела»,

который стал отвечать за идеологическую работу на судах. Вот после его назначения и стали тех, кто упорно проявлял независимость и не желал подчиняться вышестоящим указаниям, «списывать с судна на берег». Схема, как убрать неугодного, была проста. В рейс посылалась комиссия партийного контроля. А на судне всегда найдутся несколько человек, недовольных строгостью и требовательностью капитана. Их выслушивали, собирали различные слухи и сплетни, после чего готовили «отчет о проделанной работе». Отчет посылался в обком партии, который рекомендовал руководству и партийной организации пароходства «внимательно разобраться и принять соответствующие меры».

В отношении команды теплохода «Одесса» и его капитана эта схема не сработала. На теплоходе помпо-

лит был порядочным человеком и опытным мореходом, во всем помогал Никитину, а экипаж был очень дружный и искренне уважал, даже, можно сказать, любил капитана. Так в чем же причина гонений на капитана Никитина?

Лучше всех на этот вопрос ответил Михаил Жванецкий, хорошо знавший Вадима Николаевича.

«Потому что свободный.

Потому что сильный.

Потому что гордый.

Потому что красивый.

Потому что капитан».

19 мая 1981 года капитан Вадим Никитин в порту Нового Орлеана покидал свое любимое детище — теплоход «Одесса». Уже начался ужин для пассажиров, но официантки, возможно, впервые забыв о них, прильнули к стеклам иллюминаторов ресторана. По их лицам текли слезы. Весь экипаж высыпал на палубу. Никитин, стоявший на причале, поднял голову и помахал всем рукой. Вдруг из динамиков зазвучало:

*Теперь, на прощанье, на судно
взгляните:*

*«Одесса» — красавица, милый
наш дом.*

Не падайте духом, Мастер

Никитин,

*Мы здесь васждеждемся, мы не
подведем.*

Но этого, к сожалению, так и не случилось. Тем, кто лишил Никитина его любимого дела, этого показалось мало. Его судили по сфабрико-

ванному обвинению, в состоянии гипертонического криза выписали из больницы, исключили из партии, понизили в должности до второго помощника капитана, а потом вообще уволили из пароходства. Но, вероятно, самым труднопереносимым для него стало полное расформирование экипажа теплохода «Одесса».

Уволенный из пароходства, капитан Вадим Никитин уехал работать на Север, в порт Тикси. Там он работал на лесовозе «Кигилях» Арктического пароходства, сначала вторым штурманом, а с 1986 года — капитаном. Его и здесь травили и унижали — запретили выходить в Берингов пролив, дабы вплавь он не сбежал в Америку.

В 1989 году, по распоряжению министра Морского флота СССР Т. Гуженко, он был переведен в Мурманское морское пароходство, где работал на пассажирских лайнерах «Клавдия Еланская» и «Мария Ермолова». К этому времени Вадим Николаевич был полностью реабилитирован, ему было возвращено звание капитана. Предстоял рейс в Германию с представителями деловых кругов России на пассажирском судне «Мария Ермолова» — первый рейс с выходом за границу после стольких лет унижений. Казалось, что тяжелые времена остались позади. Он так мечтал вернуться в свою родную Одессу, и перед рейсом, поддавшись на уговоры друзей, написал рапорт на имя

начальника ЧМП с просьбой восстановить его в пароходстве. Ответ, как отзвук давно отгремевшей грозы, был жестоким: «Считаю нецелесообразным».

Сердце не выдержало выпавших на его долю несправедливых испытаний. Капитан Никитин умер на ходовом мостике теплохода «Мария Ермолова» во время швартовки в порту Архангельска 1 августа 1991 года. Накануне ему исполнилось 56 лет.

Каждый год ветераны лайнера «Одесса» собираются у могилы своего капитана, чтобы вспомнить этого красивого и умного человека, безгранично любившего море, свою работу и моряков.

На надгробном памятнике Вадиму Николаевичу Никитину на Таировском кладбище в Одессе можно прочесть прощальные слова, написанные поэтом И. Рядченко: «Ты ушел, и ты уже во мгле, где нет ярких звезд и волн ревущих. Но и на последнем корабле ты плывешь по памяти живущих».

P.S. В 1995–2001 годах теплоход «Одесса» находился под арестом в порту Неаполя за долги ЧМП. Потом он был выкуплен одесской компанией «Антарктика» и возвращен в Одессу для реконструкции. Но денег для этого не нашлось, и в 2007 году судно было продано и отправлено для разделки на металлолом в Индию. □

Иван Филиппыч

Этого невзрачного невысокого мужичка средних лет с шевелюрой черных волос, подернутой сединой на висках, в полку знали все. Да и как не знать человека, при виде которого у солдат и командиров начинала выделяться слюна, сосало под ложечкой, и появлялась улыбка на лицах. Иваном Филипповичем его величали и старые, и молодые. Уважали и ценили за безграничную преданность своему делу, за отцовскую заботу о каждом бойце без исключения. Он был душой всего военного коллектива, его кормильцем и поильцем.

— Давайте, ребяташки, ешьте, — как и всегда, поговаривал сегодня старший сержант, подкладывая уставшим после боя служивым съестное из термоса. — В каше-царице вся сила! С нею мы Наполеона одолели, с нею и фашиста прикончим.

— А, говорят, фашист-то ветчинку трескает?! — озорно выкрикнул Васька Трехрядов, совсем еще юный рыжеволосый солдатик.

— Кабы была она, — тяжело вздохнул Иван Филиппыч. — Да чего уж там! — отчаянно махнул он рукой. — Но с другой сторонки, Василий, оно как поглядеть — немец-поганец всю войну ветчинку трескал, да до Вислы откатился. Вот и подумай...

Уже совсем стемнело. Бойцы сидели в окопе, жевали, да, улыбаясь, стучали ложками. А Иван Филиппыч на них смотрел. Грязные от копоти и земляной пыли лица. Потухшие от бесконечных сражений, бессонных ночей и переживаний глаза. Вымотанные за долгие годы войны солдатики, тем не менее, никогда не теряли хорошего расположения духа. Рады были и доброму слову, и шутке любой.

— Ешьте, ребятушки, ешьте, — вновь повторил разносчик пищи.

— А ты давно на фронте-то, Филиппыч? — вдруг спросил новобранец Шурка, белобрысый юнец, только неделю назад прибывший в полк.

— Давно, — отчего-то засмутился сержант.

— С какого года?

— С сорок первого.

— И награды имеешь?

— Имею.

— А какие?

— Три медальки да орден...

Сашка от удивления присвистнул и открыл в изумлении рот:

— Ничего себе! А ведь награды-то за просто так не даются...

— Вот и я говорю, за что мне они? Кашку подносить — дело не хитрое, — улыбнулся Филиппыч, а потом вдруг поник головой, помолчал немного, а потом добавил: — Кабы собрать все мои регалии да отдать за жизни ребятушек, что в землю сырую легли. Ничего другого мне и не нужно было бы. — Он горько вздохнул и стал закрывать свой термос. — Побегу я, мои хорошие, штабистов еще кормить надо.

Застегнул фуфайку, поднялся с места и побрел дальше. А бойцы продолжали смотреть ему вслед.

— Эх, ты, Шурка! — взглянув на новобранца, с укором произнес посеребренный сединами старшина Аверин. — За просто так... Да у Филиппыча ранений, что пальцев у тебя на руках. Он с дивизией с самого Донбасса топает. И на Кавказе был, и Крым освобождал. Помню, под Керчью нас так накрыло, что и голову из окопа не высунешь. Думаем, ну, все, так от голода тут и издохнем. Ан, нет, ползет наш кормилец под пулями, по уши в грязи, что лягушонок в болоте барахтается. А как добрался, глядим, в термосе-то с кашей пять пулек застряло. Вот тебе и «за просто так».

Шурка почесал за ухом, задумался, а Аверин продолжал:

— Его и на фронт-то брать не хотели. Хворый он. Инвалид. Астма у него, у родимого...

— И как же он с нею справляется? — снова присвистнул новобранец.

— А так и справляется, травками всякими лечит, отварами разными....

И вокруг воцарилось молчание.

Как привязалась к нему эта болезнь проклятая, он не помнил. Помнил только, что не покидала она его всю жизнь. Еще мальчонкой, бывало, по-синееет весь Ванек, скукожится, того и гляди, Богу душу отдаст, ан нет. Отступит хвороба ненавистная, отойдет в сторонку, будто насмехаясь, а потом снова воротится...

Так и существовал несчастный малец под бесконечные причитания матери родной да жалостливые взгляды соседей равнодушных и детство, и отрочество свои. Ну а как подрос, совсем невыносимо стало. И отправился тогда Иван в столицу областную учиться. Да только вот беда, и там ему пришлось не сладко. В деревне что — тайга бескрайняя да воздух свежий. А в городе — выхлопы, копоть и гарь кругом. В общем, после получения диплома об образовании пришлось парню вернуться обратно в село. Тут бы ему и жизнь личную устроить, да где там, инвалиду убогому?!

А уж он сам как любил! Любил единственную, всю жизнь свою, робко, безответно, страстно. Но первая красавица округи, конечно же, взаимностью юноше не отвечала. Вышла замуж, родила и вскоре из колхоза уехала. А парень ее ждал, ждал, все надеялся свидеться снова...

Прошли годы. Началась война. И Иван, не раздумывая, отправился на фронт. Уже повзрослевшим мужчиной попал он в водоворот, да такой, что и словами не выскажешь. Навидался всякого: и смертей, и горя, и слез... Единственное, что радовало его в ту пору нелегкую, так это отсутствие сочувствия к себе со стороны людей. Да и какое может быть сочувствие при несчастье вселенском?!

А он выполнял свой долг, как мог, как велело ему честное сердце. О подвигах своих старался не думать. Да и подвигами поступки свои не считал. То раненых с поля боя вынесет, то солдатика, нечаянно ступившего на мину, спасет, то во время боя за автомат схватится, а когда и с гранаткой под танк немецкий метнется. Все польза для общего дела!

Светало. Пробуждался новый, опаленный войною день...

В небесах, где-то неподалеку вновь загремело. Но то была не гроза...

Это советские войска вели обстрел западного побережья полноводной Вислы. Форсирование реки продолжалось уже несколько суток кряду...

У переправы Филиппыч оказался к обеду. Она была совсем ветхой, кое-как сложенной на скорую руку, но все же годной для движения по ней.

Сержант ступил на неровную стлань. Доски под ним прогнулись, заскрежетали, и он, поторапливаясь вслед за другими служивыми, двинулся по ней. Через несколько шагов осмотрелся. Щербатые от кровопролитных боев да бесконечных взрывов берега полностью были усеяны осколками мин и снарядов. В заводях с распростертыми руками плавали трупы солдатиков, так и не достигших противоположного края коварной глади.

Филиппыч поежился. «Сколько же еще безвинных душ заберет в свои глубины эта водица мутная?» — подумал он про себя, вздохнул и перевел взгляд на многочисленный солдатский поток, на лодки, плоты и понтоны с людьми и артиллерией, которые двигались по реке в ту же сторону, что и он. Где-то неподалеку шел бой, и оттуда отчетливо доносился грохот пушек.

— Филиппыч! — вдруг услышал позади себя сержант и обернулся.

Его догонял недавний знакомец, новобранец Шурка. Парень, то и дело поправляя съехавшую на глаза каску и придерживая ремень автомата, семеня по мостку, быстро перебирая кирзовыми сапогами.

— Приветствую! — наконец произнес он, как только оказался рядом с сержантом.

— Здорово! — добродушно ответил ему Филиппыч, продолжая свой путь. — Случилось чего?

— Да нет, — вдруг замялся молодой служивый. — Я тут пакет относил и тебя увидел. Дай, думаю, догоню. Наши-то ребята часа два как уже переправились. — Он помолчал немного и добавил: — А я смотрю, ты тоже от кухни отстал?

— Я не отстал, — улыбнулся Филиппыч. — Я провизией запасался. — Он на ходу раскрыл свой солдатский мешок и извлек оттуда пару кочанов спелой капусты. — Вот полюбуюсь.

— Хороша! — довольно крякнул Санек.

— И не говори, — просияв, согласился с ним Филиппыч.

Он определил кочаны обратно в котомку и уже собирался о чем-то спросить, но не успел. С запада в сторону переправы неслась стая «месеров». Будто играючи, раскачивались они в воздухе, черной тучей приближаясь к намеченной цели.

— Воздух!!! — вдруг выкрикнул кто-то из солдат, и тотчас началась паника.

Бойцы опрометью кинулись по мосту, на ходу стреляя из автоматов, некоторые не раздумывая, прыгали в воду.

Иван Филиппович с Шуркой рванули вперед. До противоположного берега оставалось всего ничего, как вдруг потоки пуль сразили бегущих на против. Солдатики стали замертво падать на деревянную стлань. Двигаться дальше было невозможно.

— Прыгай, Санек! — повернулся Филиппыч к растерянному пареньку. — Прыгай! — И сам без промедления кинулся в реку.

Вода скрыла сержанта с головой, наполненные до краев сапоги тяжелыми гирями повисли на ногах. Он побарахтался немного в илистой жиже, но все же вынырнул на поверхность и осмотрелся.

«Мессеры» в небе продолжали шнырять то туда, то сюда, оставляя позади себя горы трупов. С берега прицельным огнем по ним била артиллерия. В воздухе незваных гостей встретили наши истребители. И вот, наконец, один из крестоносных убийц, выпустив черный хвост дыма, рухнул в нескольких сотнях метров от переправы.

Филиппыч поискал глазами Шурку. Живых и мертвых в воде было хоть отбавляй, но парня среди них видно не было. Но чуть позже сержант все же заметил юнца, который лежал прямо на мостках. Он был ранен в плечо и стонал от боли.

— Сашка, давай сюда! — крикнул рядовому Филиппыч.

Но молодой солдатик лишь отрицательно покачал головой:

— Я плавать не умею!

— Прыгай, говорю! — повторил Филиппыч, не отрывая взгляда от паренька, уставившегося куда-то в небо.

Над мостом вдруг снова пролетела «серая птица с крестом», и тогда Шурка решился. Он резко вскочил на ноги и кинулся в реку, приводнившись ровно в двух метрах от сержанта. Солдатик сразу же ушел в Вислу с головой. Иван тут же нырнул за ним следом. Сашка, изо всех сил загребая руками, пытался выплыть, но у него никак не получалось. Филиппыч схватил несчастного за воротник гимнастерки и вытянул наверх. Наконец Шурка глотнул желанного воздуха.

— Живой? — спросил его сержант и поволок за собой.

Вскоре все вокруг стихло. Проклятые «мессеры» улетели. Филиппыч, к радости своей, почувствовал под ногами дно. Он с трудом выбрался на берег и без сил повалился на песок. Рядом с ним, держась за плечо, рухнул и Шурка.

— Получилось, — неожиданно сказал он и по-мальчишески зарыдал в голос.

Филиппыч хотел, было, успокоить молодого бойца, но понял, что не может этого сделать. Новый приступ астмы неожиданно накрыл его. Он попытался подняться на ноги, но сумел только сесть. Подсвистывая горлом, Иван печально посмотрел на плещущиеся перед ним воды, схоронившие его вещмешок и травяное лекарство в нем. Сашка, почувствовав неладное, тут же поспешил к сержанту.

— Филиппыч, тебе плохо? — спросил перепуганный паренек.

Но тот лишь отрицательно покачал головой. Он вдруг почему-то вспомнил свой дом, мать-старушку и девушку, которая так и не стала его. Перед глазами мелькнула тайга, такая бескрайняя и манящая. Иван улыбнулся своим воспоминаниям, взглянул на юнца и, прежде чем сделать свой последний в жизни вздох, произнес:

— Иди, сынок, Берлин уже близко.

И Филиппыч замертво упал в песок... □

Александр Рудяков:

«Крымские русисты сделали русский язык не просто государственным, а родным»

Александр Николаевич Рудяков — доктор филологических наук, профессор, ректор Крымского института постдипломного педагогического образования (КРИППО). Автор «георусистики» — новой науки XXI века, изучающей русский языковый мир. Председатель Комиссии по образованию Общественной палаты республики Крым.

В детстве я постоянно слышала наставление от родителей: «Не разбрасывайся, сосредоточься на главном». И в жизни затем встречала скучноватых монолюдей, настроенных на одну волну — профессиональную ли, семейную, творческую.

Неважно. А вот в общении с профессором русской словесности Александром Рудяковым, с которым дружу много лет, всегда чувствовала полифоническое звучание.

Конечно, доминировали обширный интерес к русскому языку, по-

гружение в лингвистические глубины, ведь Александр Николаевич в первую очередь — филолог. Однако мы как-то пересеклись на «круглом столе» в Министерстве образования Крыма, где он убежденно критиковал популярное мнение, мол, школа обязана только давать ребенку знания, а воспитывают свое чадо пусть родители. Мало того что критиковал, предлагал концепцию бережного взращивания будущих патриотов, государственников, искренне думающих об Отечестве. Он сломал немало копий, отстаивая право крымских школьников на качественные учебники русского языка, и, в конце концов, стал писать их сам. Я слушала его потрясающие рассказы о крымских горах, в которых он так любит оставаться один на один с мыслями и планами. Доктор филологических наук, он не замкнулся в ученом звании, открыт миру, всматривается в жизнь за окном, видит несуразицы, вмешивается, горячится в стремлении их исправить. Наверное, поэтому стал заместителем председателя Общественной палаты Крыма, хотя, как понимаете, такая стезя забирает много сил.

Но самое парадоксальное то, что в профессоре Рудякове всегда брал верх ...политик. Да-да, несмотря на то, что он не «депутатствовал» в парламенте и не сидел в чиновничьем кресле, не витийствовал на митингах, его взгляд на резонансную проблему и рецепт высвобождения

из очередных тисков отличались широтой, мудростью и здоровым рационализмом.

Вспоминаю такой случай. Глава Республики Сергей Аксенов в первые месяцы после воссоединения Крыма с Россией собрал журналистов на первый обстоятельный разговор. Я поинтересовалась, что будет с преподавателями украинского языка, ведь национальные классы в школах стремительно закрывались, и педагоги-украинисты теряли работу. Через пару дней встретились с Александром Николаевичем где-то в «коридорах власти». Как же он меня отчитал! «Десятки лет русисты подвергались настоящим гонениям, — негодовал профессор. — Сокращались часы в учебных планах, запрещались кружки и факультативы. Дошло до того, что Пушкина включили в курс «зарубежной литературы», а ты переживаешь за учителей украинского языка? Переквалифицируются в управдомы!» Рудяков действительно в «подпольный период» крымской русистики помогал специалистам, трудоустраивал, хлопотал о защите кандидатских и докторских диссертаций. И это было политическое поле битвы за Русский мир, на котором он, по-моему, достиг куда больших результатов, чем иные агитаторы-горлопаны-главари.

Его принципиальную и упорную борьбу за чистоту речи я тоже расцениваю как государственное дело. Он часто ставит в пример прези-

дента Владимира Путина, который работает со словом, следит за удачными, грамотным построением произносимых фраз. А если так, значит, то, как мы говорим, вещь далеко не праздная, она влияет и на культуру, и на характер, и на профессию, и на что-то большее, что заставляет даже недругов называть Россию великой.

Александр Николаевич — перфекционист. Помню, звонит коллега. «Ты знаешь, что Рудяков ушел из университета, бросил проректорский пост, чтобы взвалить на себя руководство институтом последипломной переподготовки учителей?» — огорошивает новостью. Я ахнула. Ведь этот КРИППО в руинах — ни ремонта, ни денег, ни славы, ни методик, ни перспектив. Но, видимо, у Рудякова было иное мнение на этот счет. В считанные месяцы он не только поднял «учительский институт» до одного из лучших в стране, но и возглавил ассоциацию аналогичных вузов Украины. Ездил по сельским школам, терпеливо объяснял безальтернативность повышения квалификации. Досадовал, что привыкшие на скорую руку рассказывать детворе, как надо писать «жи» и «ши» местные слависты, сопротивлялись, не хотели меняться, изучать новое. Спорил, доказывал, ругался, манил горизонтами. И сломал инертность. Я как-то заглянула в КРИППО по делам, изумилась — полные ауди-

тории. «Ученики» полемизируют, как отныне надо писать-говорить — «договора» или «договоры»? Я с улыбкой прикрыла дверь — значит, процесс пошел.

КАК РОЖДАЕТСЯ НАУКА

Начинается наш разговор, конечно, с «базиса». Александр Рудяков — известный и признанный в мире георусист. Наука совершенно новая, им рожденная, невспаханное поле. Как я ее понимаю? Язык — живая субстанция. На него влияют страна, среда, люди и даже ландшафт. Поэтому в Казахстане говорят на одном русском, на Украине — на другом, в Белоруссии — на третьем. Схема, конечно, упрощенная. У профессора подход иной, научный. Но феномен крайне интересен. Неужели в наш век, когда, кажется, все изобретено, понято, превращено в диссертации и благополучно защищено, еще рождаются новые теории?

Дело, оказывается, в «колдовстве крови», родовых корнях, семье. Александр Николаевич принадлежит к профессорской династии. Его родители — доктора наук Жанна Соколовская и Николай Рудяков — посвятили жизнь изучению русского языка, его описанию и культуре. Сын с малых лет рос в атмосфере научных споров, «соревнования» методик, обсуждения пособий, статей, оригинальных изданий. Конеч-

но, это определило и взгляды, и желания, и характер. Большая удача, что все это юноше еще и нравилось. Известно же, как называют филологические факультеты — «школой невест». Славистика считается «женским делом».

— Но я в 10 классе решил основательнее подготовиться к выпускным экзаменам по языку и литературе, — вспоминает пору своего взросления Александр Николаевич. — Зашел как-то за книгами в комнату отца, погрузился в них, увлекся и... остался в этой науке на всю жизнь. Хотя до этого увлекался химией, астрономией и даже побеждал на олимпиадах.

Мне кажется, свет родительских окон (в том числе в мир) послужил для будущего профессора своеобразным маяком. Мама и отец оставили после себя обширное наследие, множество оригинальных, опередивших свое время концепций. И Александр Николаевич счел долгом продолжить работу над ними, что-то развить, дополнить, а что-то довести до логического завершения. Так появились книги «Язык, или Почему люди говорят», «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология», «Георусистика».

— Хочу верить, что я оправдал ожидания родителей, — подводит он черту под этим периодом.

Но я не зря назвала язык живым организмом. Наукой Александр Николаевич занимался в государстве, которое встретило русистику в си-

стему политических координат. Любые успехи крымских ученых в этой области расценивались как «сепаратизм» и «поливание водой московской мельницы». Рудякову приходилось не только выделять новации в теории, но и решать вопросы взаимоотношения языка и общества. В 2006 году ему предложили выступить в парламенте тогда еще украинского Крыма. Отвечая на обвинения в адрес крымчан в некоем «лингвистическом заговоре», ученый пояснил — язык, попадая в другую страну, не может не видоизменяться. В данном случае русский, функционируя в условиях украинского государства, оставаясь русским, тем не менее, приобретает особые черты, порожденные самой Украиной. То есть, по сути дела, русский язык на Украине (ею ругаемый и притесняемый) есть детище и порождение этой территории.

Это были первые годы ющенковского правления, когда киевские чиновники повели оголтелую украинизацию Крыма. Да и само государство взяло курс на зачистку истории, в которой никого древнее и гениальнее укров отныне быть не могло. Я помню, выступление профессора Рудякова произвело эффект разорвавшейся бомбы. В чем только его не обвиняли распоясавшиеся националисты! До сих пор, порывшись в сети, можно отыскать форум с эмоциональными высказываниями.

— С той поры я понял — надо переходить к «боевой русистике», практической деятельности, требующей принятия решений, а не вялых ссылок на высказывания авторитетов, — выработал алгоритм действий Рудяков. И выдвинул идею подготовки фестиваля, который позже получил название «Великое русское слово» и сегодня является одной из визитных карточек республики, проводится под личным кураторством главы Совета Федерации ФС РФ Валентины Матвиенко. А тогда он собрал свою лингвистическую конференцию (первая прошла в 1993 году, потом переросла в конгресс), чтобы в деталях обсудить проблемы, связанные с украинским вариантом русского языка. Опубликовал статью «Украинский вариант русского языка: мифы и реальность». Искренне считает, в этой его «боевой русистике» большую роль сыграла и продолжает играть в наши дни уникальная лингвистическая концепция, которую он отстаивает, расценивая георусистику логическим продолжением функциональной теории языка или крымского функционализма.

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ОТКРЫТИЮ

Об уникальности всегда хочется узнать подробнее. Но без невольного погружения в дебри научных терминов и формулировок. Нильс Бор

настаивал, что научная теория только тогда окончательно сформирована, когда ее можно выразить простыми словами. В этом филолог Рудяков солидарен с физиком Бором. Говорит, и сам к этому стремится. Когда-то услышал очень показательный детский разговор, который вели его сын со своими друзьями, гуляя по Долгоруковской яйле в Крыму, долгое время служившей стрельбищем и усеянной осколками гранат, снарядов, словом, кусками ржавого железа. Один из ребят поднял искореженный фрагмент и спросил: «Что это?» «Ржавая железяка», — ответил второй. «Ты что, не понял, — вступил в разговор третий, — тебя спросили, что это такое?» «А-а, — сказал первый, — понятно. Это осколок снаряда».

— Дети знают, что на вопрос «что это такое?» есть один правильный ответ: «для чего это предназначено», — поясняет суть концепции профессор, — а наша наука о языке еще нет. Мы сегодня видим язык именно как «ржавую железяку», а не как орудие или инструмент. Познавательные шоры и приводят ко многим плачевным практическим результатам, главный из которых заключается в том, что лингвистика и русистика мало что могут дать «внешним» потребителям: учителям, информатикам, педагогам и многим другим.

Позже А. Рудяков написал «Этюд о таблетках», который, на мой взгляд,

хорошо демонстрирует действие упомянутых шор. Вот его суть. Представьте, что в мире исчезли все коробки с инструкциями к лекарствам. Такой апокалиптический сценарий, как во многих компьютерных играх. Люди увидели бы горы таблеток, капсул, ампул. Что им пришлось бы делать на первом этапе познания того, что это такое? Классифицировать по внешним признакам: цвету, диаметру, вкусу, толщине, форме, гладкой и шероховатой поверхности. Появилось бы множество групп, и «ученые-таблетковеды» писали бы тома классификаторов, в которых предмет исследования распределялся по категориям. Поэты восхищались бы совершенством красно-белой ампулы с белым (синим, зеленым) порошком внутри... И весь этот массив информации был бы адекватным отражением действительно присущих таблеткам, капсулам и ампулам свойств. Беда в одном: все эти описания не имеют ничего общего с сущностью препаратов. Они — не определения!

— Сегодня лингвистика видит в языке множество «белых таблеток», но не совокупность лекарственных средств, — разъясняет Александр Николаевич. — Это закономерный этап развития науки, без накопления данных обойтись сложно. Но время требует иной научной парадигмы, которую, на мой взгляд, и предоставляет мой крымский функционализм.

— А что вы можете сказать о таком феномене как текст?

— О тексте существует множество мифов и предрассудков. Я недавно прочитал в учебнике для 1 класса, что есть такое понятие как «крыша текста». Многие учителя думают, что язык и текст — разные вещи. И что текст состоит из абзацев. Такое представление доминирует и в социуме. На самом деле все проще. Представьте себе детский конструктор, например, Лего. Откроем коробку и увидим там множество деталей. Из них мы сможем собрать самолет, машину, дом, трактор. Но важно понимать, что собранные нами предметы — не самолет и трактор, а их модель! Она — тот же конструктор только в иной форме его существования. Текст — это «модельная» форма существования языка, инструмент, который человек собирает здесь и сейчас из «деталей» языка и использует для воздействия на собеседника. С моей точки зрения, которую я отстаиваю в своих книгах, все инструменты, подручные средства и приспособления абсолютно одинаково устроены. Всякое орудие состоит из двух главных составных частей. Я называю их «острие» и «рукоять». Студенты и школьники очень любят игру, которую я им предлагаю. Ее можно назвать «найди острие». Это хорошая тренировка функционального мышления, потому что увидеть «острие» предмета можно только в том случае, если ты

отчетливо понимаешь, для чего он предназначен.

— И эта концепция работает и в учебниках русского языка, и в мировой языковой системе?

— Конечно! В этом и есть сила и практичность адекватной теории. Мои оппоненты на Украине, о столкновениях с которыми уже упоминалось, не могли понять — то, что я пишу и говорю о русском языке, есть выводы из теоретического анализа, а не заказ Москвы. Кстати, применять концепцию пришлось и после воссоединения Крыма с Россией, когда мы работали над законами РК об образовании и языках. Начались спекуляции по поводу обязательности изучения всех государственных языков (а их в республике три: русский, украинский и крымско-татарский) в наших школах. Основывалась нервная полемика на интересах определенных этнических групп и убеждении, что государственный язык должен иметь все мыслимые и немыслимые привилегии, главная среди которых — обязательность владения всеми гражданами Крыма. Оказалось, определения понятия «государственный язык» в русистике нет. Я предложил свое, воспринятое нашим экспертным сообществом. Оно простое и понятное: государственный язык — средство взаимодействия государства и гражданина. Точка. Детали — в законах, инструкциях и прочем.

МЫ К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО

Ловлю себя на мысли, что, анализируя специфические профессиональные моменты, мы с Александром Николаевичем постоянно заходим на территорию большой политики. Он считает, что материковые россияне недооценивают значение такой формы идентичности как общность языка. Увы, крымчане на своем опыте убедились, как горько жить в условиях, когда твой «великий и могучий» называют «языком национального меньшинства». Наше стремление говорить, читать по-русски, учить детей на русском стало едва ли не главной движущей силой «Крымской весны». В этом смысле ученый предлагает иначе взглянуть на учителя-словесника. Убежден, он не просто преподает азы грамоты, а формирует в юных поколениях важное качество, именуемое российской идентичностью.

— Мне кажется, лучше всего это ощущение выразил поэт Анатолий Пшеничный в стихотворении «Работа над ошибками», — признается Александр Николаевич и цитирует:

*Нам вопрос этот не на засыпку.
За отцов отвечают сыны.
Мы сумели исправить ошибку:
В слове «Крым» снова
пишется «Ы».*

Пару лет назад профессора Рудякова пригласили в Государствен-

ный Совет РК, чтобы вручить Благодарность главы парламента. Он прочел с трибуны это четверостишие. Зал взорвался овациями. Такое было настроение, такой обнаженный нерв. Без преувеличения, простая смена буквы приобрела политический смысл. И сам он ликовал, что никогда уже не получит из отраслевого министерства рекомендацию обеспечить переименование крымских школ в честь Шухевича и Бандеры. А ведь такие письма реально приходили! Не будет непрерывного ползучего сокращения часов на изучение русского языка в школе и всегда будет курс русской литературы, а не так называемая «мировая».

Тем не менее, почивать на лаврах рано. «Боевая русистика» по-прежнему востребована, пусть и в иной своей ипостаси. Как председатель Комиссии по образованию Общественной палаты Крыма Александр Николаевич работает над тем, чтобы в российских учебниках истории воссоединение Крыма с Россией было представлено как закономерный итог объективного исторического процесса, а не как некий казус или случайность.

— Согласитесь, странно, когда в учебнике упомянуто, что князь Владимир крестился в Херсонесе, но где находится Херсонес, не сказано, — досадует он.

Для этого крымскими учеными пишется отдельный параграф о

«Крымской весне», в чем профессор тоже проявляет активность. Не раз слышала, как трудно создать учебник, особенно для школьников. Ему же принадлежит авторство нескольких. Спрашиваю, почему он отважился на подобный проект. Называет две причины. Во-первых, понимание того, что инновационные теории лучше всего преподавать детям, так как у них нет «зашоренности» и предрассудков. Во-вторых, знакомство и дружбу с профессором А. Чичановским, который после долгих лет работы в РФ переехал в Киев и организовал издательство. Именно «Грамота» предложила создать линейку учебников по русскому языку с 1 по 11 класс.

ДАТА НЕ КРУГЛАЯ, НО ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ

Нынешний год особенный для Рудякова-ректора. В апреле исполняется 15 лет с того дня, как он возглавил Крымский институт постдипломного педагогического образования (КРИППО). Я уже упоминала, что ради находящегося в кризисе учреждения профессор оставил вполне комфортное проректорское кресло в ведущем вузе автономии.

— Это не было повышением, — признается он. — Институт был доведен «до ручки», и руководство республики искало того «блаженного», который возьмется за реанимацию этой очень нужной и до сих пор

адекватно не оцененной в общественном сознании структуры.

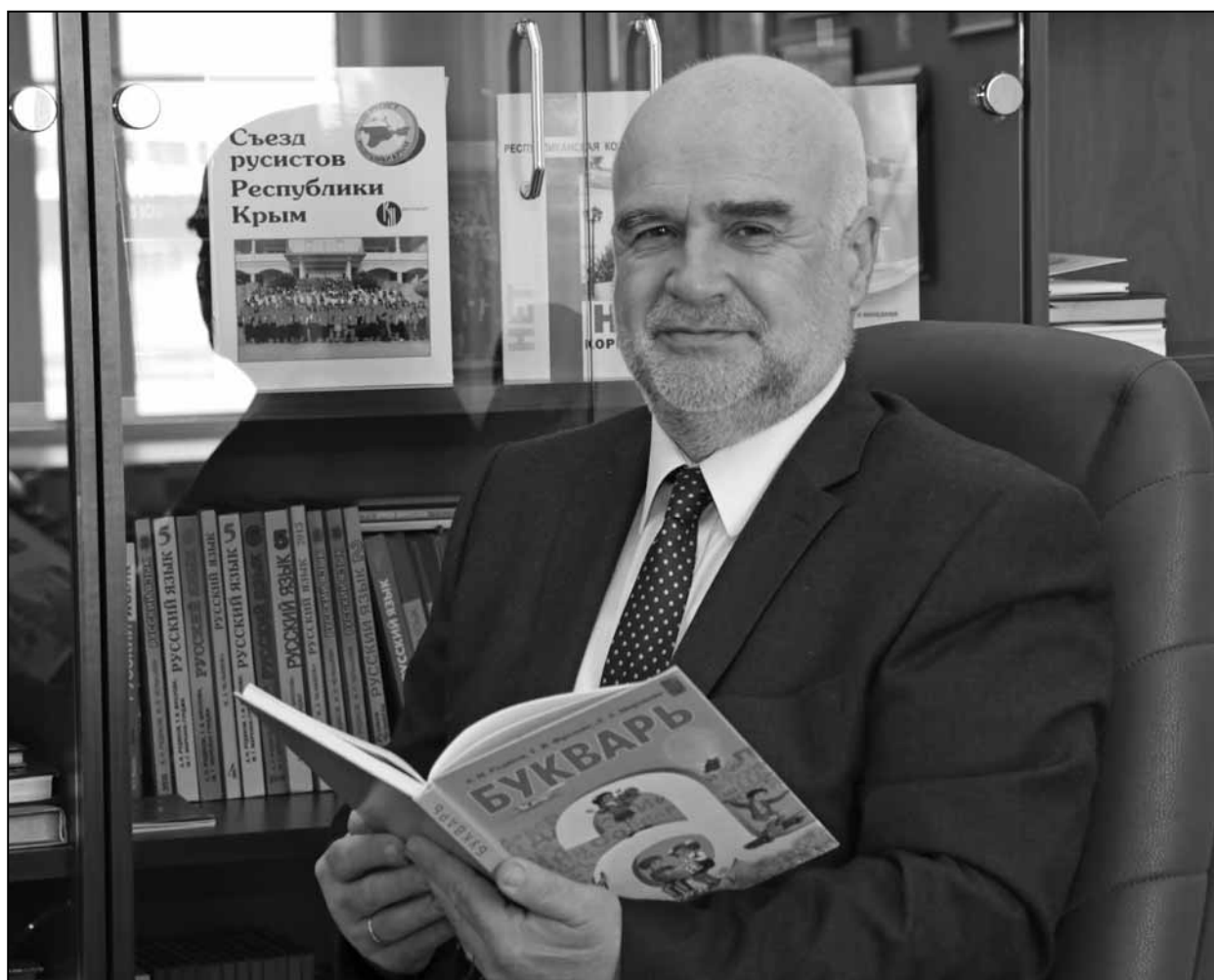
Ему удалось достаточно быстро привести институт в порядок. Чего это стоило, знает только он один. Все шло в институтскую копилку — и задуманные им лингвистические конгрессы и очень популярные съезды русистов, и уникальная антология антологий, в которую он собрал все классические антологии крымской поэзии, и такой нужный курс кримведения, и учебники, и потрясающие семинары, из унылых лекций превратившиеся в увлекательные дискуссии. Родители писали письма, что в школах ожили уроки русского языка, настолько курсы КРИППО изменили преподавателей-русистов. Он выпестовал новый институт, выстрадал, вложил в него душу и сердце. И вдруг из новостей узнаю, что профессор Рудяков освобожден от занимаемого поста. Мы, журналисты, для которых он всегда был открыт, давал резонансные комментарии и интервью, ахнули и даже стали готовить письмо в защиту Александра Николаевича. Но, слава богу, вмешалась сама история. Грянула «Крымская весна», и после воссоединения с Россией все встало на свои места.

Конечно, не за кресло переживал профессор Рудяков. В труднейших условиях ему удалось добиться влияния КРИППО на формирование крымской языковой и образовательной политики. Он вырастил группу

учителей-новаторов и рассчитывал на ее активность. А еще понимал, что встроен в большую политику, своими ресурсами и возможностями борется за возвращение полуострова «в родную гавань». И вдруг все в одночасье будет растоптано? Повторяю, справедливость восторжествовала. Но, думаете, от этого стало легче? Не успели настроить на «российскую волну» учебные планы, внедрить СанПИНЫ, законы, разобраться с учебниками, как пришла беда, откуда не ждали. В Крыму появилось множество «гастролеров» от образования, за небольшую плату цинично раздающих школьным учителям сертификаты о якобы повышенной квалификации.

— Это сродни тому, как если бы вы в метро купили диплом о высшем образовании, — возмущается ректор и призывает коллег объединиться всем миром в борьбе с новоиспеченными бизнесменами, подмывающими основы качественного преподавания языка и литературы.

В следующем году КРИППО отметит 80-летие. К юбилею готовится вся команда. Каких подарков ждет его руководитель? В науке у него есть нереализованный проект под названием «КАЗНА» — Каталог знаний. Говорит, вещь нужная для многих отраслей, но крайне трудоемкая. Мечтает, чтобы с коллегами оставались понимание, дружба, работа на результат. Чтобы приезжающие на курсы переподготовки пе-

дагоги оставляли стены института с выросшими крыльями и возвращались домой способными давать России грамотных, образованных, знающих воспитанников.

— А что-то сокровенное для себя? — спрашиваю напоследок.

— Хотя я занимаюсь философией языкознания и оперирую очень абстрактными категориями, но очень люблю делать что-то своими руками. Недавно освоил электросварку. Стараюсь практиковаться. Если у вас в редакции есть что сварить, приеду со своим инвертором. Так вот, пусть это радует меня и впредь.

Как и поездки на «Ниве» по крымским горам. Ходить уже тяжело, а эта машина позволяет возвращаться в края, по которым в молодости ходил с рюкзаком. Как видите, счастливыми нас делают самые простые вещи!

Попрощавшись с профессором Рудяковым, я подумала, что не совсем правы были мои родители, не советовавшие мне разбрасываться. Мой сегодняшний герой пробовал себя в разных ипостасях — и почти всегда с успехом. Наверное, разбрасываться все-таки нужно. Главное, чтобы было чем. □

Дмитрий Зелов

ДЕТСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

ФЕНОМЕН СТРАНЫ СОВЕТОВ

Практически каждый мальчишка (да и многие девчонки, кстати, тоже) с самого раннего детства заворожено смотрят на катящийся по игрушечным рельсам веселый паровозик с вагончиками. Паровоз может быть самых разных форм и размеров, с фонарем, свистком и даже настоящим дымом. Для формирования полноты картины производители игрушечных железных дорог создают миниатюрные модели станций, полустанков, вокзалов, железнодорожных переездов, стрелок, семафоров, мостов и путепроводов и так далее и тому подобное. Богатство выбора, как говорится, на любой вкус, цвет и кошелек. В России, с ее огромными расстояниями и необъятными просторами, а оттого и особой коммуникативной для государства и общества ролью железных дорог, подобное игровое моделирование

железнодорожной инфраструктуры для подрастающего поколения — было, есть и будет актуальным и востребованным.

Своеобразной альтернативой домашнему моделированию железнодорожной реальности в миниатюре служат парковые аттракционы, в которых ярко разукрашенный паровозик возит по большому или малому кругу галдящую от счастья и восторга детвору. В столице за последние пять лет возник ряд проектов, в которых дети на базе музеев железнодорожной техники могут и понаблюдать в качестве зрителя за движущимися моделями современных отечественных поездов, и в игровой форме, под наблюдением и с помощью родителей (или аниматоров), построить модели железных дорог и погонять по ним паровозики.

Однако вся эта игровая железнодорожная реальность рассчитана преимущественно на детсадовский или младший школьный возраст. Но Россия может и должна гордиться тем, что является родиной не имеющего до сих пор аналогов в мире уникального опыта приобщения детей среднего и старшего школьного возраста через игру к секретам железнодорожного искусства. Речь идет об, увы, слегка подзабытых детских железных дорогах, ведущих свою историю из советского прошлого. На них было все как на самой настоящей железной дороге, только все работы по ее обслуживанию выполняли... сами дети.

Но как же возникла в Советском Союзе идея построить не просто развлекательный парковый аттракцион, имитирующий железную дорогу, а самую что ни на есть настоящую, пусть и узкоколейную железную дорогу, на которой дети и подростки смогли бы постигать все азы популярной и весьма престижной тогда рабочей профессии железнодорожника?!

В СССР, с его возвышенным отношением к человеку труда, человеку рабочих профессий, труд железнодорожника всегда был в большом почете. По всей стране строились многочисленные клубы железнодорожников, включая и их детские филиалы-аналоги. Вспомним, что действие культового авантюрно-

приключенческого романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» заканчивается именно в клубе железнодорожников, который был выстроен для блага трудящихся на безуспешно разыскиваемые Остапом Бендером и Кисой Воробьяниновым сокровища, запрятанные в одном из стульев. (Кстати,

Запорожская детская железная дорога имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта П.Р. Попова

прототипом клуба железнодорожников из знаменитого романа стал построенный в 1927 году архитектором Алексеем Щусевым Центральный клуб культуры железнодорожников.)

Самая первая и что ни на есть настоящая детская железная дорога в стране и в мире была открыта в 1932 году, причем в самом центре столицы — в Парке культуры и отдыха имени Горького. В те времена, когда на железных дорогах страны Советов царствовали в основном паровозы, она была уже полностью электрифицированной! Увы, просуществовала

эта дорога совсем недолго: уже к концу десятилетия она бесследно исчезла и позабылась. Зато на многие десятилетия закрепилось ошибочное первенство за открытой в 1935 году Малой Закавказской детской железной дорогой в Тифлисе. Почему так было сделано, теперь можно только догадываться: возможно, потому, что «отец народов» был родом из Грузии.

Через всесоюзную газету «Пионерская правда» тифлисские школьники обратились к пионерам Советского Союза с призывом строить детские железные дороги по всей

стране. Этот почин был поддержан наркомом путей сообщения Лазарем Кагановичем и видным инженером по строительству железных дорог академиком Владимиром Образцовым, который так писал об идее детских железных дорог: «Детские железные дороги не должны быть только игрой — они должны приносить пользу обществу, должны прививать детворе любовь к железнодорожному транспорту и являться средством воспитания молодых железнодорожников». Собственно говоря, завет академика стал инструкцией к действию. С призыва тифлиских школьников на просторах СССР началось широкое строительство уникального, не имевшего и не имеющего до сих пор в мировой практике явления — железных дорог, управляемых и обслуживаемых детьми.

В результате многие поколения советских школьников получали уникальную возможность прочувствовать на себе все «розы и шипы» популярнейшей тогда профессии

железнодорожника во всех ее вариантах — от стрелочника и кочегара до проводника и машиниста, от билетного кассира до кондуктора. Многие из них (как, впрочем, и сейчас), пройдя обучение на таких детских железных дорогах, став взрослыми, связывали и связывают свою жизнь с железными дорогами.

В Подмосковье, всего лишь в часе езды от столицы, в окружении живописных дач в поселке Кратово, являющимся не реализованным в полной мере утопическим проектом воплощения на практике идеального города-сада, уже в 1937 году была открыта детская железная дорога, которая функционирует до сих пор. Все

работы на этой чудо-дороге длиной почти в 5 километров, с двумя станциями «Юность» и «Пионерская» и двумя промежуточными платформами «Школьная» и «Детская», выполняют одетые в форменную одежду железнодорожников дети в возрасте от 11 до 17 лет. Они и билеты на станциях продают, и поезд сами водят, и стрелки переводят, и в вагонах билеты проверяют — естественно, под общим присмотром и руководством опытных взрослых железнодорожников. Официально дорога называется Малой Московской детской железной дорогой, но в просторечии все зовут ее Кратовской, по названию поселка, рядом с которым она и проложена.

*Малая Закавказская железная дорога.
Поезд прибывает на станцию «Пионерская»*

До начала Великой Отечественной войны детские железные дороги, подобные Тифлисской и подмосковной Кратовской, появились во многих уголках Советского Союза. В городе Свободном Амурской области в 1940 году была построена детская железная дорога, которую амурские пионеры изначально хотели сделать самой протяженной в стране. Начавшаяся через год война отодвинула планы строительства, но уже в 1951 году длина дороги стала составлять запланированные 11,6 километров. До сих пор эта детская железная дорога является самой протяженной в стране и в мире.

В Москве перед войной вынашивался грандиозный план строительства детской железной дороги в Измайловском парке, называвшемся тогда, как и весь район, Сталинским. В те годы в Измайлове планировались гигантские стройки: стадион на 100 тысяч человек, станция метро (ныне «Партизанская»), самый большой в мире зоопарк и многое другое. Линия детской железной дороги удачно вписывалась в этот масштабный и амбициозный проект. Эта детская железная дорога в столице СССР должна была стать лучшей в стране, и потому на оформление павильонов ее станций был объявлен конкурс среди архитекторов. Причем станции детской железной дороги (как и сто лет назад при строительстве самой первой в России железной дороги) должны были сочетать транспортные и празднично-

познавательные функции (на ряде станций планировалось обустройство концертных залов и библиотек). Проект строительства электрифицированной детской железной дороги в Измайловском парке длиной более 11 километров с шестью станциями был согласован и сдан на утверждение 20 июня 1941 года. Но... через два дня началась Великая Отечественная война, а после Победы перед страной и Москвой стояли другие первоочередные задачи. Детская железная дорога в Измайлово так и осталась светлой мечтой-утопией.

После войны строительство детских железных дорог в СССР было продолжено. Они широко распространились в больших и малых городах страны. Помимо своей основной функции — обучения юных

Малая Московская железная дорога

железнодорожников секретам овладения мастерства будущей профессии и перевозки отдыхающих пассажиров, приехавших посмотреть-прокатиться по необычной дороге, детские дороги порой выполняли и смежные функции.

Так, в годы Великой Отечественной войны по Свободненской дороге возили для местного совхоза уголь и лес, обратно везя мясо и овощи; а в Горьком (ныне Нижний Новгород) после войны детская железная дорога одно время пользовалась у населения повышенным спросом как своеобразная альтернатива трамваю.

В наши дни в России существуют 25 детских железных дорог, структурно относящихся к системе РЖД, а число обучающихся в них юных железнодорожников превышает 19 тысяч человек. Для обмена опытом в нашей стране регулярно проводятся слеты юных железнодорожников. Большинство детских железных дорог России функционирует не круглый год, а с мая по сентябрь, хотя в отдельные периоды своей истории они, как, например, подмосковная Кратовская в начале 60-х годов прошлого века, работали круглогодично.

Детские железные дороги сыграли и продолжают играть огромную

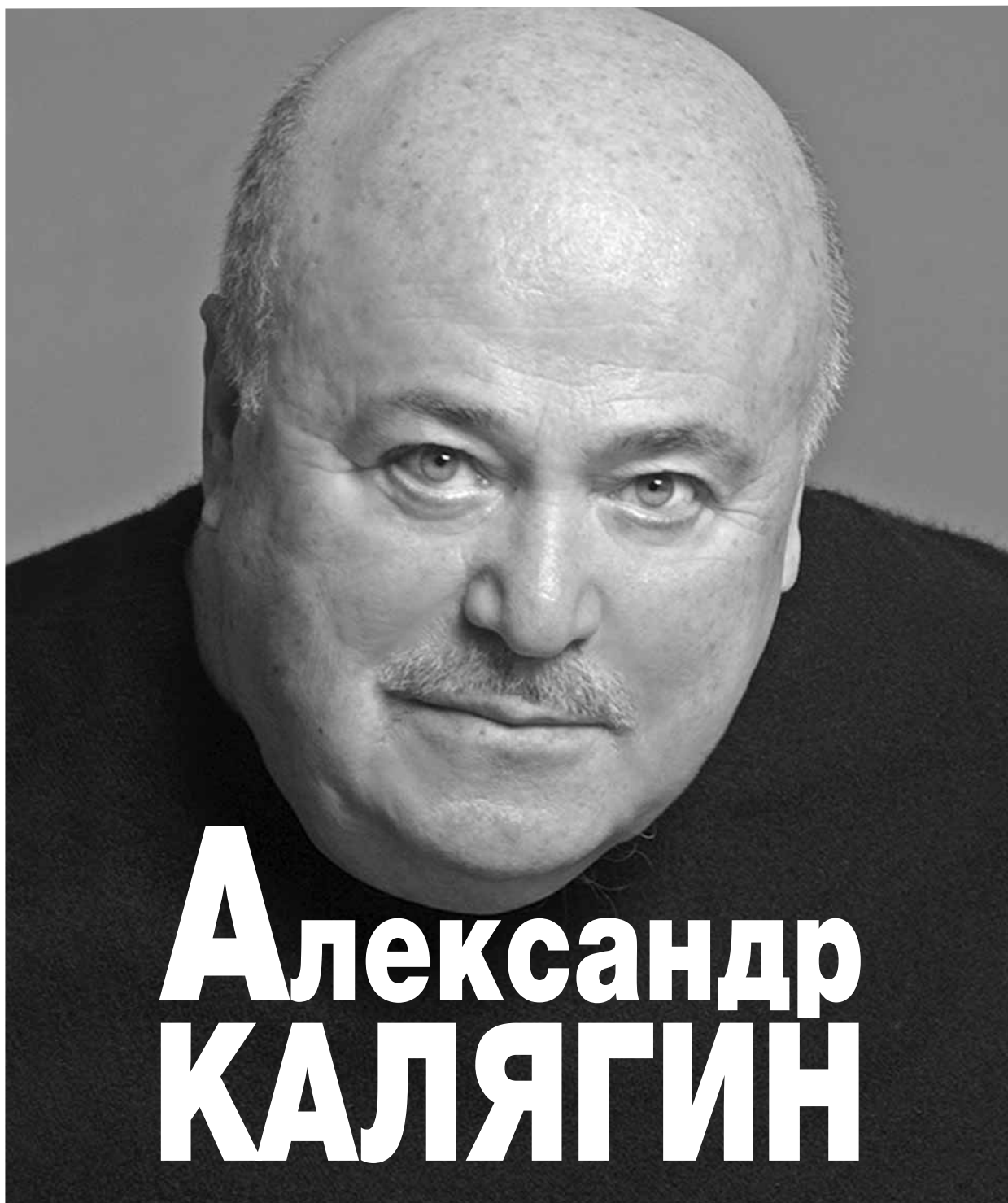
Поезд Малой Московской железной дороги

воспитательно-познавательную роль в жизни детей и подростков. Сами юные железнодорожники начинают постигать на практике азы премудрости этой профессии уже с 8 лет. Огромная масса (сотни тысяч!) нескольких поколений советских (а ныне — уже и российских) мальчишек и девчонок занимались и занимаются полезным и интересным делом, а не предоставлены сами себе, тем самым счастливо избежав пагубного влияния улицы, плохих компаний и праздного безделья. Они порой достигают уже во взрослой железнодорожной профессии немалых высот.

В период своего функционирования на детских железных дорогах нет отбоя от посетителей. Ведь стать пассажиром такой дороги — это яркий праздник, надолго запоминающееся путешествие как для детей, так и для их взрослых родителей, стремящихся хоть ненадолго, но окунуться в подзабытый волшебный мир своего детства. А для юных железнодорожников — это мечта, ставшая реальностью, увлекательное обучение в процессе необыкновенной игры в железную дорогу, воплощенную на практике. Отрадно, что в России мир детских железных дорог продолжает жить и развиваться. □

Евгения Гордиенко

ЧЕХОВСКИЙ ГЕРОЙ

**Александр
КАЛЯГИН**

Когда в 1942 году в селе Малмыж, что стоит на Вятке, родился ребенок, его назвали Александром. Отец мальчика — декан исторического факультета Александр Иванович Калягин — писал жене: «Ну что же, давай назовем его так: Александр — хорошее имя, славное и имеющее героическое прошлое. Сокращенно — Алик. Тоже прекрасно! Итак, решено — Александр Александрович Калягин!»

Юлия Мироновна Зайдеман мужа послушалась и назвала сына так, как он велел. А всего через год Александра Ивановича не стало — он умер от разрыва сердца. Матери пришлось растить ребенка самой, правда, с помощью многочисленной родни. Как вспоминал потом сам Калягин, в Москве, где прошло его детство, материнские родственники были такими: «Все интеллигенты, профессора. Женщины в основном. Женская аура». Так и рос мальчик Саша в этом окружении, ни в чем не зная отказа. *«Рос паинькой. Глазки блестящие, тихенький такой. Хамелеон. В тихом омуте, знаете ли...»*

Омут или не омут, но характер будущий артист проявил довольно быстро. Видя, что у ребенка есть слух, мать решила отдать его в музыкальную школу по классу скрипки. Однако инструмент постигла печальная судьба: не желая заниматься, Саша сел на скрипку, затем раздавил ее ногой, после чего загнал несчастную под шкаф.

Зато он мечтал стать артистом. И любящая мама заказала у соседа-столяра для ребенка небольшую сцену с кулисами — настоящий маленький театр. Будущий артист сам занялся оформлением сцены: нарисовал планшет, портал, авансцену и кулисы. В коммунальной квартире, где жили мама с сыном, этот театр пользовался неизменной популярностью. Не отсюда ли, из детства, выросло желание взрослого артиста Калягина иметь собственный — только уже большой — театр?

Когда ему было тринадцать лет, Калягин написал письмо одному из самых известных людей Советского Союза, практически небожителю, — Аркадию Райкину: «Я, тринадцатилетний мальчик, долго раздумывал, прежде чем написать Вам эти строки. И вот я решился. Признаться, как-то даже страшновато... не смейтесь надо мной». Аркадий Исаакович и не думал смеяться. Напротив, он серьезно и вдумчиво ответил подростку, что талант — это не только дар, но и труд, и что для того, чтобы талант развился, нужно много и упорно учиться.

И все же, несмотря на всю любовь к театру, работа актера казалась Сашиной матери несерьезной. Поэтому, когда сын окончил школу (и студию художественного слова, куда ходил параллельно), на семейном совете было решено, что Калягин поступит в медицинское училище, чтобы иметь в руках «настоящую» профессию.

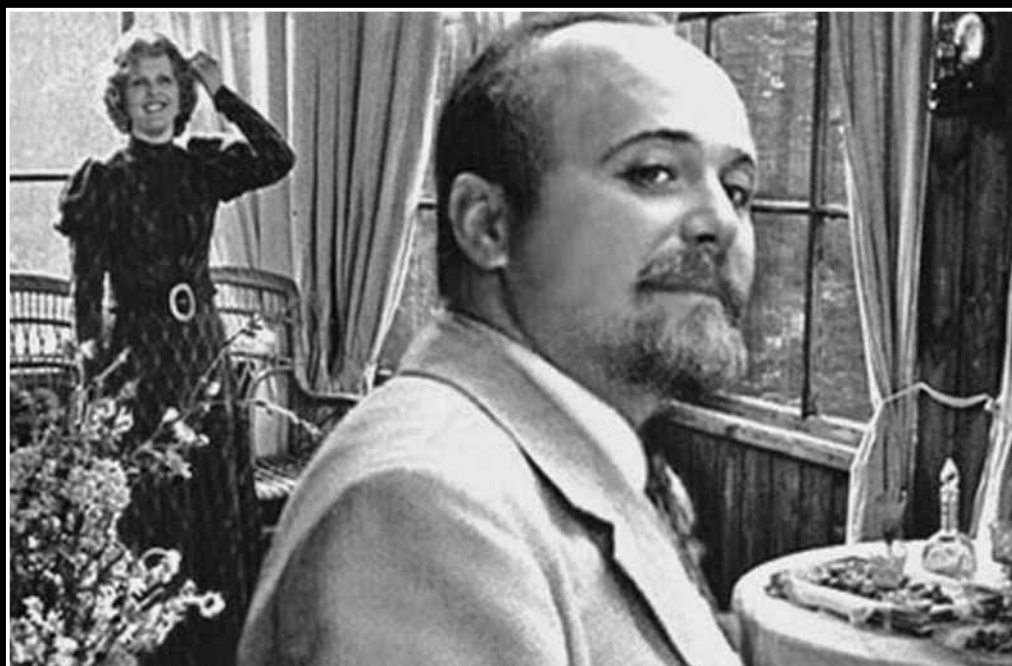
Училище он окончил и даже несколько лет проработал фельдшером на «Скорой помощи», однако мечта о театре не оставляла его. Это было словно нечто незавершенное в его жизни, нечто подавленное. А он этого не любил никогда. И даже много лет спустя говорил: *«Любое подавление — и с этим я до сих пор живу, — посягательство на мое святое. Не выношу безальтернативную жизнь! Если нет выбора, меня это ранит. Нет, не ранит — просто убивает!»*

В Щукинское училище на курс Веры Константиновны Львовой он поступил с первого раза, только не-ожиданно попросили принести

справку, что у него все в порядке со связками, потому что слишком уж необычным у юноши был голос — «с песком». Зато со второго курса Александра Калягина едва не отчислили за... профнепригодность. Считали, что у него нет четкого амплуа — на героя и любовника не тянет, играть детей не может, а стариков в театрах и так без счета. По этой же причине никто из соучеников не хотел готовить вместе с Калягиным этюды.

На помощь студенту пришла однокурсница Любовь Коренева, с которой они на пару поставили отрывок из Чехова «Свидание хотя и состоялось, но...» Там гимназист, тре-

*К/ф
«Неокончен-
ная пьеса
для механи-
ческого
пианино»*

пеща перед первым свиданием, покупает для храбрости десять бутылок пива. Калягин так трогательно изображал этого гимназиста, пившего пиво и проигрывающего свою судьбу, что ректор «Щуки» Борис Захава признал эту постановку лучшей на курсе. А у Калягина появилось собственное, пусть и неофициальное, амплуа — чеховский персонаж. Порой смешной, нелепый, но очаровательный, интеллигентный и очень искренний — он словно создан был играть чеховских героев.

В те же годы наладилась и личная жизнь студента. Он влюбился в молодую красавицу Татьяну Корунову, которая приехала из Свердловска, где проучилась 2 года на физмате. Но желание стать актрисой пересилило, и девушка приехала в Москву. На вступительных эк-

заменах она так поразила Бориса Захаву, что он позволил ей не проходить отборочные туры, а взял в Щукинское училище сразу.

Калягин и Корунова поженились тайно, еще будучи студентами второго курса. Вместе они окончили «Щуку», вместе же пришли на работу в Театр на Таганке. Там тогда ставили «Жизнь Галилея» по Бертольду Брехту, и молодому артисту сразу досталась главная роль. Впоследствии Галилея играл Высоцкий.

В какой-то момент между Калягиным и главным режиссером «Таганки» Юрием Любимовым «пробежала кошка», и артист решил покинуть театр. Любимов сказал, что, если Александр Александрович уйдет, то его жена также будет уволена. Узнав об этом, Татьяна сама написала заявление об уходе. После

*Спектакль
«Перламут-
ровая
Зинаида»*

Справа:

*К/ф
«Свой среди
чужих, чужой
среди своих»*

этого она посвятила себя семье и воспитанию дочери Ксении.

Калягин же несколько лет после «Таганки» работал в Театре имени Ермоловой, где сыграл немало ролей, самая известная из которых — Поприцин в гоголевских «Записках сумасшедшего».

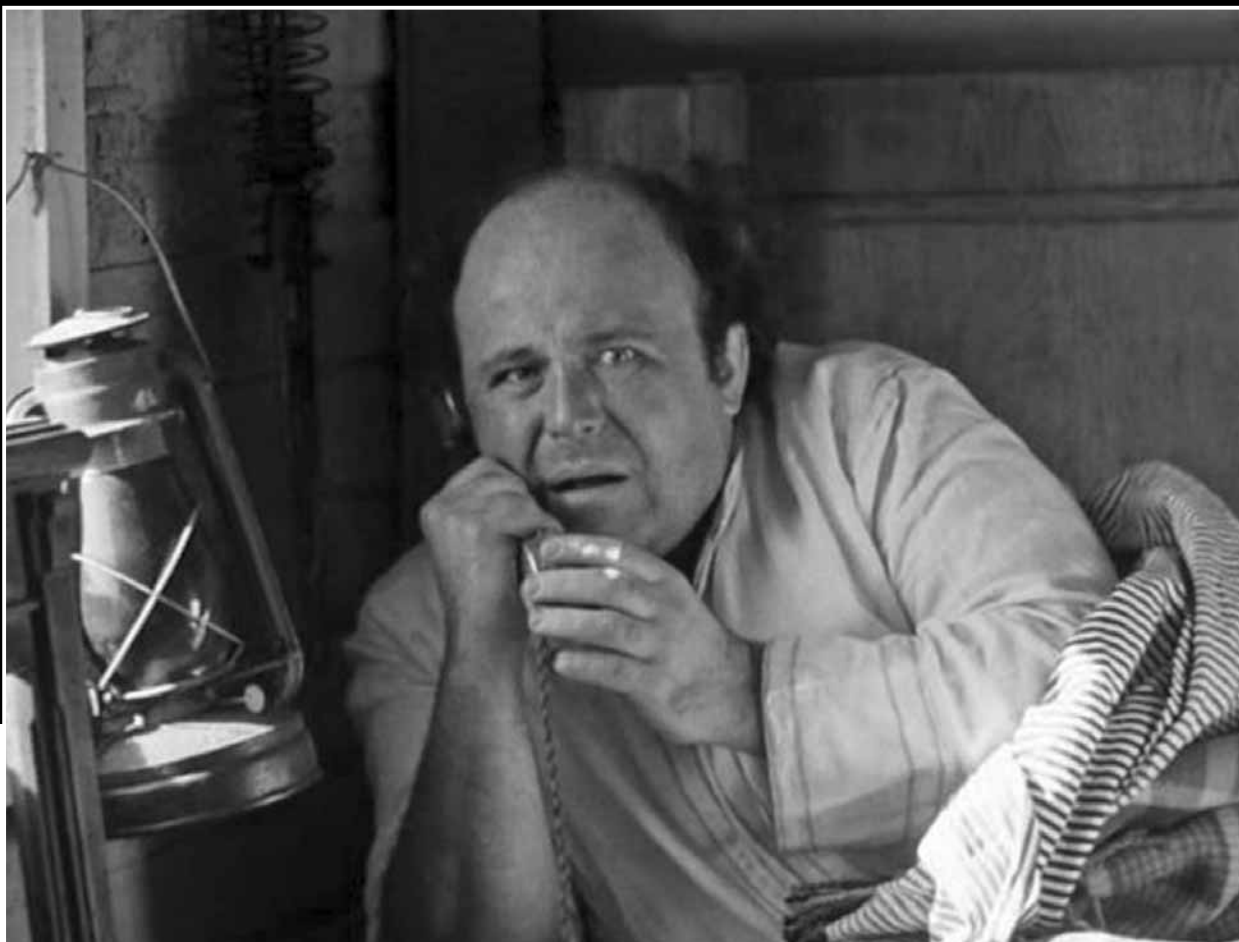
Но и здесь он не задержался надолго — в 1970-м ушел в «Современник», а после — во МХАТ. И здесь остался уже надолго, чтобы сыграть лучшие свои театральные роли — Тригорин в «Чайке», Федя Протасов в «Живом труп», Оргон в «Тартюфе» и многие другие.

В Московском Художественном ему довелось поработать с одним из самых великих режиссеров — с Анатолием Эфросом. И Анатолий Васильевич сумел увидеть в артисте Калягине то, чего до него никто не мог разглядеть: «Когда Калягин

на сцене — смотришь неотрывно. Интересно наблюдать, как возникает и растёт от репетиции к репетиции нечто живое. Похоже на то, как в начале мая внезапно появляются на ветках зеленые листочки. Кажется невероятным, что дерево за два-три дня преобразуется до неузнаваемости. Вдруг что-то запестрело, удесятирилось, еще размножилось, и дом напротив уже не виден. Развитие роли у настоящего актера похоже на это цветение».

В семидесятых успех сопутствовал Калягину и в кино: он сыграл Ванюкина в фильме Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих», а затем — у того же режиссера — в картине «Раба любви», где исполнил роль своего тезки Александра Александровича.

Примерно в это же время на экраны вышел фильм «Здравствуйте,

я ваша тетя!» с незабываемой тетушкой Чарли из Бразилии в блистательном исполнении Калягина.

Между тем в личной жизни артиста все было очень и очень грустно. Татьяна умерла от рака, о чем почти никто из коллег Калягина не знал. Он остался один с четырехлетней Ксюшей, о которой заботился сам. А через год после жены от опухоли головного мозга скончалась мать Александра.

Но он, несмотря ни на что, продолжал работать и растить дочь. И именно маленькая Ксения сама «выбрала» папе новую жену.

В то время Калягин снимался у Никиты Михалкова в фильме «Не-

оконченная пьеса для механического пианино». В качестве основы для сценария использовалась пьеса Чехова «Платонов», а также несколько рассказов: «Безотцовщина», «В усадьбе», «Учитель словесности», «Три года», «Моя жизнь».

Михалков понимал, что снимать нужно Калягина, однако в архивах нашлась черно-белая фотография, где внутри круглого лица артиста жирным фломастером режиссер нарисовал контур, в который актер должен был «вписаться», если собирался получить роль. Чтобы похудеть до требуемого размера, Калягин месяц питался одной гречкой, и в результате «влез» в нарисованный

Михалковым контур. Многие до сих пор считают, что Платонов — лучшая роль Александра Калягина в кино.

Во время съемок артист вел дневник, чем никогда прежде не занимался. И по страницам этого дневника становится ясно, как непросто далась ему эта роль: «Полжизни унес мой Платонов. Полжизни»; «Платонов мой меня обжег. И мимо бесследно для меня не пройдет».

По окончании съемок Калягин буквально на следующий день уехал с театром на гастроли. И, заселившись в гостиницу, проспал целые сутки, не отвечая на стук и возгласы взволнованных коллег.

На этих съемках Александр Александрович познакомился с молодой актрисой Евгенией Глушенко, которая стала его второй женой. Красивая и добрая, она понравилась Ксюше, которая попросила отца, чтобы «эта тетя» теперь жила с ними. Так и случилось. У пары вскоре родился сын Денис. Как и старшая дочь, он сегодня живет в Америке. Брак Калягина и Глушенко продлился более 30 лет, однако впоследствии пара, к сожалению, рассталась.

После успеха «Неоконченной пьесы...» Калягин продолжал много работать — как в кино, так и в театре. Но его манили новые дали — например, режиссерская работа.

Слева:

*К/ф
«Раба любви»*

*К/ф
«Здравствуй-
те, я ваша
тетя»*

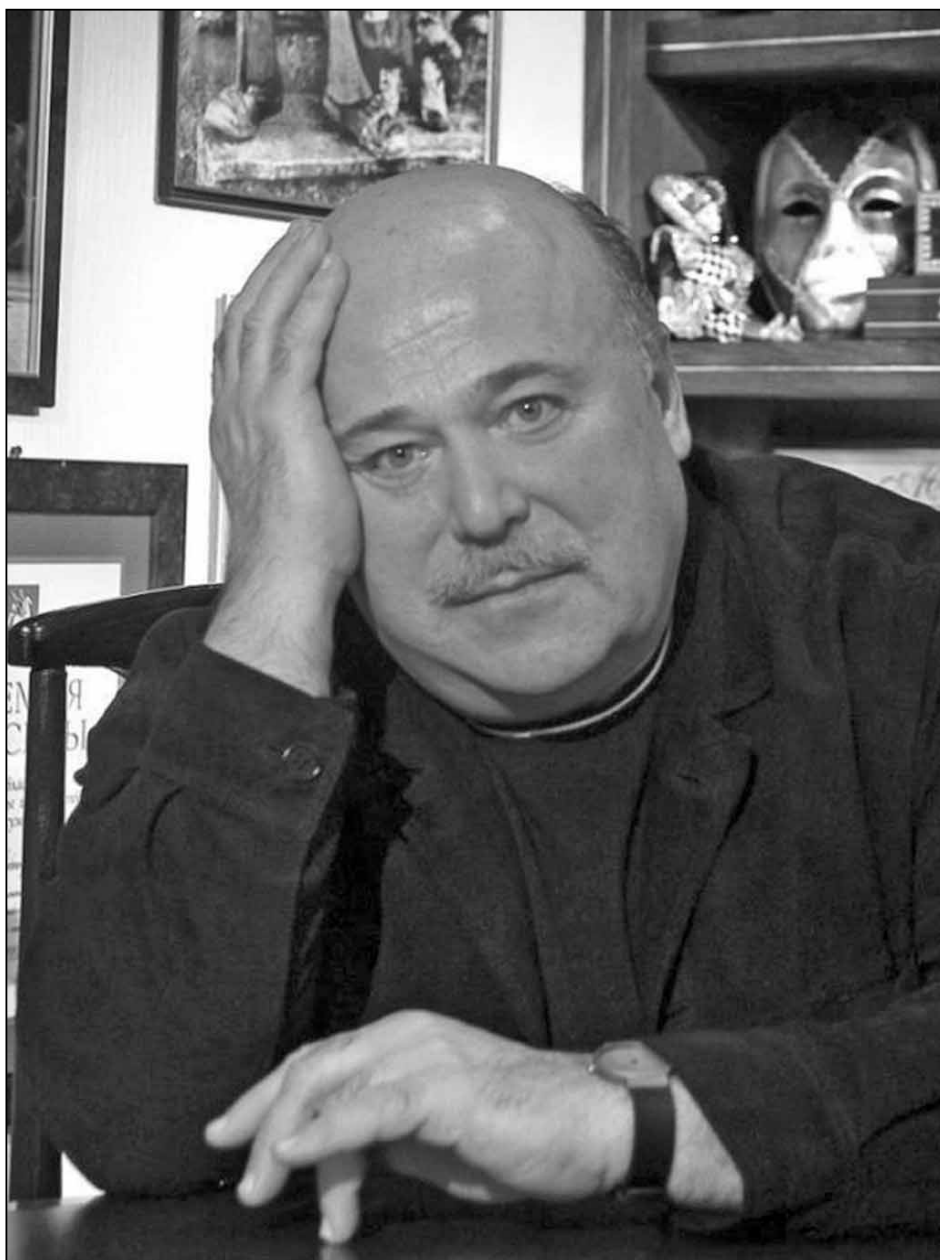

Впервые в этом качестве Калягин выступил в 1985 году, сняв картину «Подружка моя», где одну из первых ролей сыграла Ирина Розанова. Ставил он и спектакли для сцены, правда, в основном за границей: в Америке — «Ревизора», во Франции — «Чехов. Акт III».

Но ему хотелось работать на родине. И вот, в 1993 году, появляется его театр «Et Cetera». Он образовался не от желания иметь собственно театр, а с того, что курс, который выпустил в 1990 году Калягин, стал работать вместе. Поначалу без мастера, но впоследствии стали

все чаще обращаться к нему за помощью — что-то посмотреть, что-то подсказать... «Они что-то там репетировали в разных углах страны, я им помогал решать организационные проблемы, не вникая в творческий процесс. А тут для афиши им понадобилось мое имя. Пришлось посмотреть, что они там натворили. Я провел одну репетицию, потом вторую и так далее..., et cetera...et cetera...» Так и родилось название театра — «Театр «Et Cetera» под руководством Александра Калягина».

Сегодня Калягину уже за 75, но он по-прежнему много работает

и в театре, и в кино. Он вспоминает, как однажды некий врач сказал ему: «Саша, у вас энергетический ресурс исчерпан. Вы живете уже на НЗ». Но Александр Александрович остановиться не в силах: «Ну и что? Откуда я знаю, сколько его, этого неприкосновенного запаса. Раньше, в молодости, мы все просыпались от ужаса: как это так — я живу, и вдруг меня не будет?! А потом время идет,

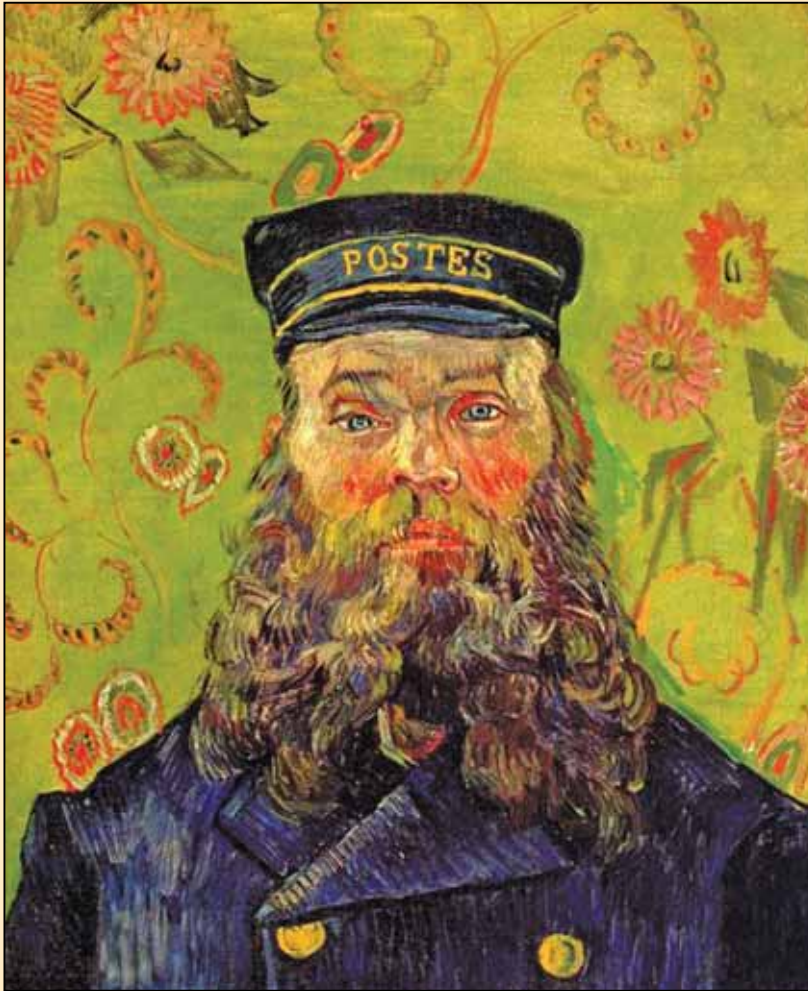
теряешь друзей, теряешь родных и понимаешь: у тебя еще впереди путь. Пускай он коротенький. Или длинный. Бог его знает. Я бывший медик. Я актер. Который, конечно же, должен заниматься человековедением. И становится ясно: все так перемешано. К смерти начинаешь относиться просто: жизнь идет, все естественно, это — шаг. Говорят, в вечность. А может, и нет...» □

**Альберт
Кумс
Барнс**

Чудаковатый миллионер

Гениальными бывают не только художники, но и коллекционеры — такие, которые умеют чувствовать искусство, которые способны оценить новые направления, новые стили уже тогда, когда общество яростно и беспощадно отвергает творения художников-новаторов. Этот человек, несомненно, гениальный коллекционер. Он сумел собрать фантастическую коллекцию живописи — тут и 181 полотно Ренуара, 69 — Сезанна, 11 — Дега, 6 — Сера, 7 — Ван Гога, шедевры старых мастеров — Эль Греко, Рубенса, Тициана и Гойи, а еще полотна художников начала XX века, представителей Парижской школы: Пикассо, Модильяни, Сутина, Утрилло, причем все работы самого высокого класса! А звали этого выдающегося собирателя — Альберт Кумс Барнс.

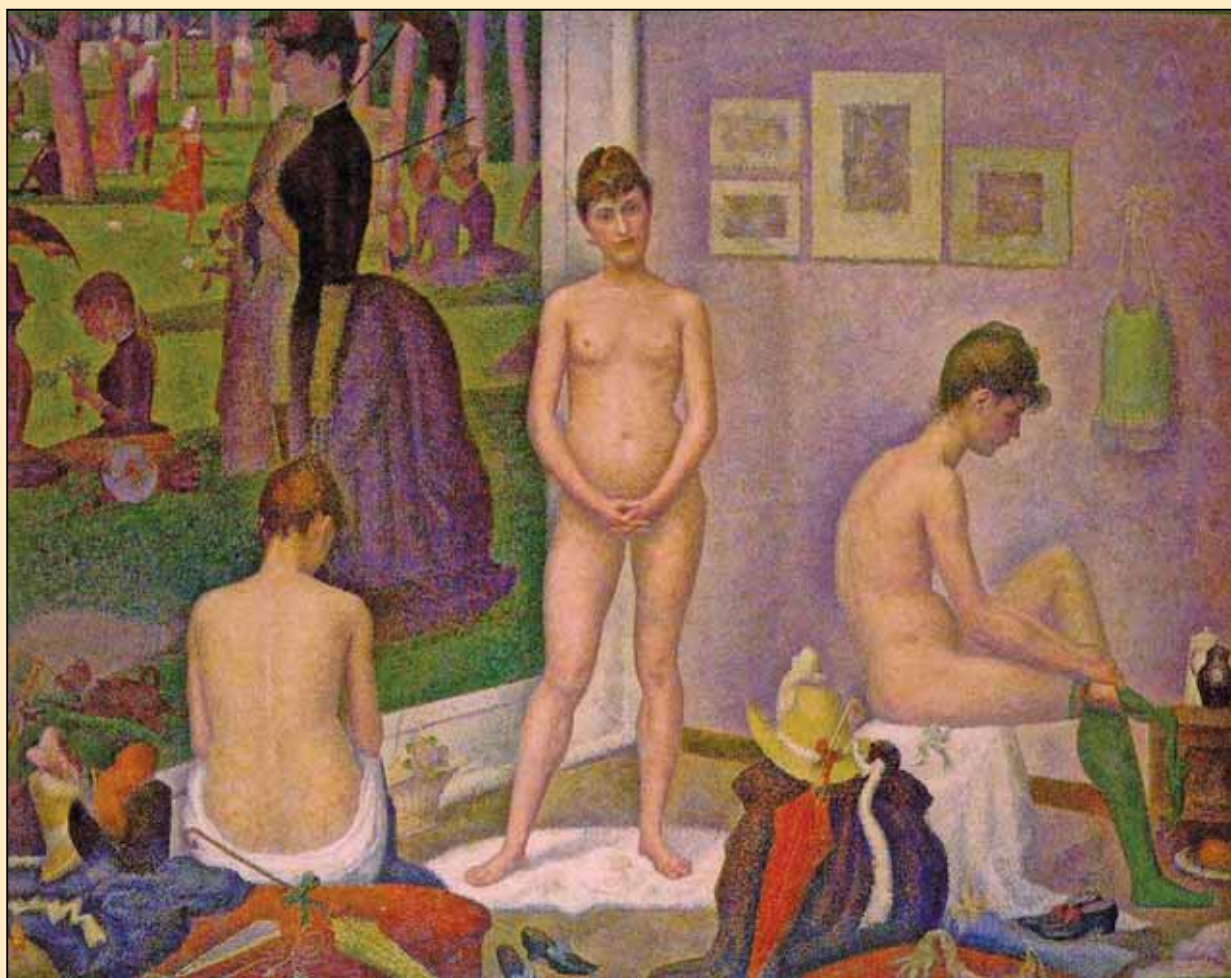
*Ван Гог.
«Почтальон»*

Справа:
*Жорж Сера.
«Модели»*

2 января 1872 года в семье Джона и Лидии Барнсов, обитателей одного из рабочих районов Филадельфии, родился мальчик. Он стал третьим их сыном. Принесло ли им радость появление нового маленького Барнса? Наверное, нет — жилось-то трудно. Джон, человек малообразованный, хватался за любую работу, но денег все равно не хватало, и дети его хорошо знали, что такое голод. Барнсы вынуждены были перебраться в самый бедный район Филадельфии, и единственной радостью маленького Альберта была церковь, куда его водила мать. То была методистская церковь, и

основными прихожанами были негры, жившие неподалеку. Службы в этом храме отличались от церквей для белых — негры с присущим им темпераментом пели и даже танцевали, создавая настоящий праздник. А еще в жизни Альберта была школа — там было тепло и очень интересно. Ему нравилось учиться, а главное, у него это отлично получалось. Окончив школу, он благодаря своим недюжинным способностям поступил в Пенсильванский университет — решил стать врачом.

Получив диплом, Барнс отправился в Берлин, продолжать образование. Но вскоре ему пришлось

вернуться — причина была проста, денег катастрофически не хватало. В Филадельфии он устроился в фармацевтическую фирму «Милфорд и Ко», в отдел продаж. Вскоре фирма отправила его осваивать фармакологию снова в Германию, теперь уже — в Гейдельбергский университет, славившийся своим медицинским факультетом. Именно там произошла встреча, ставшая очень важной для всей последующей жизни Барнса и во многом определившая все его будущее. Он познакомился с 29-летним ученым, тогда только что получившим свой PhD, доктором Германом Хилле. Моло-

дые люди подружились, и Барнс, чувствуя в Хилле настоящий талант и увлеченность, уговорил его бросить Германию и уехать в США, мотивируя тем, что только там он сможет реализовать свои способности и — заработать деньги! И Хилле поехал. Однако ему в Штатах не очень понравилось — особенно его не устраивала зарплата и оборудование в лаборатории, где он работал. И тогда приятели решили начать свой бизнес, открыть свое дело. Мозговым центром был Хилле, а «коммерческим директором» — Барнс. Результатом их дружбы и сотрудничества стал аргирол —

*Полотна
коллекции*

Справа:
*Ренуар.
«На выходе
из консер-
ватории»*

антисептик широкого спектра действия, соединение белка с серебром. Препарат этот нашел широкое применение — в начале XX века он оказался самым эффективным средством того времени. Друзья запатентовали препарат в 1902 году и основали компанию «Барнс и Хилле» (Barnes and Hille). Целью фирмы было производство и продажа аргирола. Хилле был ответственен за научную часть, а Барнс — за продажи. Его методы были по тем временам поистине революционны — он требовал от дистрибьюторов посещения врачей, личных контактов, и во время таких встреч доктора узнавали о возможностях аргирола и об оценке препарата, сделанной известными специалистами. Дела фирмы шли блестяще, и спустя какое-то время Барнс уже открыл отделение в Лондоне. Когда пошли большие

деньги, у партнеров начались конфликты. Так часто бывает. Дело кончилось тем, что в 1907 году Барнс выкупил долю Хилле и стал единственным собственником и фирмы, и аргирола. Стоило ему это 350 000 долларов. Говорили, что Барнс обманул, да и вообще просто ограбил своего компаньона, но, как любил повторять он сам, «бизнес не делают в белых перчатках». Теперь его компания называлась A.C. Barnes Company. (В 1929 году компания была продана другой фармацевтической компании, в те годы Барнса бизнес этот уже не интересовал — у него появились другие «игрушки»). Но так как производство аргирола приносило огромные прибыли, Барнс успел заработать свои миллионы. Теперь можно было подумать и о женитьбе. Познакомившись с Лорой Леггерт, девушкой из весь-

ма почтенной и небедной семьи, и решив, что она вполне годится для роли его супруги, Барнс предложил ей свою руку и сердце.

Оставив в далеком прошлом свое нищее детство, грязь рабочих районов Филадельфии, он, уже очень состоятельный человек, купил дом в престижном районе, обзавелся дорогой мебелью, лошадьми, у него работали дворецкий, конюх, повар — хорошо знавший, что такое голод, Альберт теперь желал исключительно изысканных блюд. Более того — подражая английским лордам, он увлекся охотой на лис! А еще — искусством, даже попытался писать картины сам, но быстро понял, что лишен всяких способностей к этому делу. Однажды он устроил генеральный просмотр всех своих творений. В его мастерской скопилось 190 холстов, и каждый он тщательно осмотрел, а потом все их — сжег! Ну что ж, он не смог украсить дом своими полотнами (ну, не получается у него создавать шедевры!), тогда купит для этой цели полотна настоящих мастеров, решил Барнс. Итак, теперь у него появилась цель — собрать лучшую в мире коллекцию современного искусства. Но для этого нужно быть специалистом в искусствоведении. И Барнс с увлечением начал осваивать теорию искусства, его историю, философию, прочитывал толстенные научные труды, общался с арт-дилерами Филадельфии и Нью-Йорка и — потихоньку покупал картины. Только вот он не

всегда уверен, что делает правильный выбор. Хорошо бы найти такого человека, который мог бы дать ему правильный совет при покупке картин. И тут Барнс вспомнил о своем старом приятеле, который учился когда-то с ним в школе, а ныне стал довольно известным художником. Уильям Глакенс — вот кто может стать таким мудрым и знающим советником! Барнс пригласил Глакенса посмотреть свою коллекцию, и тот, не кривя душой, сказал, что все картины, которые купил приятель, — в общем, невысокого уровня. Конечно, Барнс поначалу страшно разо-

Амедео Модильяни. «Молодая рыжая в вечернем платье»

злился, но что делать? С правдой не поспоришь. А Глакенс открыл перед ним новое направление в искусстве — импрессионизм, рассказал о замечательных французах — Ренуаре, Матиссе, Сезанне. И тогда (это было в 1912 году) Барнс, вручив Уильяму немалую сумму, 20 000 долларов, отправил его в Париж — приобрести для него «правильные» картины. Глакенс поехал во Францию и купил там картины на свой вкус. Но когда привез их в Филадельфию и спросил у Барнса, понравились ли они ему, получил в ответ решитель-

ное «Нет!» Что было, в общем-то, неудивительно — широкая публика, и в Европе, и в США, и даже Барнс, с его глубокими познаниями в теории искусства, еще были не готовы воспринимать новую живопись. Друзья договорились — полотна побудут в доме Барнса полгода, и если спустя это время Барнс не поймет их прелести, Глакенс их выкупит. Прошло полгода, полотна остались у Барнса, но теперь он сам решил ехать в Европу — знакомиться с парижскими художниками, постигать их творчество и покупать их полотна. (Это была первая из его многочисленных поездок во французскую столицу.)

Париж тогда переживал удивительное время — тут работали художники из самых разных стран, представители самых разных национальных культур. Модильяни, Шагал, Сутин, Ривера... Молодые, нищие, невероятно талантливые, они создавали новое искусство, которое определило пути развития живописи XX века. В Париже жили и американцы, к примеру, писательница Гертруда Стайн. У нее был брат Лео, тонкий ценитель живописи, собравший замечательную коллекцию картин. Но Лео, кроме искусства, еще очень любил предаваться всяческим излишествам, а они требовали денег. И он нашел выход — продал свою коллекцию (а это полотна Пикассо, Матисса, Ренуара, Делакура, Домье) заезжему соотечественнику, Альберту Барнсу. Говорили, что Лео здорово продешевил, и Барнс его

Ренуар. «Купальщицы»

хорошенько надул, но, так или иначе, у Лео появились деньги, а у Барнса — прекрасные картины.

Итог поездки оказался замечательный — 100 работ Ренуара, 25 — Пикассо, 13 — Сезанна. Теперь встал вопрос, как достойно разместить коллекцию. И Барнс, купив участок в Мерионе, весьма престижном месте недалеко от Филадельфии, начал строить дом, вокруг которого разбили огромный и красивый парк. Барнс мечтал, что это будет не просто музей, а образовательный центр, где молодые люди будут знакомиться с искусством, слушать лекции опытных преподавателей, получать блестящее образование. И название, понятное дело, он получит — Фонд Барнса.

Через какое-то время Альберт снова отправился в Париж.

Надо сказать, что у него было невероятное чутье на гениев. Однажды в доме Леопольда Зборовского, друга и покровителя Модильяни и Сутина, Барнс увидел женский портрет и застыл перед ним. «Кто автор?» — спросил он. «Амедео Модильяни», — ответил Зборовски. Тогда только один Зборовски и понимал, что Модильяни — большой художник. Никто не покупал его работы, никто не интересовался его творчеством. А Барнс купил — и, по сути, первым оценил выдающегося ита-

льянского художника. Первым оценил он тогда еще никому не известного скульптора Жака Липшица, и первым купил картины у Хаима Сутина. Пусть по дешевке, по 30 долларов за каждую, но Сутин, страшно нуждавшийся в то время, просто онемел от удивления и радости — ранее у него никогда таких денег в руках не было. В этом состоянии безумного счастья он отправился на Ривьеру и провел там целую неделю! А потом вернулся в Париж и никогда больше не нищенствовал...

Барнса уже хорошо знали в Париже, и когда он выходил из своего отеля, его ждали толпы художников и дилеров, жаждавших продать ему картины. На сей раз Альберт вернулся в Филадельфию, потра-

тив на живопись более полумиллиона долларов.

В 1922 году он официально учредил фонд своего имени. Страховой капитал фонда составлял более шести миллионов долларов. Задачами фонда должны были стать популяризация искусства и обучение малоимущих талантливых людей, причем разного цвета кожи. Барнс мечтал, что фонд будет тесно сотрудничать с университетом Пенсильвании, что его студенты будут посещать галерею, заниматься в специальных классах, и им будут официально зачитываться эти курсы. Однако когда об этом стало известно в широких университетских кругах, тут же поднялась мощная волна протеста со стороны преподавателей универси-

Слева:

Поль Сезанн.
«Угол стола»

Ренуар.
«Молодая мать»

тета, критиков и искусствоведов. Они называли Барнса полным профаном, ничего не понимающим в искусстве, следовательно, его ни в коем случае нельзя подпускать к образовательному процессу. В результате совсем немного студентов захотели обучаться в Фонде Барнса. Кстати,

обучение там было бесплатным, и преимущественным правом поступить обладали выходцы из рабочих семей, малоимущие художники.

И вот, наконец, наступил звездный час Барнса — он решил познакомить филаделфийцев с сокровищами своей коллекции. Выставка

была организована с стенах Пенсильванской академии изобразительного искусства. Ее посетители увидели 75 полотен импрессионистов, тех полотен, которые он с таким тщанием отбирал и покупал в Париже. Реакция публики потрясла Барнса до глубины души — его любимые картины были названы ужасными, отвратительными! Он смертельно обиделся на своих соотечественников, да и вообще на весь мир, который был так к нему несправедлив, и закрыл свою коллекцию от всех, заявив при этом: «Если они — эти надменные доктора, адвокаты, бизнесмены, ничего не поняли, оказались слепы к настоящей красоте, я не собираюсь открывать им свои сокровища». С тех пор его собрание могли увидеть только посвященные, только те, кто пользовался особым расположением Барнса. Так, он не пустил в галерею Джона Ревалда, известного искусствоведа, автора книг об импрессионизме и постимпрессионизме (Ревалд получил от Барнса весьма грубый ответ на свою просьбу посмотреть коллекцию и позже говорил о нем исключительно как о «жестоком, отвратительном, беспросветно глупом, мелочном и скупом человеке»). Не пустил он и известного поэта Томаса Элиота, обзвав его сумасшедшим. Частенько письма с отказом в посещении галереи Барнс подписывал с присущим ему своеобразным юмором — кличкой своей любимой собаки Фидель.

Он обожал свою галерею. Особой его заботой было правильное,

по его мнению, развешивание картин. И тут было много странного. Иногда картины, представленные в одном зале, объединяла цветовая гамма, иногда — просто размеры. Полотна XV века он вешал рядом с картинами, к примеру, Матисса, а розовые дамы Ренуара почему-то висели рядом с ножами и крюками. А еще там же можно было увидеть раннее африканское искусство, бронзу рядом с вполне авторскими работами. Барнсу при создании его «ансамблей» были не важны ни география, ни хронология. Он считал, что искусство едино, и не следует разделять его на периоды и стили, жанры и темы. Это его убеждение многие воспринимали как чудачество и глупость, проявление необразованности. Но, как ни странно, в этом непонятном принципе развешивания полотен была какая-то тайна, определенный смысл! Показанные именно так, они создавали нужное настроение. (И сегодня гиды и искусствоведы пытаются проникнуть в тайны «ансамблей» Барнса, понять, почему картины развешены именно так, а не иначе...)

24 июля 1951 года Барнс, уже весьма немолодой, но по-прежнему сохранивший характер и силы, захотел поехать на свою ферму. День был жарким, и он решил провести его на природе. Барнс любил сам водить машину — на сей раз это был новенький великолепный кадиллак. «Кадиллак — Ренуар автомобилей», — сказал как-то Барнс одному из своих друзей. (Ренуар был его любимым художником.) «Ну а вы, наверное, Рену-

Сезанн.
«Игроки
в карты»

ар среди водителей», — польстил ему тот. Барнс прекрасно знал дорогу — он ездил на ферму много раз. Но в тот день он почему-то не затормозил у поворота на знаке СТОП (видимо, о чем-то задумался), и его блестящий кадиллак врезался в проезжавший грузовик. Это был страшный удар, за которым тут же последовал взрыв. Так закончилась жизнь этого бунтаря, миллионера, ниспровергателя всех правил и традиций, истинного поклонника искусства, создателя одного из лучших — и самых необычных — музеев мира.

Барнс не раз говорил: «Я бы хотел, чтобы после моего ухода сожгли все мои картины». К счастью, этого не случилось.

По завещанию Барнса, после его смерти фондом должен был управлять специальный комитет, в него входили Лора Барнс, директор об-

разовательных программ Виолетт де Мазиа и несколько других персон, которым Барнс доверял. Главным же человеком в комитете была де Мазиа.

Еще задолго до трагической гибели Барнса в его жизнь вошла маленькая изящная француженка. Ее звали Виолетт де Мазиа. Сначала она попала в фонд как студентка, а потом, проявив блестящие способности и таланты, стала преподавательницей. В 1950 году она заняла должность директора образовательных программ и вошла в состав попечительского совета фонда. Вскоре умная, изящная, тактичная Виолетт оказалась невероятно нужна Барнсу. Она была с ним всегда рядом — и в поездках, и на переговорах с артдилерами и художниками. Трудно сказать, нравилось ли такое положение вещей Лоре Барнс, но кто же ее

Справа:

*Один из залов
музея Барнса*

*Джорджо де Кирико.
Портрет
Альберта К. Барнса*

спрашивал! Ей просто оставалось терпеть Виолетт, как когда-то терпели французские королевы фавориток своих венценосных супругов. Но внешне все выглядело вполне прилично, хотя эти отношения наверняка приносили Лоре глубокие страдания.

И вот после смерти Барнса эта маленькая мисс де Мазиа взяла в руки управление фондом и делала это прекрасно, ни разу не нарушив ни одного распоряжения Альберта Барнса. Все оставалось как при его жизни — ни одна картина не поменяла свое место, ни один из экспонатов не был продан или показан в

других местах. Виолетт была совершенно одинока, детей у нее не было, и фонд стал всем в ее жизни — делом, домом, смыслом. Она была его главной хранительницей, а после смерти Лоры Барнс — и полноправной хозяйкой. В 1988 году, в 89 лет, Виолетт де Мазиа умерла. Как и Барнсы, она завещала все свое — кстати, немалое — состояние на благотворительные цели.

Еще в 1961 году, после множества юридических сражений и под нажимом общественности, совет фонда разрешил посещать галерею, правда, только два с половиной дня в не-

делю, причем не более 500 человек, к тому же требовалось заранее записываться, как минимум, за две недели.

Так бы и продолжалось, только вот денег на содержание галереи, на все образовательные программы и поддержание порядка в парке катастрофически не хватало. Фонду светило банкротство, и тогда члены совета, нарушив все ранее установленные правила и запреты, организовали мировой тур с показом части коллекции в Вашингтоне, Токио, Париже и Торонто. Тур этот произвел огромное впечатление и слегка поправил ситуацию, однако всех проблем не решил. Пришлось увеличить посещаемость и поднять цену на билеты. Но тут возмутились соседи галереи — обитатели Мериона, весьма богатые люди, не желали видеть вокруг своих домов толпы жаждущих попасть в сокровищницу Барнса. Начались бесконечные суды. В конце концов, было решено пере-

нести фонд в новое здание в центре Филадельфии. Оно открыло свои двери для посетителей в мае 2012 года. Архитекторы и руководители экспозиции чрезвычайно бережно отнеслись к наследию Барнса, все картины в новых залах были развешаны точно так же, как и в старом здании в Мерионе. Наконец коллекция Барнса вошла в мировую культуру, став доступной и для простых ценителей живописи, и для специалистов.

И сегодня, попав в этот странный музей, не похожий ни на какие другие музеи в мире, нельзя не поразиться причудливым принципам размещения экспонатов, не восхититься высочайшим уровнем собранных здесь картин и скульптур, а потом — вспомнить чудаковатого миллионера, гениального коллекционера, сохранившего для нас множество шедевров великих художников XIX и XX веков и открывшего миру Модильяни и Сутина. □

А Софья Ардова

«Я — категоричный, даже, можно сказать, закрытый человек»

Софья Ардова — еще совсем молодая артистка МХТ имени Чехова — продолжает знаменитую актерскую династию: она — дочь замечательной актрисы театра и кино Анны Ардовой, внучка Бориса Викторовича Ардова, актера и режиссера, и Миры Ардовой, актрисы Театра юного зрителя. Сама Соня уже в шестилетнем возрасте снялась в сериале «Воровка. Счастье напракат», в 8 лет — в сериале «Москва. Центральный округ», а в 12 — в фильме «Крыша». Сегодня в МХТ ее можно увидеть в спектаклях «Гордость и предубеждение» и «Спящий принц» и в киносериалах «Анна-детектив», «Зверобой», «Все к лучшему», «Группа счастья», «Психологини», а также в сериале «Ангел-хранитель», который вскоре будет показан по телевидению.

— Софья, вы окончили театральный колледж — училище при театре МХТ имени Чехова, основанный Олегом Павловичем Табаковым. Чем он отличается от школы-студии МХТ?

— Очень важно было попробовать и понять — нужна ли мне эта профессия? Я поступила в театральное училище при МХТ в пятнадцать

что ревела всю неделю, никакой свободы передвижения.

В комнате мы жили втроем, все хорошие девочки, одна из них Настя, стала моей лучшей подругой, сейчас она служит в театре «Табакерка», талантливая артистка. Уже в конце обучения мне позволяли уходить ночевать домой, я по натуре очень пунктуальна, поэтому воз-

лет, на базе девяти классов, и четыре года учебы прошли быстро. Ребята отбираются для обучения со всей России, и все годы учебы мы проживаем вместе — в общежитии. Даже не верилось, что поступлю. Первый месяц — особенный, никого из учащихся не выпускают даже на улицу — жесткий карантин. Помню,

вращалась в колледж всегда во время.

Мне очень хотелось как можно быстрее начать работать в театре! И это было счастьем — учиться в нашем колледже...

— А были во время учебы какие-то забавные эпизоды,

которые особенно вам запомнились?

— Нас, студентов, кормили пять раз в день, как говорится, на убой. В рационе: котлеты, макароны, и так далее, в общем, к концу первого курса все прибавили по девять — десять килограммов!

Как-то принесла из колледжа кошку Шарлотту, она самостоятельно гуляла по балконам в училище, и я забрала ее домой. У меня аллер-

гия на шерсть кошек, но без Шарлотты я не могу, вообще очень люблю животных. Шарлотта Ивановна, как зову ее в шутку, очень умная, ласковая, безмятежная, никогда не огрызается, лояльна к детям. Доброе существо. У нее я учусь молчанию и созерцанию.

— Софья, вы играете в музыкальном спектакле «Гордость и предубеждение» в МХТ имени

Чехова. Этот знаменитый роман Джейн Остин переведен на многие языки, неоднократно экранизировался, ставился на различных сценах мира, но прежде никогда не шел на театральных подмостках в Москве. Расскажите, пожалуйста, об этой постановке.

— Московский актер и режиссер Алексей Франдетти поставил «Гордость и предубеждение» в нашем театре в 2016 году, на музыку американского композитора Питера Экстрема, в инсценировке Джона Джори.

Тем, кто любит хэппи-энд и все в «розовом свете», этот спектакль должен понравиться. Живой оркестр, хорошая музыка, пение, красивые костюмы, романтическая история любви. Я исполняю роль Лидии Викхэм, девушки, сбежавшей с офицером.

Мюзиклы Экстрема шли на Бродвее, как известно, он является автором музыкального оформления многих спектаклей — от великого Шекспира до современных авторов. Его мюзикл по рассказу О. Генри «Дары волхвов» семнадцать лет не сходил со сцены...

— А еще вы заняты в спектакле «Спящий принц» в постановке Романа Самгина...

— У меня там небольшая роль, Луиза — принцесса Штирии, но я очень рада, что выхожу на одну сцену с Ольгой Васильевой и Дмитрием Назаровым. Очень хорошая

комедия по пьесе английского драматурга Тенниси Рэтигана. Тонкий юмор, такой легкий, изящный, трогательный спектакль о любви.

— Вы происходите из известной театральной семьи, ваша бабушка — Нина Ольшевская, актриса МХТ, работала с Константином Станиславским, дружила с Анной Ахматовой... Мама — Анна Ардова — прекрасная актриса! Скажите, родные вообще влияли на ваш выбор профессии?

— Конечно, мои родители и являются моими учителями в профессии, смотрела на их игру и училась.

— Анна Ардова приходит на спектакли с вашим участием и дает ли вам советы?

— Для этого я ее и зову, всегда прислушиваюсь к маминым замечаниям и критике, это полезно. Мама — великолепная актриса, очень добрый зритель и человек, она свободна и всегда открыта. Мне очень важно знать ее мнение, потому что всегда услышу только правду. Маме я всецело доверяю. Она — мой учитель и близкая подруга.

— Когда вы впервые вышли на съемочную площадку?

— Мне было шесть лет, когда я сыграла небольшую роль в сериале «Воровка», помню, как проходила пробы и была утверждена.

Очень мне нравилась роль беспризорницы Панчухи в сериале «Зверобой». Эта работа мне запом-

нилась, я чувствовала себя на съемках свободной... А в 12 лет я снялась в фильме «Крыша». Это тоже запомнилось, но уже совсем по-другому. Режиссер этой картины ничего не разрешал мне самой делать, и я с ним часто ссорилась. Например, просил плакать, рыдать так, чтобы глаза, как говорится, лезли из орбит. Но ведь так никто не плачет. Это неправильно...

— Софья, а какую роль вам хотелось бы сыграть сегодня?

— Моя мечта — Бланш Дюбуа, героиня знаменитой пьесы Тенниси Уильямса «Трамвай желание». Как она мне интересна! Эта хрупкая, нервная, пронзительная Бланш!

— Вы любите путешествовать?

— Очень люблю. Мы с семьей стараемся каждое лето куда-нибудь поехать. Путешествуя, всегда набираешься новых впечатлений. Мне, например, понравилась Италия, особенно маленький городок — Феррара. Там словно теряешься во времени! А еще Флоренция... Погружаешься в ее необыкновенную атмосферу, ведь какие великие люди здесь жили: Данте, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело... Рим — это вообще удивительный город гармонии — ты там чувствуешь себя красивым человеком, и мысли твои красивы...

— Какие черты вам нравятся в людях?

— Доброта. Честность. Это главные для меня качества. Ум, преданность, юмор.

— А вы сами — какая по характеру?

— Я — очень категоричный человек, даже, можно сказать, закрытый.

— А у вас есть какая-то особо заветная мечта?

— Конечно, есть, как и всех людей. Я, например, очень хочу купить маме дом на море. Уже коплю на него. Мама, когда приезжает в Москву после отдыха, всегда говорит: «Все! Хочу купить там дом!»

— Софья, по вашему мнению, зачем люди ходят в театр?

— Чтобы меняться, чтобы узнавать новое, получить эмоции. Театр — это Чудо! Мне бы хотелось, чтобы люди, придя в театр, становились другими, значительно лучше. Чтобы задумались, а правильно ли они живут... □

Беседовала **Елена Воробьева**

Алексей Борычев

ЖАСМИНОВАЯ СОНАТА

Фаэтоны солнечных лучей,
Золото воздушных легких ситцев
Наиграла мне виолончель —
Майская жасминовая птица.

Родников знобящий переплеск,
Влажных трав скупая осторожность —
Это блеск, весенней грани блеск,
Лепесткового пути возможность

В край свечей в подсвечниках лесов,
В тихий тон звучащей майской ночи,
Где глядит бессмертье оком сов
В голубые ямы одиночеств.

Но сыграет утренний скрипач
Яркую мелодию рассвета,
И опять румян, пунцов, горяч
День примчится в колеснице света.

И легко дыхание коней.
И смеется облачный возница
В фаэтоне утренних лучей,
В золоте воздушных легких ситцев.

ЧУВСТВА — БУКВЫ АЛФАВИТА...

Чувства — буквы алфавита.
Строчки — тайнопись сердец.
Dolce Vita! Dolce Vita!
Нетускнеющий венец!
Ожидаемая всеми,
Освети мой тихий стих.
Закольцованное время —
В измерениях, каких?
Событийными кругами
Как вернуться мне туда,

Где разучивают гаммы
Красота и простота,
Где сквозь поры вязких правил
Доброты течет вино,
И где темени убавил
Тот, с которым так темно?
Мысли — графики, таблицы...
Dolce Vita! для чего:
Злые сумрачные лица
И тревоги существо?

ЕДЕТ КОЛЕСО

Едет колесо небес по дороге звездной.
И визжит на виражах тормозом луны.
Озирается в ночи шаркающий воздух.
Просыпаются в лесу страха валуны.

Ускоряясь, колесо тучами дымится.
Пар исходит от него смехом снов лесных.
Ускоренье колеса тонкое, как спица,
Как игольчатая злость северной весны.

Вдоль дороги города дремлющих галактик.
А под нею густота суетной Земли,
Где бликует добротой детства липкий фантик,
Где бумажные плывут в лужах корабли...

По асфальту звездных трасс, гравию квазаров
Мчится, мчится колесо, набирая темп...
Обрываются в лесах струны на гитарах.
Обращаются леса флейтами затем.

СОНЕТ

Творителем пришел и растворился в дымке
Крутящихся огней недетской суеты.
Роса его души — весенние цветы.
Краса его чудес — две теплые дождинки...

В других мирах везде гуляют невидимки.
Он был одним из них, но дух его остыл.
Вернулся он сюда, где звезды и кресты
Слились в одной тоске — в едином поединке!

Сверкают времена в пустых его глазах,
Бессмертие — в устах, в руках его — лоза,
Где спелый виноград космического бреда!

И хлещут по щекам хвосты его комет,
Что выдумал он сам и те, которых нет,
Но мыслями о них весна его согрета.

БУДТО СОН

Я стоял и смотрел, как бежала она,
Как бежала она и как пела.
Громычала война и кипела волна.
Но какое до этого дело!
Песня — влага лесов, песня — тающий день
И времен беспокойные воды.
А мотив — краснорогий закатный олень
На вечерних лугах небосвода.
И бежала она, и смеялась она,
И бессмертие вслед ей глядело
Голубыми очами весеннего сна,
Непонятного миру предела.
Небеса это сон. И Земля это сон.
И бегущая снится мне, снится
В непонятных просторах забытых имен,
В обращаемых пеплом страницах.

Прибежала она. Запыхалась она.
Повернулась ко мне. Улыбнулась.
Пусть грохочет война и вскипает волна.
Лишь бы все никогда не проснулось!

РАССТАВАНЬЕ — ПТИЦА В КЛЕТКЕ...

Расставанье — птица в клетке.	Распадающийся атом —
Встреча — птица в небесах.	Ожиданья пустота...
Хлещут солнечные ветки	
По лицу в густых лесах.	Я иду в кольце пространства,
	Размыкая времена.
Бесконечностью мохнатой	Заколдованное царство!
Шевелится темнота.	Колдовская сторона!

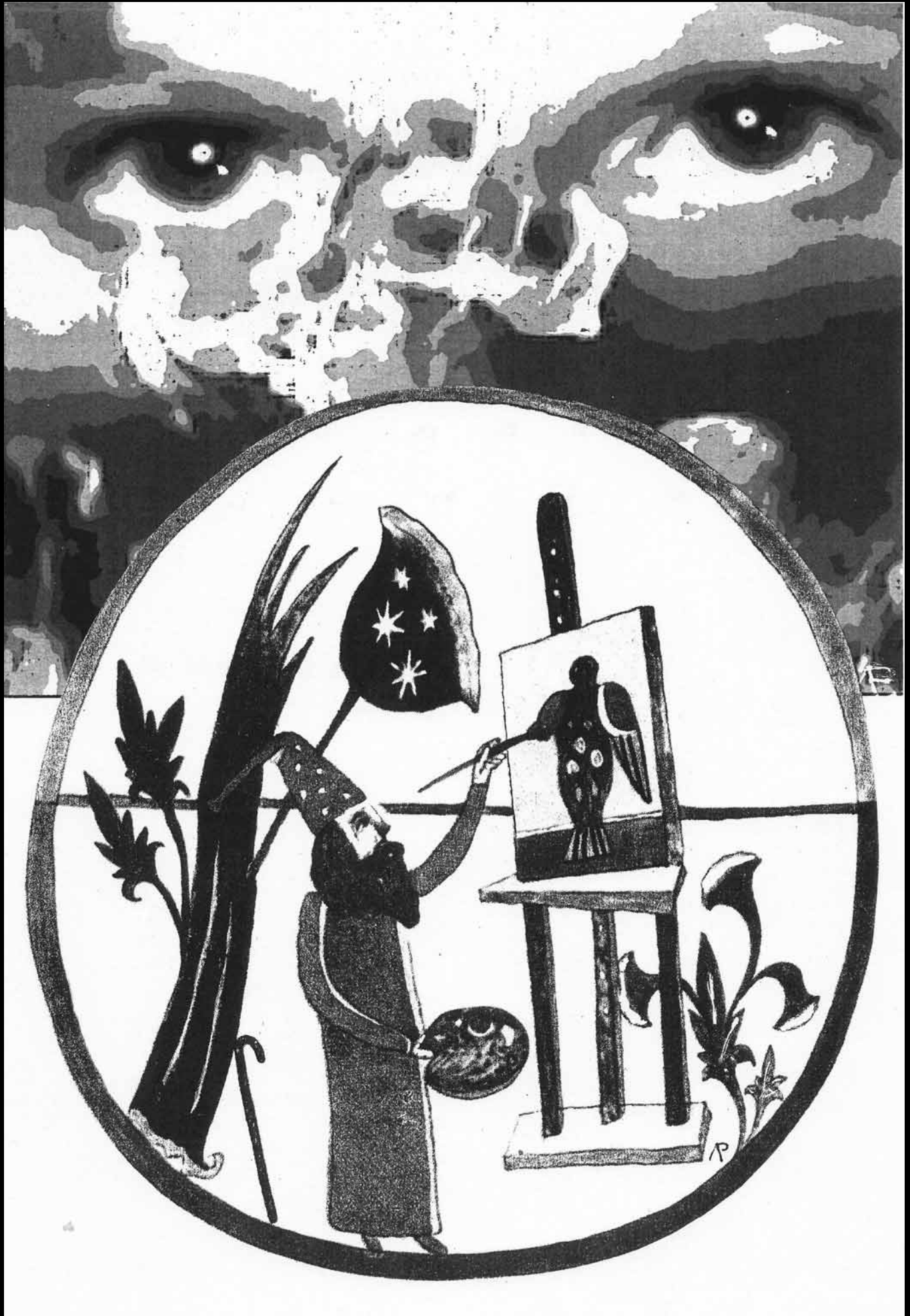
СКРЕПЛЯЯ СЛОВА...

Скрепляя слова — то пружинистой мыслью,
То гибкого чувства незримой скобой,
Рисуем узоры сверкающих смыслов
И слышим грядущего тихий гобой.

Цепочки и звенья, пружины и скобы:
Работает сложно лихой механизм.
Но часто бывают погрешности, чтобы
Не просто, не тихо давалась нам жизнь!

Замкнуться, сцепиться, оставить зазоры
В пространстве событий, и мыслей, и чувств,
Чтоб смыслы менялись, менялись узоры,
Чтоб мир оказался таинственно пуст!

Чтоб время, скользя немотой по событиям,
Слегка приглушало их яростный крик.
Цепочки и звенья... прозренья... наитья...
Так много сюжетов! Так много интриг!..

1 июня — День защиты детей

Юлия Попова

47-я ЛИШНЯЯ ХРОМОСОМА

Я знаю точно, что где-то неподалеку от нашего дома есть речка, хоть я никогда ее и не видел. Если вокруг тихо, я слышу ее течение и знаю даже, в какой момент его преграждает камень, потому что слышу и его. Он захлебывается, сплевывает воду и барахтается, будто утопающий.

Я слышу, что за гардиной кто-то есть, и подхожу к нему на цыпочках. Ни один звук, кажется, не может выдать меня. Иногда только подведут половицы, коротко скрипнув, и я тогда со страху начинаю подходить к окну быстрее, нарочно громко стуча каблуками, в надежде, что он испугается и убежит. Нет, все равно стоит, смотрит на меня сквозь гардину. Я резко отдергиваю ее. Вот он! Холодный пот прошибает меня с ног до головы. Но я смотрю на него, не отрывая взгляда. Я не хочу, чтобы он знал, как я его боюсь.

Сквозь вымытое до блеска стекло он пристально разглядывает меня. У него такое же лицо, как у меня, только плоское, как будто нарисованное на бумаге. Он в такой же клетчатой рубашке, какая сейчас на мне, и в таких же шортах на лямках. Но вся одежда на нем блеклая, словно вывернутая наизнанку, как мамино ярко-красное платье в шкафу. Мама всегда выворачивает его, когда вешает на плечики, чтобы я его не запачкал. Я люблю трогать это платье. Залезаю в шкаф и сижу там часами, завернувшись в него.

Я задерживаю гардину обратно. Насвистывая и делая вид, что абсолютно безразличен к мальчику за окном, ухожу. Свист мой временами срывается, коленки подрагивают, и походка становится как у пьяного. Закрыв за собой дверь, я тут же опускаюсь до трусливого бега. В шкаф! Там тихо, темно и уютно, как в маленьком игрушечном домике. А главное, безопасно. Я сворачиваюсь клубочком и, подтянув под щеку красный подол, засыпаю...

Таким мне запомнился один из дней моего раннего детства. А может, это была череда дней, совершенно одинаковых, однообразных, повторяющихся с утра и до позднего вечера...

Однажды меня разбудили голоса — голос матери, визгливый, на грани истерики, и голос бабушки, строгий и уверенный, как у судьи, который иногда заглядывал к нам в гости.

— Ах, что же делать? Помнишь, доктор сказал тогда: «Всего лишь одна лишняя. Сорок семь вместо сорока шести, но в тысячу раз тяжелее. Что же делать?» — причитала мать.

— Зачем же ты взяла его? — сердито спрашивала бабушка.

— Мама, как ты не понимаешь? Что бы сказали люди — что я бросила своего ребенка?!

— Да эти люди теперь сами от него нос воротят! — передразнивая мамин тон, парировала бабушка.

— Что же делать? — Мать нервно застучала каблучками по всей комнате.

— Вот что мы сделаем... Неподалеку отсюда есть интернат... для даунов. Отдай его туда. Там их воспитывают и обучают. Никто не посмеет сказать, что ты бросила своего ребенка. Отправила учиться — и все тут! — понизив голос, прошептала бабушка.

Отворив одну дверцу, я на четвереньках выполз из шкафа, и мои пальцы вцепились в подол бабушкиной юбки. Пристально глядя на меня, бабушка твердо проговорила: — Скоро поедешь в интернат! — И осторожно сняла мои пальцы с юбки, словно это ветки колючего кустарника.

Тогда я потянулся к матери, обнял ее за колени. Но она отодвинула меня, перепутав, видимо, со стулом, преградившим проход.

С этих пор слово «даун» стало слишком частым для моего слуха. Настолько частым, что когда я, наконец, выучился говорить, при знакомстве представлялся: «Виктор Даун. Очень приятно!» Я искренне полагал, что Даун — это моя фамилия. Мать, бабушка, мои сестры, их друзья, наши соседи — все смеялись, услышав это, просили меня повторить — и снова покатывались со смеху. И я тоже хохотал вместе с ними...

Сколько я себя помню, моей комнатой была библиотека, оставшаяся после отца. В ней было много шкафов, полок и стеллажей, заполненных разноцветными корешками книг. Мать всегда сильно расстраивалась, если я ненароком разбивал что-нибудь или ломал. А книги, как известно, разбить невозможно. В углу, прямо под стеллажами, стояла моя кроватка. Часто перед сном я рассматривал бесконечные ряды книг и боялся, что, если полки не выдержат этой тяжести, книжная лавина задавит меня насмерть.

Вот и наступил мой первый день в интернате. Какая-то женщина привела меня за руку в большую квадратную комнату. Я был буквально поражен — такое же обилие полок и стеллажей, как в нашей библиотеке, но здесь помимо книг на полках красовались невиданные плюшевые звери, цветные кубики и пирамидки, игрушечные автомобили и еще много чего интересного. После отделанных коричневым деревом пустых стен в моем родном доме все увиденное казалось разноцветным и ярким, как мыльный пузырь, на который случайно попал луч солнца.

От восторга я не сразу заметил, как меня окружили дети. Их было много, и они были как две капли воды похожи друг на друга, а еще на того мальчика, что прятался за гардиной у меня дома. Почему-то я испугался, да так сильно, что закричал и присел на корточки, закрыв уши ладонями. А потом... я почувствовал чью-то теплую руку на своем плече и, подняв глаза, увидел девочку в красивой шляпке с разноцветными лентами. Остальные дети приветливо улыбались и кивали головами. Потом, осмелев, они принялись обнимать меня. Девочки целовали меня в щеку, мальчики жали руку, совсем как взрослые. Они рады мне, догадался я, и ощутил такое спокойствие, такую нежность к ним, такую силу в себе, что вдруг почувствовал, как мои руки становятся ветвями. И я обнял их — всех сразу. Если бы окна были открыты, я выпустил бы в них руки-ветви и обнял бы весь мир... если только мне позволили бы сделать это...

ВЕРА

Вера всегда разговаривала таким радостным голосом, словно была бесконечно, безмерно счастлива — каждый день, каждую минуту своей жизни. И я абсолютно уверен в том, что так оно и было.

Она обожала пение. С напряженным вниманием и трепетом слушала виниловые пластинки в проигрывателе, принесенном кем-то из нянечек, схватывая мотивы на лету. Вера пела всегда и везде, пусть часто и без

слов, понравившиеся ей песни, которых было несметное множество. Могла даже кусочек одной песни вставить в другую, и это нисколько ее не смущало.

Кроме того, она была исключительной модницей — наряды любила до безумия. Нас не одевали в какую-то специальную форму. В спальнях стояли шкафы, где было много разной одежды, пожертвованной нашему интернату «добрыми людьми», как мы их называли. Пусть все это было далеко не новое и давно вышедшее из моды, зато каждый одевался по своему вкусу и настроению. Если утром Вере нравилась не одна юбка, а две, она надевала на себя обе.

Особенно любила она головные уборы. Каждый день на ее голове что-то красовалось — шляпа, шапочка или кепка. Вера украшала их цветами, лентами, бусинами и, важно подняв подбородок, расхаживала взад-вперед, дожидаясь, когда на нее обратят внимание. Мы намеренно не замечали ее, а потом, как бы спохватившись, начинали ахать и хвалить ее наряд.

Вера всегда считала себя неотразимой красавицей. И это тоже была чистая правда. Как можно было не влюбиться в нее?

Где ты теперь, моя детская, неповторимая Вера?..

Один раз в месяц меня на пару дней забирали домой. Хотя мне нравилось жить в интернате, все же я скучал по маме, бабушке и сестрам. А дома я скучал по Вере, по ребятам и учителям. Я разрывался на две равные половинки. С восторгом уезжая из интерната, я еле выдерживал эти домашние выходные. Жизнь в интернате и жизнь дома были двумя разными жизнями. Но они почему-то переплетались, перекрещивались, как шнурки на ботинках. Если ботинки не зашнурованы как надо, рано или поздно вы потеряете их где-нибудь на дороге. Я понял, что все в мире взаимосвязано. Так и должно быть.

Теперь, когда я приезжал домой как гость, меня не выпускали даже в сад. Каждый раз мать говорила:

— Сегодня холодно. Посиди лучше дома, в своей комнате. Займись, наконец, чем-нибудь.

Мне не хотелось огорчать ее, и я покорно оставался дома. От нечего делать я стал рыться в книгах, расставленных на полке в моей комнате-библиотеке. Тогда я еще толком не умел читать, но с удовольствием рассматривал обложки, иллюстрации или большие буквы с вензелями. Как-то раз я наткнулся на книжку с большими картинками, текста в ней почти не было. Позже я прочел ее название, и запомнил навсегда: «Как научиться рисовать». В книге была пошаговая инструкция по рисованию какой-то

птицы. За день, проведенный в одиночестве, я все-таки нарисовал ее. Вечером я показал рисунок матери.

— Я сам нарисовал эту птицу, мама! По книжке! — сказал я, гордясь собой.

— Зачем ты врешь, негодник? — Мать строго посмотрела на меня, подняла пальцами мой подбородок так, чтобы заглянуть в мои глаза. Очевидно, она полагала, что, если я лгу, то отведу взгляд. Но я не отводил. Тогда она сняла с халата пояс и принялась хлестать меня по спине. Я ревел и брыкался, мне казалось, будто меня секут железными розгами, хотя пояс был матерчатый и мягкий, и мне было совершенно не больно.

АЛЕКСАНДР

Александр был маленького роста, ниже, чем все остальные. Он всегда был очень серьезен, даже когда смеялся. А еще он был терпелив и упрям. Вечернее время, которое отводилось на игры и любимые занятия, Александр всегда проводил над книгами, вновь и вновь перелистывая одни и те же страницы. И ругал меня, если я садился рисовать. Он почему-то считал рисование всего лишь развлечением.

— Почему ты не занимаешься? — с укором спрашивал он.

Мне становилось стыдно, словно я действительно занимался ерундой. И я смиренно раскрывал учебник.

Александр был первым в классе.

Мы подружились. Его укоризненный взгляд всегда подстегивал меня, и я, будучи от природы ленив и немного легкомыслен, благодарен ему за это.

Как один день пролетели два года. Мама по-прежнему забирала меня раз в месяц. Я скучал по ней, но домой мне уже не хотелось — сидеть взаперти два долгих дня было совсем не весело. Половинка моей жизни — домашней — неумолимо «расшнуровывалась», уступая место интернату.

Как-то Александр предложил мне поехать на выходные к нему домой.

— Я с радостью! Вот будет здорово! — поспешно, не веря своему счастью, согласился я.

Едва дождавшись приезда матери, я бросился к ней и спросил, задыхаясь от волнения:

— Мама, Александр, мой друг, приглашает меня к себе на выходные. Можно мне поехать с ним?

К моему удивлению, мать сразу же и даже как будто с облегчением закивала:

— Конечно, можно! Это было бы чудесно! И так мило с его стороны!
Я целовал ее щеки, волосы, руки, а она хохотала, словно девчонка.
— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — повторял я, пытаюсь поймать ее руки.
Я никогда не был в гостях.

Отец Александра привел нас на железнодорожную станцию с высокой башней с часами. Там было шумно и пыльно. То и дело где-то над нашими головами неразборчиво бормотал приятный женский голос. Я представил, что обладательница этого чудесного голоса заточена в вокзальной башне. Я так хотел спасти ее! Но ладонь моя, крепко сжатая сильной мужской рукой, уводила меня куда-то прочь от башни, от узницы и от несовершенного, но такого желанного героического поступка. Все вокруг копошились, кричали, бежали, дребезжа дорожными чемоданами на колесиках. Поезда чихали, трогаясь с места. Все это было так необычно, что вскоре, к своему стыду, я совсем позабыл о несчастной узнице в башне.

Это было мое первое путешествие на поезде. Я был так счастлив, как может быть счастлив только ребенок — при созерцании совершенно будничных, обычных для взрослого человека вещей.

Нас встретила мать Александра — маленькая, ростом с десятилетнего ребенка. Растопырив руки в огромных рукавицах, она громко закричала:

— А-а-а! Приехали! Приехали!

Я испугался и как вкопанный остановился на крыльце. Женщина принялась меня тормошить, а потом так крепко и долго сжимала меня своими прихватками-рукавицами, что я даже вспотел. В ее волосах запуталось множество каких-то палочек и резинок. Я пытался сказать ей об этом, но она не давала мне вставить и слова, все повторяла: «Приехали! Приехали!» — и снова обнимала меня. Я попытался незаметно освободить ее волосы от этих шуток, но она всякий раз отводила мои руки от своей головы. Позже Александр объяснил мне, что это были бигуди.

Утром родители Александра, его брат Макс и я собрались в столовой за завтраком. Я очень стеснялся и не знал, куда деть руки, не смел даже поднять глаза, чтобы посмотреть на них.

Напротив меня сидел Макс. Он был намного старше Александра — на тот момент он уже заканчивал школу. Это был крепкий и высокий юноша, совсем не похожий на своего брата.

— Макс у нас будет юристом! — гордо проговорила их мама.

— Нет! — сквозь зубы процедил Макс.

— Ма-акс! — Она звонко постучала ложечкой о чашку.

— Я сказал — нет! — Макс тут же вскочил с места и, громыхнув стулом, вышел.

Я не знал, что такое «юрист», но звучало это не очень хорошо. Отдавало чем-то больничным, а я не любил докторов.

Вздыхнув, мать Александра посмотрела на меня и спросила:

— А ты, Виктор, кем хочешь стать?

Я немного поежился, но, вспомнив свое первое путешествие, с улыбкой произнес:

— Сегодня я хочу быть поездом!

— Что-о-о? Может, ты хотел сказать — машинистом? Никто не может быть поездом. А ты даже и машинистом не можешь. Ни ты, ни Александр. По меньшей мере, вам нужно стать людьми, хоть на что-то годными для общества! Так что надо учиться, а не фантазировать! — сказала она строго.

Заметив, что я постоянно рисую, мать Александра запретила мне находиться рядом с ее сыном, который занимался с утра до вечера. Я слышал, как она говорила своему мужу:

— Александр должен стремиться стать достойным членом общества! Надо не допустить, чтобы это глупое и никчемное рисование затянуло и его!

Отец Александра молчал. Все время, что я гостил в их доме, он не сказал и пары слов. Густая черная борода искусно скрывала его рот, служа безусловным оправданием его молчаливости.

Меня переместили в гостиную. Когда никто не видел, Александр пробирался туда, быстро, таясь, обнимал меня сзади за шею и тут же исчезал, чтобы не рассердить мать.

В последнюю ночь перед отъездом мы, затаив дыхание, смотрели на полную, раздобревшую луну, заглянувшую, словно на прощание, в окошко.

— Красивая! — Александр прищурился.

— Да-а-а! — выдохнул я. — Скажи, а почему твоя мама так часто повторяет слова «достойными членами общества»? Что это значит?

— Не знаю. Но, наверное, это что-то очень хорошее.

— А разве не хорошо быть тем, кем хочется? — поинтересовался я.

— Кем же ты хочешь быть? Поездом? — удивился Александр.

— Я не хочу быть кем-то одним... Сейчас, когда я смотрю на луну, я хочу быть ею... — Я сомкнул веки, и луна еще долго плавала перед моими глазами, как золотая рыбка в аквариуме.

РОЗА

Она была самой младшей из нас, и поэтому все называли ее Розочкой. У Розочки были роскошные каштановые волосы, которые она никогда не заплетала. Когда она бежала по коридору на урок и волосы ее развева-

лись, я представлял, что так, наверное, скачут лошади по берегу голубого, как небо, моря, и гривы их полощет волнами теплый ветер.

Она обожала лошадей, хотя никогда в жизни их не видела. Мне казалось, Розочка знала об этих животных все.

— У них есть зубы и четыре ноги, еще хвост и волосы, котолые называются глива, — бойко рассказывала она.

Однажды она попросила:

— Налисуй лосады!

— Я... не умею рисовать лошадей... — признался я.

Розочка ничего не сказала, но на ее ресницах задрожали слезы.

Я перелистал уйму книг и журналов, нашел несколько иллюстраций с лошадьми и подробно их рассмотрел. По памяти я нарисовал для Розочки лошадь. Я очень хорошо помню этот рисунок: ужасное существо, изображенное на нем, явно не было даже дальним родственником этого красивого стройного животного. Но Розочка, посмотрев на протянутый мною лист бумаги, обхватила меня за шею своими маленькими ручками и шепнула:

— Ты очень, очень холосый!

Она бегала с этим рисунком по всему интернату, показывала его каждому по несколько раз, и порядком всем надоела. Она была так счастлива, словно я подарил ей настоящую живую лошадь...

Однажды в новогодние каникулы мать собирала меня домой. Я стоял во дворе возле машины и глазел по сторонам. Влажный воздух стелился по земле белым паром. Пожухлая трава безжизненно лежала на газонах. Она напоминала мне вымокшие под дождем парики, что я видел во дворе нашего парикмахера Петера, когда мама возила меня к нему на стрижку. Я спросил:

— Мама, а Новый год зимой?

— Зимой, — ответила она.

— Но сейчас не зима.

— С чего ты взял? — раздраженно бросила она, пытаясь запихать мой чемодан в багажник автомобиля.

— Снега нет.

— Ну и что?

— Нас так учили: зимой — снег, летом — зеленая трава, осенью...

— Сейчас зима! — Мать захлопнула багажник и бросила чемодан на заднее сиденье.

— Нет, — сказал я, — снега нет, значит...

— Хватит! На календаре 31 декабря! Зима! Не всегда нужно верить тому, что видишь! Садись в машину!

Всю дорогу я размышлял над ее словами. Выходило, что, если, например, ты видишь перед собой какого-нибудь человека, то это вовсе не значит, что он действительно тут стоит. И наоборот. Но почему же тогда мама верит календарю? Ведь если не верить тому, что видишь, то и календарю не следует очень уж доверять.

Когда мы подъехали к дому, мама, чеканя слова, произнесла:

— Виктор, несколько дней тебе придется побыть в своей комнате...

— Нет! — выкрикнул я с отчаяньем. — Я не хочу!

— Тебе придется! Я поставила в твоей комнате чудесную елку, накупила уйму карандашей, альбомов, и я хочу... — продолжала она.

— А я не хочу! Не хочу! — заревел я, предвкушая полное одиночество в самый волшебный праздник в году.

— Чего же ты хочешь? — кричала мама, тряся меня, словно куклу. — Чего?!

— Я хочу... Как у всех хочу! — плакал я, повиснув на ее руках.

— Видишь, ты сам не знаешь, чего хочешь! — отрезала она и отпустила меня. Я упал. И пролежал так, пока меня за шкирку, как второй чемодан, не занесли в дом.

И вот случилось то, чего я всегда так боялся: меня заперли на ключ. Когда дверь в библиотеку была открыта, я мог утешать себя тем, что, если мне станет совсем тошно, я могу сбежать. Хотя я знал, что никогда не сделаю этого.

Я сидел на кровати и с тоской глядел на сверкающую в углу елку. Из коридора доносился шум, топот ног и голоса сестер. Лола, старшая, собиралась на школьный бал. Я решил, что тоже обязательно пойду туда, чего бы мне это ни стоило. Я открыл свой чемодан, достал пиджак и галстук. Бережно расправил их на кровати и стал ждать. Когда возня немного затихла, прильнул глазом к замочной скважине и, увидев проходящую мимо младшую сестру, окликнул ее:

— Кристина!

Озираясь по сторонам, она на цыпочках подошла к двери.

— Кристина, выпусти меня!

— Я не могу, Виктор! Мама будет ругаться! — прошептала она и убежала. Но я не отходил от двери, все еще надеясь на что-то.

Чуть позже громкий голос Кристины раздался в другом конце коридора:

— Я тоже хочу на бал, мам!

— Ты еще мала, девочка моя! Годика через два-три ты пойдешь на бал, не сомневайся! — терпеливо объясняла мать.

— А я хочу сейчас! Сейчас! — рыдала Кристина.

Хлопнула входная дверь. Наверное, мама ушла вместе с Лолой, чтобы проводить ее. Я стоял и слушал, как Кристина кричала и что-то кидала на пол. Вдруг раздался стук в дверь:

— Виктор! Я взяла у мамы ключи! Я выпущу тебя! Ты готов?

Я накинул пиджак и быстро затянул галстук:

— Да!

Ключ с громким скрежетом повернулся в замочной скважине.

— Беги! — шепнула Кристина. — Только не топай!

Ее лицо озаряла улыбка, а глазки были лукавы, как всегда.

— А как же ты? — спросил я. — Пойдем вместе!

— Нет, иди один... — помотала она головой.

Я на цыпочках дошел до входной двери и, отворив ее, услышал сзади смешок младшей сестренки:

— Испорти им праздник, Виктор!

Я подумал, что «испортить» означает «развеселить» или что-то в этом роде, и весело ей кивнул.

Внутри огромного школьного зала оглушительно играла музыка. По потолку один за другим по кругу бегали разноцветные кружочки. В центре зала девочки в красивых бальных платьях со шляпками и веерами кружились в обнимку с молодыми людьми в смокингах. Я смело шагнул в зал и, двигаясь вперед, с любопытством разглядывал пролетающих мимо подростков. Никто, казалось, не обращал на меня внимания. Внезапно перед моими глазами запрыгал красивый атласный бантик в светлой золотистой косе. Я поправил галстук, застегнул пиджак на все пуговицы и пригладил ладонями волосы. А потом легонько коснулся плеча прекрасной девочки и вежливо, как меня учили, спросил:

— Можно пригласить вас?

Девочка медленно обернулась. Ее холодный взгляд задержался на моем лице. Я улыбнулся, надеясь сразить ее наповал. Все воспитатели в интернате были в восторге от моей улыбки. Но она не улыбнулась мне в ответ, она... закричала! Она кричала так, словно увидела что-то, чего не бывает или не должно быть на свете. Я тоже так кричал однажды, когда, притаившись вечером у дверей учительской, где смотрели телевизор санитарки, увидел монстра из фильма ужасов.

Очнулся я только на улице. Больно сжимая мою руку, Лола тащила меня за собой и шипела:

— Что ты наделал, дурак безмозглый! Идиот! Чертов даун!

А когда мы пришли домой, прямо с порога кинулась на шею матери и зарыдала:

— Мама, он испортил мне весь праздник!

Потом сдернула с меня пиджак, бросила его на пол и стала яростно топтать его ногами. Я подумал, что это какая-то игра, рассмеялся и стал повторять за ней. Раскрасневшаяся, с размазанной тушью на ресницах и растрепанной прической, Лола посмотрела на меня исподлобья, подошла ко мне вплотную и сильно ударила по щеке. Я заплакал и присел на корточки, закрыв обеими ладонями горящую щеку.

— Даун! Ненавижу тебя! — прокричала мне в лицо сестра. — Лучше бы тебя никогда не было!

Мать замерла, словно окаменев.

Прислонившись к дверному косяку, Кристина победно ухмыльнулась. Я решил, что она меня подбадривает, и робко улыбнулся ей в ответ.

В тот вечер мы с матерью говорили о моей болезни. Я задал ей только один вопрос:

— Почему я?

Она поежилась, словно от холода, и ничего не ответила.

Полночи я сморкался с невероятной силой, так, что закладывало уши. Я вызывал рвоту, запихивая пальцы в рот. Я надеялся, что таким образом заставлю сорок седьмую хромосому покинуть мое тело навсегда. И тогда меня, наконец, полюбят...

ДАВИД

Давид был евреем. Мы не знали, кто такие евреи, для нас слово «еврей» было полной характеристикой Давида, выраженной пятью буквами. Каждый человек, я это точно знаю, наделен в той или иной степени добротой и состраданием. У Давида же этих качеств было сверх меры. Непонятно, как такое количество доброты способна вместить в себя человеческая душа без ущерба для себя самой. Всех, кто проявлял доброту к нам или к кому бы то ни было, мы называли «евреями».

Давид не просто жалел людей или животных, он в полном смысле сопереживал им, как будто сам чувствовал то же, что и они, будь то боль, страх, огорчение или обида. Если он слышал, что кто-то из персонала или детей заболел, он так переживал, что у него самого, в конце концов, поднималась температура.

Однажды под Рождество в интернат пригласили воспитанников из соседней школы. В актовом зале на праздничный концерт собралось около сотни зрителей. Рядом с Давидом оказался паренек с короткой, совсем

крохотной, ножкой. Опираясь на костыль, он тяжело приземлился на стул. Давид, не отрываясь, смотрел на него своими огромными, полными слез карими глазами. Плакал он молча, крупные слезы катились по его щекам и шее, впитываясь в ворот праздничной белой рубашки. Паренек недовольно косился на него и нервно стучал костылем об пол. Наконец, не выдержав, он резко повернулся к Давиду и спросил:

— Ну что тебе?

— Тебе очень тяжело... — всхлипывая, начал Давид.

Глаза парня налились кровью, и он злобно, словно его оскорбили, прошипел:

— Что-о-о?! Ты вздумал жалеть меня? Ты?! Да ты посмотри на себя! У меня-то хоть с головой все в порядке! Лучше себя пожалей, недоносок! — и, схватив костыль, неуклюже заковылял прочь.

Я был дома еще один раз — последний. В то лето стояла нестерпимая жара, редкая для наших мест. Духота в домах выгоняла на улицу даже заядлых домоседов. Мне — о чудо! — разрешалось гулять в саду, когда за благорассудится. И я с радостью проводил там дни напролет, стараясь не попадаться на глаза сестрам.

Когда эти последние каникулы моего детства подошли к концу, мама повезла меня обратно в интернат. Одна мысль всю дорогу не давала мне покоя: я стал лишним в родном доме. Весь я, все сорок шесть здоровых и одна больная хромосома были не нужны моей семье, всем мешали.

— Я больше не вернусь домой, — сказал я ей, когда автомобиль остановился у ворот интерната.

— Ладно, — безразлично ответила она и, помолчав, спросила: — Что же ты намерен делать дальше? Рисовать?

И тут меня осенило! Рисовать! Рисовать!

— Да, рисовать! Я хочу быть художником! — с восторгом ответил я.

— Художником?! Виктор, понимаешь... — проговорила мама, рассеяно глядя на заходящее за крыши домов солнце. — Вряд ли ты сможешь... нет, я не верю.

— А я верю! — сказал я. — Мама, я верю!

На этом, к сожалению, мне придется закончить рассказ про Виктора, записанный с его слов. Виктор умер, не дожив, по странному стечению обстоятельств, ровно 47 дней до своей первой персональной выставки.

У него действительно был уникальный дар к рисованию и буквально одержимость им. Мы организовали выставку его работ всем миром.

Многочисленные друзья Виктора, персонал интерната, просто неравнодушные люди с радостью откликнулись на наш призыв и с энтузиазмом взялись за работу. Я занимался рассылкой приглашений на выставку.

В какой-то день я столкнулся на почте с одним из своих знакомых. Узнав от меня о выставке картин необычного художника, он воскликнул:

— Люди же придут смотреть на его картины как... на картины какого-нибудь шимпанзе! Пусть и гениального, но шимпанзе! Я не верю в то, что они оценят их!

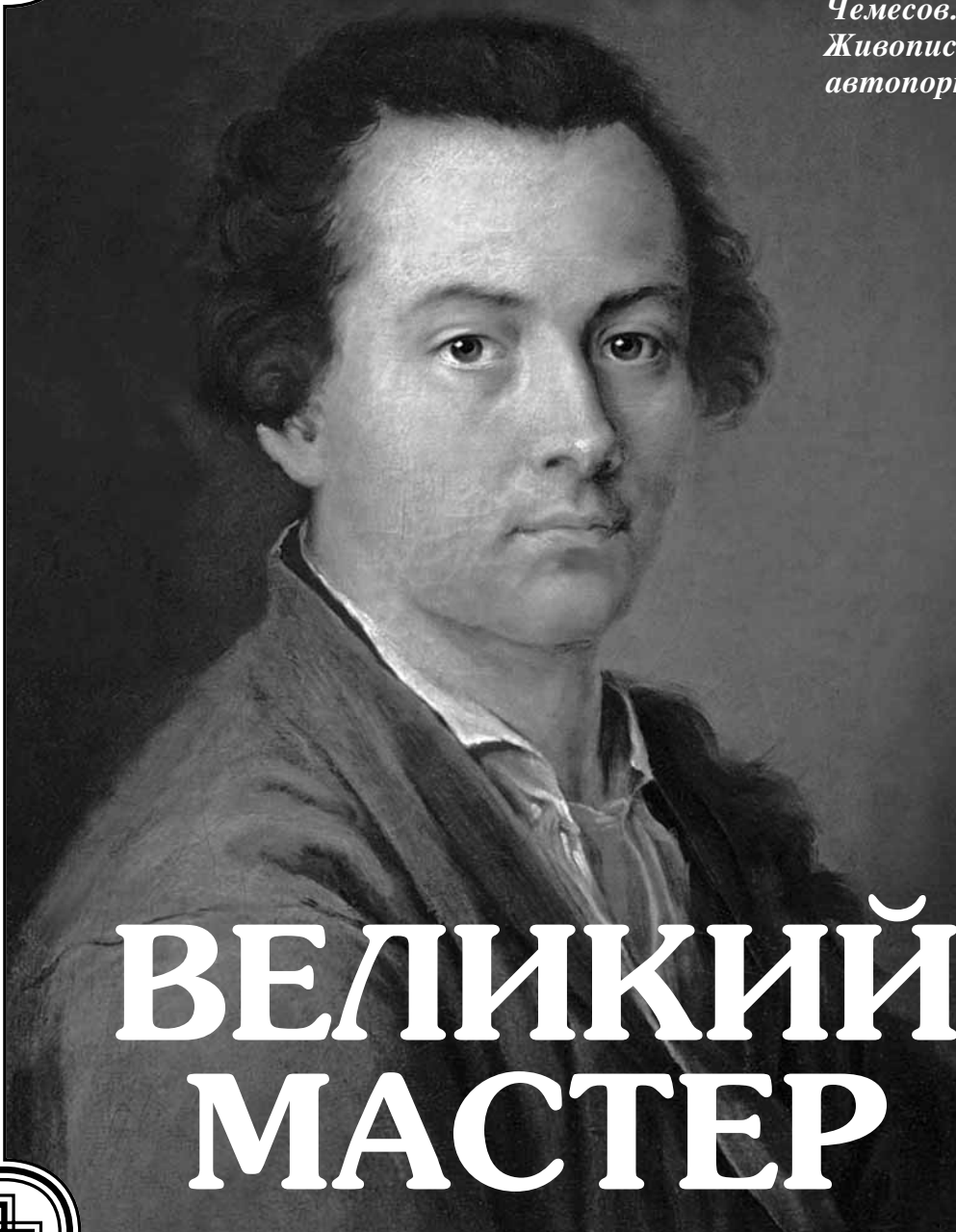
— А я верю! — ответил я, вспомнив слова Виктора.

Эти слова и по сей день помогают мне в тяжелые минуты моей жизни.

P.S. Не так давно я узнал, что у Лолы, старшей сестры Виктора, растет сын. Он очень похож на своего дядю. Впрочем, все люди с синдромом Дауна удивительно похожи друг на друга. И все равно все они — «солнечные дети». А нам не мешало бы хоть изредка вспоминать фразу бессмертного барона Мюнхаузена: «Умное лицо — это еще не признак ума, господа! Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица!» □

Виктор Ом

*Евграф
Чемесов.
Живописный
автопортрет*

**ВЕЛИКИЙ
МАСТЕР**

ГРАВЮРЫ

В далекие петровские времена, когда еще не было возможности тиражировать работы живописцев, это делали резчики деревянных форм. Их задачей и было репродуцирование, стало быть, и популяризация великих живописцев и рисовальщиков. Называли таких граверов — формшнайдерами.

История сохранила их имена, правда, совсем немногих: Никколо Больдрини и Доменико делле Греке, работавшие с Тицианом, Кристоф Йегер, копировавший работы под наблюдением самого Рубенса, Петер Флотнер, Тибиас Штиммер... Эти профессионалы как будто умышленно отрицали самое главное, что есть у настоящего художника — свое «Я». Они трудились во имя святого искусства!..

«Крестным отцом» русской гравюры по праву считают Петра I. Именно он для создания отечественной школы гравирования пригласил из Голландии в самом начале восемнадцатого столетия талантливейших художников — граверов Адриана Шхонебека и Петера Пикарта, и вменил им в обязанность не только создавать оригинальные гравюры, но и обучать русских мастеров этой не простой профессии. С их школой и связывает история искусства имена лучших граверов Петровской эпохи — Алексея Федоровича и Ивана Федоровича Зубовых.

Работали голландские граверы на базе новой типографии, специально учрежденной в Санкт-Петербурге.

После смерти царя Петра типография перешла в ведение Синода, мастеров уволили, и развитие граверного дела на некоторое время прекратилось...

Возрождение такого нужного для России искусства связывают с художественными мастерскими и, прежде всего, с Гравировальной палатой Петербургской Академии наук, созданной в 1725 году.

Первые гравюры были созданы уже в 1727 году, а в 30-е годы в стенах палаты стали выполнять не только заказы Академии наук, но и государственные. А вскоре палата стала центром гравировального дела во всей России.

Способствовали этому лучшие отечественные мастера — граверы, такие как И. Соколов, А. Греков, Е. Виноградов, Е. Чемесов, создававшие блестящие гравюры, к числу которых относились портреты императорских особ и сановников, портреты академиков, научные иллюстрации, проекты фейерверков и иллюминаций, ландкарты и изображения различных военных батальев.

Среди них особо следует выделить Евграфа Чемесова, чья судьба сложилась очень необычно. Он умер совсем молодым, не достигнув даже тридцати лет, но оставил яркий след в русском искусстве. «Подлинным гением в гравюре» называл его учитель, немецкий мастер Георг Фридрих Шмидт, и добавлял: «Этот мальчик делает мне честь!»

Евграф Чемесов происходил из мелкопоместной семьи. Родился он в деревне Озерки, что находилась в Пензенской провинции Казанской губернии.

Отец скончался, когда Евграфу не было и шестнадцати лет, и тогда его записали солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Стало быть, для военной карьеры...

Как он прожил эти гарнизонные годы, с их тупой и беспросветной муштрой, с постоянным командирским произволом, в общем, со всем тем, что называлось в народе «солдафонством», навсегда останется тайной. Никаких свидетельств тех трудных лет вступления его во взрослую жизнь не осталось. Но можно представить, как все происходило... Для примера, такая же гарнизонная жизнь довела до психиатрической лечебницы другого талантливого русского художника, Павла Федотова... И не счесть подобных примеров...

Евграф, как и Федотов, тоже был человеком очень впечатлительным, ранимым и нетерпимым именно к унижениям и психологическому насилию. Похоже, спас его упрямый крепкий характер, сила духа и умение терпеть. Именно эти бесценные качества пригодятся ему позже для творчества... А пока «госпожа судьба» помогла ему в эти «злые годы лихолетья» стать капелланом, затем и поручиком. Но все самое главное было еще впереди, и он, наверное, интуитивно чувствовал это... потому и терпел.

Когда и при каких обстоятельствах юноша взял карандаш и бумагу и попытался что-то нарисовать — неизвестно, вполне возможно, что случилось это по причине нудной армейской жизни. Но, как бы то ни было, в полку стали расползаться слухи, что «бедный офицер Чемесов, как колдун, может срисовать любого — и будет та парсуна что живой человек!»

Так Чемесов, будучи еще в полку, прославился талантом рисовальщика. Эхо хвалебных восклицаний донеслось и до самого основателя Российской академии художеств Шувалова...

Иван Иванович Шувалов, государственный деятель, генерал-адъютант и фаворит самой императрицы Елизаветы Петровны, был человеком умным, широко образованным, любящим и хорошо понимающим искусство. Он много и активно занимался меценатством... и призвание свое видел в поисках истинно русских дарований. Это именно он как-то необъяснимо сумел разглядеть в юном истопнике Федотке талантливого художника, впоследствии выдающегося русского скульптора Федота Шубина. С той же почти магической прозорливостью Иван Иванович разглядел в очень шустром сынишке дьячка — будущего архитектора Василия Ивановича Баженова, создавшего уникальные творения, которые известны во всем мире.

Интуиция радетеля за русское искусство не подвела его и с Чеме-

*Гравюра.
Портрет
Елизаветы
Петровны*

совым. Случилось это судьбоносное событие в 1759 году. Восхищенный работами молодого офицера, Шувалов вытащил начинающего художника из полуничтожного существования и помог ему окончательно определиться на жизненном пути. Иван Иванович хлопотал об отчислении офицера Чемесова из полка, чтобы тут

же направить его в Академию художеств, куда Евграф и был зачислен студентом. Шувалов и потом продолжал ему покровительствовать...

Евграф за фантастически короткий срок предстал перед изумленными современниками уже совершенно самостоятельным, сформировавшимся, глубоко национальным

*Гравюра.
Портрет
графа
Орлова*

Справа:
*Гравюра.
Портрет
Екатерины
Великой*

мастером и художником. Всего за год обучения в академии он безукоризненно овладел техникой и технологией многотрудного гравёрного ремесла. А ведь известно, что процесс обучения гравёрному мастерству — дело не простое, и не каждому дается, иные мастера, даже маститые, обучались этой профессии не одно десятилетие...

Осталось очень интересное, во многом показательное высказывание о Чемесове писателя Даниила Андреева:

«Из числа «просветленных», возшедших в небесной России на особенную высоту, мне известно несколько имен: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Алексей Константинович Толстой, Достоевский,

Аксаковы, Витберг, Кутузов и не пользующийся широкой известностью и рано умерший гравёр восемнадцатого века Чемесов».

Сказано несколько экстравагантно, но, похоже, было что-то такое, что породило эти слова...

И все же самое необыкновенное в личности Чемесова — это то, что он являл собой тип абсо-

лютно нового человека в искусстве...

Гордого, независимого, знающего своему таланту истинную цену и не позволяющего помыкать собой никому из сильных мира сего. Поэтому трагический конфликт между художником и тупой чиновничьей сворой дельцов от искусства был просто неизбежен...

Своему призванию Евграф Чемесов отдал всего лишь шесть лет, и известны около двадцати его работ, созданных за этот крошечный период. Но почти каждая из них — это шедевр, эталонный образец гравёрного искусства!

Уже один из первых листов художника — «Петр I», выполненный с живописного оригинала французского художника Неттье, — Владимир Владимирович Стасов, русский искусствовед и критик, отнес к «значительному художественному достоинству». В это же время Чемесов выполнил и одну из самых очаровательных своих гравюр — «Портрет И.И. Шувалова», с оригинала итальянского художника П. Ротари. Эта гравюра особенная... В ней гравёр проявил свой недюжинный талант в разработке тончайших полутонов и общей тональной гаммы портрета... Резец мастера смягчил условность и некоторую жеманность живописи, сделал ее благороднее, теплее, задушевнее.

Именно за эту работу Евграф Чемесов был назначен адъюнктом, то есть помощником руководителя гравёрного класса Академии художеств.

Затем он исполнил гравюру по рисунку Георга Шмидта — портрет А.С. Строганова. Этот портрет воочию показывает, каких невероятных высот достиг художник. Здесь он в последний раз поставил свою подпись как ученик и подмастерье — 17 января 1762 года ему было присвоено звание академика за «Пор-

tret Елизаветы Петровны». Это подлинный шедевр русского мастера! Никто из художников не сумел так правдиво изобразить императрицу Елизавету, какой показал ее Чемесов.

За бесконечными и порой мучительными трудами проносилось беспощадное время... Академия художеств утвердила специальным ордером «Управление гравировальным классом и печатной палатой», и руководителем его был назначен Евграф Чемесов, а вдобавок к этому, еще и конференц-секретарем академии.

Теперь Евграф Петрович самозабвенно отдался любимому искусству, словно предчувствуя свой короткий век. Он в фантастически краткие сроки заканчивает портреты Екатерины II, Г.Г. Орлова, князя Павла Петровича, фельдмаршала Б.Х. Миниха, первого актера и основателя русского театра В.Г. Волкова, К.Е. Сиверса, И.Г. Орлова. Последнего Чемесов гравировал с живописного оригинала великого русского портретиста Федора Степановича Рокотова.

Прекрасные, великолепные работы!

Яркой психологической выразительностью и какой-то особой сердечностью отличается портрет актера Волкова. Оригиналом послужила работа А.П. Лосенко, тоже шуваловского питомца... На этой гравюре мастер оставил очень оригинальную надпись: «Желая сохранить память сего мужа, вырезал я сие лица

*Гравюра.
Портрет
И.И. Шувалова*

его изображение... По завещанию его самого, любезного моего друга... Евграф Чемесов».

Но самую незабываемую память оставил Евграф Петрович своей последней прощальной работой, увенчавшей его блистательный, но такой краткий творческий путь, — собственный автопортрет. Гравировал

Чемесов с оригинала, выполненного в 1763–64 годах его хорошим другом и коллегой, французским художником Луи де Веллем, который в те годы работал в петербургской Академии художеств.

Перед нами человек добрый, искренний, незаурядный... С душой трепетной, легко ранимой и неза-

*Гравюра.
Портрет
Петра I*

щищенной. Взгляд широко раскрытых глаз как будто с отчаянной беспомощностью ужасается мерзости мира сего... Впалые щеки, бледные обтянутые бледной кожей скулы, заостренный нос и такой же подбородок, худая шея и тени под глазами говорят о том, что он тяжело и неизлечимо болен...

Де Велль очень откровенно показал страшную болезнь друга, а вот сам Евграф Петрович, не желавший верить в трагический исход недуга, в гравированном изображении несколько «оздоровил» себя по сравнению с безжалостным приговором живописного оригинала. Как же он хотел жить! Как он любил жизнь!

Как яростно сопротивлялся безысходной смерти и никак не мог принять чудовищную несправедливость того, что ему, наделенному даром украшать жизнь людей, русское искусство, суждено уйти в самом начале такого многообещающего пути!

Поразил Евграф Чемесов исследователей еще и живописным «Автопортретом», ничуть не уступающим по мастерству шедеврам живописцев того времени. Когда и где он успел так выучиться и сформироваться в первоклассного живописца? Это и по сей день остается загадкой. Как и многое в непростой биографии художника Божьей милостью...

Работу эту можно назвать очень интимной. Чемесов изобразил себя в рабочем халате и как бы невзначай расстегнутой рубахе. Высокий, выпуклый лоб, серьезные внимательные глаза, прекрасно очерченный нос, мягкие черты лица. Именно таким и запомнил его девятнадцатилетний Гаврила Романович Державин, посетивший художника в 1762 году.

Будущий знаменитый поэт был очарован ласковым и человеческим обхождением мастера, который, «как известно всем, был первый того времени славнейший гравирный империи художник».

Позже, в 1777 году, он посвятил ему четверостишие:

*Рачитель Чемесов художеств
свободных,
Художник первый он из россов
благородных.*

*Приятности души и тела он являл:
О добродетели! Он Вас изображал.*

«Автопортрет» был выполнен в 1765 году, то есть в год смерти художника. Как и гравюрный, он свидетельствовал о неизлечимой болезни и об иных превратностях такой непростой судьбы мастера.

Тот год действительно оказался для Евграфа Петровича роковым. Он был омрачен несправедливыми и страшными ударами.

А началась эта «черная полоса» еще в 1763 году, когда царица Екатерина II вдруг уволила Шувалова из академии и выслала безо всяких сроков за границу...

Его место занял некто Бецкий. Он был совершенно равнодушен к искусству и ничего в нем не понимал. Да он, вообще-то говоря, и России не знал, так как почти всю свою сознательную жизнь прожил за границей, служа на дипломатической ниве. Этого царедворца-чиновника в новой его службе занимала только благопристойность и «щепетильная старательность в соблюдении формы».

Бецкий мгновенно насадил в академии самые настоящие бюрократические порядки. И они очень неблагоприятно отразились на работе и творчестве Евграфа Чемесова.

Паутины грязных сплетен, интриг и доносов буквально опутали его жизнь... Тупая зависть и необузданная злость чиновников ко всему талантливому и независимому делали существование художника невыно-

симым. Его очень оскорбительно освободили от должности конференц-секретаря академии, кроме того, лишили звания академика и отобрали гравировальный класс, который, едва попав в руки бездарностей, мгновенно захирел... Рухнуло все его дело, которому он отдал столько сил и энергии.

Его выживали из академии. И он, доведенный издевательствами и глупыми придирами до полного отчаяния и бессилия, подал 7-го января 1765 года прошение об отставке. Этого прошения так «долго ждали»... и, разумеется, приняли, причем с нескрываемыми издевками и злорадством...

Но и на этом не успокоились — продолжали мстить Чемесову и после увольнения...

В июне состоялось торжество «заложения нового для Академии художеств строения», которое проходило с большой помпой. Всем, абсолютно всем — даже лакеям, были розданы приглашения на это торжество... кроме Евграфа Чемесова...

Он не удостоился внимания злопамятных чинуш...

30 августа 1765 года Евграф Петрович Чемесов, сломленный окончательно болезнью и тяжкими обстоятельствами жизни, умер.словно о нем высказался выдающийся архитектор, современник художника и его хороший друг Василий Иванович Баженов: «Сия роза от терний зависти, либо невежества зачахла»...

Вычеркнув Чемесова из списков Академии художеств, лишив всех званий, и упрятав подальше в дальние архивы его гравировальные доски, вельможные ничтожества полагали, что теперь навсегда вымарали и уничтожили имя не по чину гордого упряма из истории русской культуры и памяти народной.

Это им действительно удалось, но только всего на сто лет... А что такое столетие для Вечности?!..

В 1860 году П.Н. Петров в популярном в то время журнале «Библиотека для чтения» опубликовал свою статью «Русский гравёр Евграф Петрович Чемесов». Сразу же, еще в начале статьи, он оговорил, что об этом художнике «немного нам удалось собрать»... Тем не менее, все последующие, правда, совсем немногочисленные публикации основывались на сведениях, найденных все тем же Петровым.

Это он сообщил, что похоронен художник на кладбище Александро-Невского монастыря, но могила его... давно утеряна...

Граверные доски мастера — вопреки всему — сохранились (к сожалению, не все) в музее Академии художеств. После смерти художника их передали в Русский музей, где они остаются и в наше время.

И все же осталось главное — имя Чемесова! Не затерялось оно в исторических вихрях времен и не стерлось в благодарной памяти русского народа! □

Франц Йозеф Гайдн

Он был едва ли не самым знаменитым композитором своего времени. Гениальный Моцарт с трогательной нежностью называл его «папа». Он давал уроки молодому Бетховену. Его произведениями восхищалась добрая половина монархов тогдашней Европы. Сам Наполеон не остался равнодушным к волшебным созвучиям великого австрийца. Что ж, в самом деле, вряд ли можно найти другого композитора, столь естественно сочетавшего живость эмоций с их кристальной ясностью, непритязательность с высочайшей культурой.

Франц Йозеф Гайдн появился на свет 31 марта 1732 года в восточной Австрии в маленьком городке Рорау на берегу реки Лейты в семье каретного мастера. У Маттиаса Гайдна было 12 детей, правда, шестеро из них умерли еще в младенчестве. Глава семейства немного играл на арфе и пел. Его жена Мария тоже любила музыку. Иногда вечерами они музицировали, и тогда маленький Зепперль, как ласково называли Йозефа в семье, «подыгрывал» родителям, держа в одной руке дощечку и водя по ней палочкой, что его ребячье воображение превращало в скрипку. Разумеется, в крошечном Рорау возможностей для обучения одаренного ребенка было немного, а потому родители Йозефа весьма обрадовались, когда кузен Маттиаса, школьный учитель и регент хора из соседнего городка Хайнбурга, предложил взять пятилетнего малыша к себе.

Вскоре Йозеф уже смело распевал с хором некоторые мессы, играл на клавикордах и скрипке, даже научился играть на барабане.

В 1740 году в городок в поисках новых хористов прибыл капельмейстер венского собора св. Стефана Карл Рейтер. Пение маленького Йозефа произвело на Рейтера огромное впечатление, и он согласился, когда ребенку исполнится 8 лет, взять его в свой хор.

Так Гайдн оказался в Вене. Жизнь певчих собора св. Стефана была не из легких. Рейтер оказался весьма

скуповат, и мальчики жили почти впроголодь. Церковные службы отнимали у хористов большую часть времени, поэтому на обучение пению, игре на скрипке и клавире его оставалось совсем мало.

Вскоре у Йозефа появились в хоре серьезные проблемы. С возрастом его голос начал ломаться, а потом погрубел. Когда неудовольствие по этому поводу высказала сама императрица Мария-Терезия, стало ясно, что дни Гайдна в хоре сочтены. Так оно и случилось. Рейтер изгнал его из капеллы, и семнадцатилетний юноша оказался на улице.

Последующие восемь лет были самыми тяжелыми в жизни композитора. Он с трудом зарабатывал себе на жизнь уроками музыки и случайными выступлениями, порой в уличных концертах. Судьба не скупилась на всякого рода невзгоды и испытания, словно проверяя молодого музыканта на прочность.

Однако были и удачи. Через одну из своих учениц Гайдн познакомился со знаменитым учителем вокала и композитором Николо Порпорой. Тем самым Порпорой, которого Жорж Санд позднее сделала одним из героев своего едва ли не лучшего романа «Консуэло». Йозеф многому научился у итальянца, внимательно наблюдая за его методикой преподавания. И пусть эта учеба была не регулярной, не систематической, и большую часть времени он выполнял роль слуги грубоватого и раздражительного маэстро, который

Йозеф Гайдн в юности

не скупился на ругань и даже колотушки, юноша все равно был благодарен старому музыканту за те уроки композиции, которые тот ему преподавал.

Ну а в 1759 году в жизни молодого человека наступил перелом. Полоса скитаний и нужды закончилась. Ему удалось получить постоянную должность капельмейстера у богатейшего венгерского магната князя Эстерхази. Резиденцией князей этого рода был городок Эйзенштадт, в нескольких десятках километров от Вены. Обязанности Гайдна как капельмейстера были чрезвычайно разнообразны. Он являлся не только дирижером, но и компо-

зитором. Ему надлежало сочинять и симфонии для княжеской капеллы, и оперы для театра, разучивать с певцами и певицами их партии. На капельмейстере лежали также обязанности сочинять музыку для церковных обеден, танцев для балов и маскарадов, а в будние дни улаживать членов семьи Эстерхази сольными выступлениями певцов или исполнителей-виртуозов. Зато служба избавляла Йозефа от постоянной тяжелой борьбы за кусок хлеба, и, что самое важное, он мог сочинять любую музыку и слышать ее исполненной.

Композитор работал не покладая рук. Только лишь за три года —

с 1763 по 1766 год — он создал 30 симфоний, 36 струнных квартетов и трио. Тогда же написал и свою первую оперу. Князь относился к Гайдну весьма благожелательно, постоянно повышая ему жалование, музыканты преклонялись перед его талантом. Единственным человеком, отравлявшим ему жизнь, была... его собственная жена.

взаимностью, так как вскоре ушла в монастырь св. Николая в Вене, а Гайдн женился на... ее старшей сестре, Марии Анне. Что заставило его поступить так? Быть может, он настолько привязался к этой семье, что счел своим моральным долгом жениться на другой дочери. Или же на него каким-то образом было оказано давление. Как бы то ни было, он совершил этот шаг. 26 ноя-

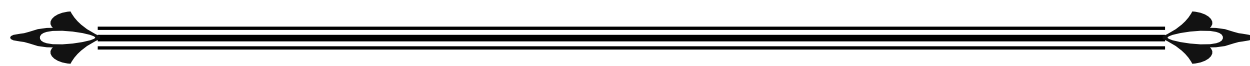
*Йозеф Гайдн.
Жена — Мария Анна*

История женитьбы является самой таинственной страницей в жизни композитора. Известно, что в 1756 году он страстно влюбился в одну из своих учениц, Терезу Келлер, младшую дочь венского парикмахера, с которым его связывали приятельские отношения. Судя по всему, девушка не отвечала ему

брю 1760 года в соборе св. Стефана Мария Анна стала его законной супругой. Прошло совсем немного времени, и Гайдн понял, что совершил в высшей степени опрометчивый поступок. Дело было даже не в том, что Мария Анна была на три года старше, отнюдь не блистала красотой и не могла иметь детей. Фрау Гайдн

отличалась на редкость вздорным и сварливым характером, была транжиркой и, вдобавок, ханжой. Музыкой она не интересовалась вовсе и в грош не ставила композиторский дар мужа, используя рукописи его произведений, как прокладочную бумагу для выпечки пирогов и делая из них папильотки. Наверное, нужно было и в самом деле довести добродушного Гайдна до белого каления, если в одном из писем другу он называет Анну Марию «адской зверюгой».

был намного старше жены и страдал туберкулезом. Гайдн, чей брак трудно было назвать удачным, очень скоро страстно влюбился в неаполитанку. Она отвечала ему взаимностью. Впрочем, ее любовь не была столь же бескорыстной, как чувство Гайдна. Многие ее письма к композитору, особенно в более поздний период их отношений, наряду со страстными излияниями в любви, содержали довольно настойчивые просьбы прислать денег. Гайдн от-

Наконец в жизни Гайдна наступил перелом — полоса скитаний и нужды закончилась. Ему удалось получить постоянную должность капельмейстера у богатейшего венгерского князя Эстерхази. Композитор работал не покладая рук. Именно во время службы у князя он за три года создал 30 симфоний, 36 струнных квартетов и трио

Вообще Гайдн никогда не чурался женского общества и пользовался у представительниц прекрасного пола немалым успехом. С некоторыми из них его связывала платоническая дружба, с другими — более пылкие отношения.

В начале весны 1779 года в капеллу Эстерхаза были приняты на службу девятнадцатилетняя певица меццо-сопрано Луиджия Польцелли, мавританка из Неаполя, и ее муж, скрипач Антонио. Последний

носился к ней с трепетной нежностью. Скорее всего, именно любовь к Луиджии способствовала значительному эмоциональному сдвигу в его творчестве. Созданная им в 1780 году опера «Вознагражденная верность» поражает богатством чувств и образностью музыкального языка.

В апреле 1783 года Луиджия родила сына, названного Алоизиом Антонио Никалаусом. Многие обитатели Эстерхаза были уверены, что отцом его является Гайдн. Сам

Луиджия Польцелли

композитор никогда по этому поводу не высказывался, однако был очень привязан к ребенку. Не меньшую привязанность он испытывал и к старшему сыну Луиджии, Пьетро, который родился за два года до ее приезда в Эстерхаз. Маэстро давал обоим мальчикам уроки музыки и с гордостью следил за развитием их дарования.

К началу восьмидесятых имя Гайдна постепенно сделалось известным за пределами Австрии. Европейские венценосные особы, которым он посылал свои произведения, осыпали его драгоценностями. Прусский монарх Фридрих Вильгельм II в знак признательности подарил ему кольцо с крупным бриллиантом, и Гайдн надевал его вся-

кий раз, принимаясь за сочинение. Мария-Антуанетта, очарованная посвященной ей симфонией, не уступала Фридриху в щедрости.

Музыкальные издатели всех европейских стран просили маэстро присылать им его новые произведения, а некоторые даже сами приезжали в Эстерхаз.

Нужно сказать, что всю композиторскую работу Гайдн проделывал в уме — клавикорды нужны были ему только, чтобы дать толчок фантазии. Он садился за инструмент, фантазировал, искал, приводил в порядок мысли, а потом переходил за рабочий стол. Рукописи Гайдна поражают отсутствием исправлений и помарок. Он сразу писал начисто и, как глубоко верующий человек, каждую свою партитуру начинал словами «Во имя Господа», а заканчивал словами «Хвала Господу» или «Все для вящей славы Господней».

Ведущие композиторы Европы окончательно признали гений Йозефа Гайдна, но, безусловно, больше всего Гайдн ценил свои отношения с несравненным Моцартом. Они познакомились в Вене в 1781 году, и почти сразу же между ними возникла очень близкая дружба, без тени зависти или намека на соперничество. К моменту их встречи Гайдну было уже сорок девять, Моцарту — всего двадцать пять. Они очень отличались по темпераменту и складу характера. Моцарт не умел вести свои денежные дела и с легкомыслием относился ко всему, кроме му-

Йозеф Гайдн и Амадей Моцарт

зыка. Гайдн же, напротив, был более практичен в повседневных делах и в своих отношениях с издателями. Оба с огромным уважением относились к работам друг друга. Моцарт показывал старшему товарищу свои новые произведения и безоговорочно принимал любую критику. Он называл Гайдна «папой» и пользовался каждым случаем, чтобы выразить свое глубокое восхищение им. Както в разговоре с чешским композитором Леопольдом Коцелухом он сказал: *«Даже справив нас с Вами в одно, нельзя было создать такого композитора, как Гайдн».*

Со своей стороны, Гайдн с почти детским восторгом относился к гению Моцарта, считая его величайшим из композиторов современности.

Было предпринято немало попыток поссорить «папу» с его несравненным «сыном», но эти попытки не увенчались успехом. Ранняя смерть Моцарта так потрясла Гайдна, что и спустя годы у него в глазах появлялись слезы при одном только упоминании имени друга.

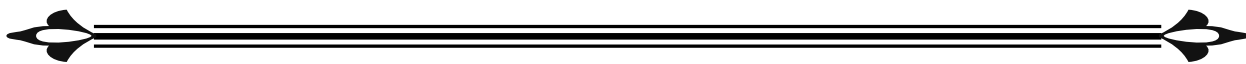
Почти тридцать лет пробыл Гайдн на службе у князей Эстерхази. За это время во главе семьи последовательно сменилось четыре представителя этого рода. В сентябре 1790 года унаследовавший титул князь Антон распустил оркестр и капеллу. Гайдну была назначена солидная пенсия, за что он и впредь должен был именовать себя капельмейстером князей Эстерхази (это звание он сохранял до самой

своей смерти). Однако в имени его больше ничто не удерживало — наконец-то он стал свободным человеком.

Той же осенью Гайдн получил приглашение известного музыканта и антрепренера А. Саломона посетить с гастролями Англию. Согласно договору, он должен был пробыть в Лондоне полтора года, дирижировать за это время рядом концертов и написать одну оперу и шесть новых симфоний.

му Шекспиру, он может повелевать страстями».

Пробыв в Англии восемнадцать месяцев, Гайдн вернулся домой. Однако через какое-то время снова отправился в так полюбившийся ему Лондон. На этот раз гастроли его носили столь же триумфальный характер. Король Георг III предлагал ему остаться в Англии навсегда, но композитор вежливо отклонил это лестное предложение, объяснив, что не мыслит жизни вне ро-

Последние годы великого маэстро прошли под знаком всеобщего внимания и мировой славы. В 1797 году он написал одну из своих самых знаменитых мелодий — «Императорский гимн», который более ста лет был гимном Австрийской империи, а сейчас является гимном Германии (слова, естественно, были изменены). А заключительным шедевром уже смертельно больного композитора стали две оратории — «Сотворение мира» и «Времена года»

В столице туманного Альбиона композитор имел грандиозный успех. Ему рукоплескали самые взыскательные меломаны, он был желанным гостем в салонах высшей знати, его с почетом принимали король, королева и принц Уэльский. Одна из ведущих лондонских газет писала: «Гайдн — объект почитания и даже кумир, ибо, подобно наше-

дины. Кроме того, в Австрии ведь его ждала жена. Король предложил немедленно доставить ее в Лондон. У Гайдна, должно быть, тревожно екнуло сердце, но, призвав на помощь всю свою изворотливость, он воскликнул: «Что Вы, Ваше Величество, у моей жены не хватает духу даже через Дунай переправиться, что уж говорить о море!»

Летом 1795 года Гайдн вернулся в Вену. За три года, которые он в общей сложности провел в Лондоне, композитор создал около двухсот восьмидесяти произведений — симфонии, квартеты, оперу, сонаты, марши.

В период между двумя поездками в Англию судьбе было угодно свести Гайдна с человеком, имя которого позднее стало известно всему миру.

миссы или как-то обуздать свой сумасбродный нрав, и не питал особого пиетета по отношению к Гайдну. Он хотел, чтобы маэстро обучал его так называемому строгому контрапункту. Гайдну же подобные отвлеченные упражнения были неинтересны. Недовольный Бетховен тайно начал брать уроки у другого педагога. Гайдн позднее узнал об этом, но продолжал относиться

В конце осени 1792 года в Вену приехал молодой музыкант Людвиг ван Бетховен, чтобы учиться у Гайдна композиции. Увы, близкой дружбы между ними не возникло. Дело было даже не в разнице возраста, которая составляла тридцать восемь лет. Бетховен был бунтарем по натуре, не желающим идти на компро-

к молодому человеку с прежним участием. Поскольку у Бетховена денег было мало, он брал с него всего по шиллингу за урок. Более того, написал курфюрсту Бонна письмо с просьбой увеличить финансовое содержание Бетховену, но получил отказ. В этом же письме Гайдн пророчески заявил: «*В конце концов,*

Бетховен станет одним из величайших композиторов Европы, и я смогу с гордостью сказать, что был его учителем».

В январе 1797 года Гайдн создал одну из своих самых знаменитых мелодий — «Императорский гимн», который более ста лет был гимном Австрийской империи, а сейчас является гимном ФРГ (слова его, естественно, были изменены).

Последние годы великого маэстро прошли под знаком всеобщего внимания и мировой славы. Осенью 1800 года в Эйзенштадте его навестили адмирал Нельсон и леди Гамильтон. Леди Эмма исполнила кантату «Ариадна» под аккомпанемент автора. Была исполнена и месса «Нельсон». После этого адмирал попросил у композитора на память его перо, а сам подарил ему свои золотые часы.

Заключительным шедевром мастера стали две его оратории — «Сотворение мира» и «Времена года». В общей же сложности он создал 118 симфоний, 83 струнных концерта, 50 сонат и массу более мелких произведений.

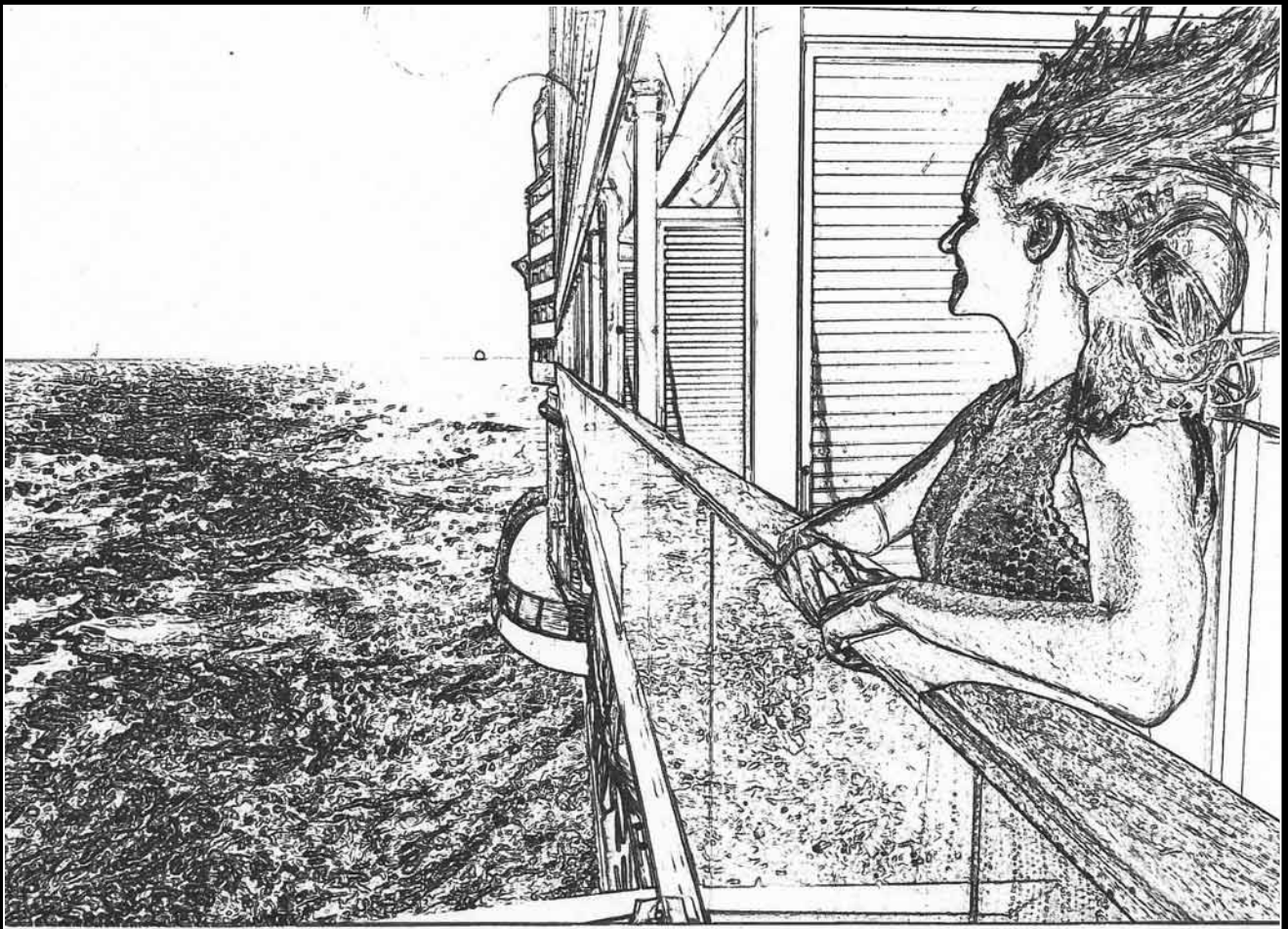
Йозеф Гайдн скончался в Вене 31 мая 1809 года. За несколько недель до этого войска Наполеона взяли столицу Австрии. Император лично распорядился выставить караул у дома Гайдна, чтобы никто не потревожил смертельно больного композитора. Похороны Гайдна в городе, захваченном неприятелем, проходили без всякой помпы. Зато на заупокойной мессе, состоявшейся две недели спустя, присут-

ствовали почти все французские генералы. Ожидали Наполеона, но он не смог приехать.

Сначала Гайдна похоронили в Вене, но в 1820 году его останки перевезли в Эйзенштадт. Когда вскрыли могилу, обнаружилось, что череп композитора отсутствует. Как выяснилось, два друга Гайдна подкупили могильщика на похоронах, чтобы взять голову маэстро и сберечь ее от разрушения. С 1895 по 1954 год череп находился в музее Общества любителей музыки в Вене. В середине пятидесятых он, наконец, был воссоединен с останками Гайдна в городской церкви Эйзенштадта. И ныне тело великого музыканта почит в мире. □

Саркофаг Гайдна

Андрей Быстров

ЗЕРКАЛЬНАЯ

УГРОЗА

АБОЗН

ЗЕРКАЛЬНАЯ

Когда я иду сквозь одинокую ночь,
И дорога моя темна,
Порой пробирает странная дрожь.
Мне кажется — НЕЧТО прячется там,
Мне кажется — рядом со мной.
О, эта фобия, страх перед тьмой!
Там что-то есть, наблюдает за мной!
Я думал, что слышу шаги позади.
Обернулся — нет никого...
Но шаг ускоряю,
Не в силах снова взглянуть назад,
Потому что уверен:
ТАМ — пляшущая тень,
ТАМ ЧТО-ТО ЕСТЬ!
О, эти ужасы темноты...

Стив Харрис

Пролог

НИКТО

Компакт-диск радужно засиял в его руках. Он подошел к стереосистеме, нажал кнопку. Отсек для дисков с легким жужжанием открылся. Он вставил диск, закрыл отсек и включил музыку. Звуки фортепианного концерта Моцарта наполнили комнату, и это было ХОРОШО. Нет, хорош для него был не сам концерт и не великолепное исполнение. Он слабо разобрался в музыке (кроме разве что нескольких любимых русских романсов),

Журнальный вариант.

и что Моцарт, что Брамс — для него было все едино. И не изумительное звучание высококлассной стереосистемы доставляло ему почти осязаемое наслаждение.

Он ЧУВСТВОВАЛ музыку. Чувствовал ее в том же буквальном смысле, как можно ощутить прикосновение к пальцам холодной утренней росы, едва уловимый трепет крыльев ночной бабочки, капельки плотного тумана на лице. Музыка — нет, пульсация электромагнитных полей, исходящая из контуров и проводов аппаратуры, наполняющая комнату призрачной дрожью, — входила в его мозг напрямую, минуя органы слуха, и это было ПОТРЯСАЮЩЕЕ ощущение. Да, он чувствовал... Теперь он мог.

Но с музыкой приходила и боль. Уже не та гнетущая, граничащая с безумием, какая преследовала его на протяжении последних месяцев. С той покончено. ЭТА боль была скорее приятна, как зуд в успокаивающемся нерве больного зуба после применения сильнодействующих лекарств. Он научился ладить с болью... Научился?

Он усмехнулся. Черта с два. Его заслуги тут не было никакой. Это ТЕ гудящие машины научили его. Те, которые он увидел впервые, когда еще не был...

СУМАСШЕДШИМ?

Он не был уверен. Если он действительно не в своем уме, как тогда может четко и ясно воспринимать окружающее, видеть связи причин и следствий, совершать осмысленные поступки? А если нормален, откуда берется та, другая сторона сознания — та, где ничего нет? Раздвоение личности? Он не знал, не мог анализировать, ибо не был психиатром. Строго говоря, он был никем. Безработный, неудачник, мыкавшийся без надежд и, наконец, оказавшийся здесь, где обрел столь странное подобие работы и дома.

Он ни в чем не испытывал недостатка. Комфортная стильная мебель. Роскошные аудио- и видеоаппаратура. Сотни дисков, любые деликатесы на выбор (исключая спиртное). Раза два или три ему даже приводили каких-то женщин. Ему казалось, что стоит только пожелать, и это повторится в любой момент. Но у него не было потребности проверять свою догадку.

У него было все, кроме связи с внешним миром. Телевизор работает только на видеоканал. Телефона, не говоря уж об Интернете, нет. Радио нет. Газет нет. Вообще, чтение под запретом. Фильмы — пожалуйста, сколько угодно и какие угодно. Но ни книг, ни журналов, даже старых. И, разумеется, никаких посещений. Но кто и зачем стал бы его навещать, будь это даже разрешено?

Сквозь большие окна из небьющегося стекла он мог любоваться красивым парком, но прогулки строго регламентировались и проходили под

надзором молчаливых мускулистых личностей. Сколько здесь еще таких, как он? Трудно представить, что все это ради него одного и вертится только вокруг него. Однако он никогда не встречал ДРУГИХ. И о них никогда при нем не говорили.

Те, в стерильных комнатах, мало обращались непосредственно к нему, а из их ведущихся тихими уверенными голосами бесед он ничего не понимал. Только застредали в памяти бессмысленные для него обрывки фраз:

«Коль скоро мы гистохимически устанавливаем повышение активности ферментов нейроглии и кислой фосфатазы, я бы счел необходимым, дорогой коллега...»

«Однако мы не можем игнорировать разрушение ацетилхолина как основного медиатора синаптической передачи... Таким образом, количество холимэстеразы...»

Эти фрагменты включались в мозгу неожиданно и так же внезапно пропадали. Он не старался разгадать их значение. Что из того, что эти двое в белых халатах, в окружении диковинных приборов, говорили по-русски? С тем же успехом они могли бы изъясняться на суахили.

И все-таки здесь было не так уж плохо. Он мог бы простить своим загадочным хозяевам и боль, и подозрительные манипуляции их страшноватых на вид машин, если бы здесь не обитало чудовище. О нет, оно появлялось не часто, но каждый раз он заранее ощущал его приближение, и это было хуже всего. Он впадал в тоскливое беспокойство, он метался, не находил себе места, пытался глушить надвигающийся ужас яркими образами и сверхмощным стереозвуком красочных фильмов, но знал, что встреча неизбежна, и ни отсрочить, ни миновать ее нельзя.

У чудовища было имя — ТЕМНОТА.

В детстве он не боялся темноты, как боялись другие дети — его сверстники. Легко засыпал один в темной комнате, мог спокойно пройти по ночному двору, где иной мальчишка с более развитым воображением усмотрел бы в кустах прячущихся персонажей жутких сказок. Конечно, не боялся он темноты и потом, во взрослой нелегкой жизни, где пугало многое — но не это.

Пока не попал сюда.

Они что-то сделали с ним, и темнота стала его проклятьем, его персональным монстром. Он мог спать, лишь включив настольную лампу, но приходил день, и молчаливые здоровяки провожали его в стерильные комнаты, равнодушно игнорируя его протесты — в такие моменты он терял себя и не контролировал эмоций. Его пристегивали к высокому металлическому креслу, а он умолял, уже едва слышно, почти без сил: сделайте что угодно, располосуйте мою голову ножами, выньте мозг и вставьте

на его место транзистор, что хотите, что хотите, только НЕ ГАСИТЕ СВЕТ!!!

Они гасили свет, и начинался кошмар.

Самым страшным было то, что потом он не помнил ничего из происшедшего с ним. Оставалось только впечатление ужаса и одно смутное, болезненное зрительное воспоминание: два огромных, круглых зеркальных глаза, а вместо зрачков — медленно вращающиеся зеленые трехлучевые звезды. Они надвигались на него, готовые поглотить его целиком, и...

Потом он приходил в сознание в постели — и была эта, ДРУГАЯ СТОРОНА, темный призрак безумия.

...Он схватил пульт стереосистемы и выключил Моцарта. Он не хотел вспоминать о чудовище. Как знать, если прогнать его из памяти, может статься, оно больше не вернется никогда...

Отворилась дверь без ручки и замочной скважины, и вошел старший из тех двоих — высокого роста, с опрятной бородкой, в солидных роговых очках.

— Собирайтесь, Илья Иванович, — сказал он. — Мы едем.

— Куда?!

Но дверь уже закрывалась.

Часть первая

ТРАНЗИТ

1

В кабинет Виктора Александровича Шелера вошел Борис Павлов, консультант в его хабаровской организации. В особых случаях он имел право входить без доклада. Очевидно, был как раз особый случай, потому что Павлов без всяких предисловий сразу произнес:

— Виктор Александрович, вас желает видеть доктор Барковский.

— Тот самый доктор Барковский? — удивленно поднял брови Шелер.

Кроме них двоих в кабинете никого не было, но Павлов ответил так тихо, будто опасался, что кто-то может подслушать. Шелер, однако, прекрасно расслышал его слова.

— Любопытно, — пробормотал он, — весьма любопытно... Что ж, побеседуем с уважаемым доктором. Давайте его сюда.

— Без сопровождения?

— Какое сопровождение? Вы еще в наручниках его приведите. Не убивать же меня он прибыл...

Павлов кивнул и вышел. Через несколько минут в кабинете появился мужчина немного моложе Шелера, в безукоризненно сшитом костюме. Серые глаза его смотрели спокойно и внимательно сквозь стекла очков. Он заговорил мягким приятным баритоном:

— Позвольте представиться, Виктор Александрович. Меня зовут Владимир Сергеевич Барковский.

Шелер немного рассеянно взглянул в окно.

— Дальневосточные закаты бывают изумительно красивыми, — заметил он. — Вы впервые в Хабаровске, Владимир Сергеевич?

— Это не столь существенно, Виктор Александрович...

— Да? Ну что же, тогда садитесь и переходите к существенному.

— Ключевой фигурой в моем рассказе, — начал Барковский, — будет Антон Ферязин...

— Ферязин? Это какой Ферязин?

— Виктор Александрович, если вам угодно вести беседу в таком тоне...

— Хорошо, хорошо. Я вас слушаю.

— Наверное, вы назвали бы меня правой рукой Антона Ферязина, а между тем это не совсем так. В практических делах я принимал мало участия. Скорее, я был его другом, можно даже сказать — близким другом. И то, что произошло...

— А что произошло?

— Будет вам, Виктор Александрович. Крах, разоблачения. Самоубийство Антона, все эти аресты, суды, преследования, смерти...

— А вам, выходит, повезло.

— Как сказать. Повезло в том, что на меня не вышли, что я не арестован и не убит. И все же я почел за лучшее временно исчезнуть за границей. После этого кошмарного провала мне удалось сравнительно благополучно покинуть Россию и прибыть в Лондон... Но я не радовался и не ликовал по этому поводу. Главное — дело моей жизни шло ко дну, то дело, которому я отдавал всего себя, которое сулило фантастическое будущее...

— О!..

— Подождите язвить, хотя бы пока я не закончу... Да. Ибо для продолжения исследований требовались деньги, очень много денег.

— Каких исследований?

— Дойдем и до этого. Общая сумма моих вкладов в западных банках составляла около трехсот тысяч долларов. Достаточно, чтобы безбедно дожить до старости, и ничто — для продолжения научных изысканий.

Но у меня имелся еще и другой капитал, в потенциале гораздо более ценный — информация Антона. Ведь я был в курсе происходящего до последней секунды, много знал и собирался воспользоваться этим знанием. Убедившись, что в России мне пока ничто не угрожает, я перевел вклады в российские банки и вернулся в Москву. Там я восстановил кое-какие из прежних контактов Антона, пытаюсь подобрать людей для задуманного предприятия. Но мне не везло. Никто и близко не годился по масштабу, по уровню мышления. Если бы любой из этих персонажей урвал миллион долларов, то взлетел бы на седьмое небо от счастья, а за два миллиона — зарезал бы родного отца. Мне такой расклад не подходил.

— И тогда вы подумали обо мне.

— Именно. Еще давно я много слышал о вас как от ваших друзей, так и от ваших врагов. Отзывы первых, а в особенности вторых позволили мне создать о вас весьма лестное предварительное мнение. Я стал собирать о вас подробные сведения. И чем больше узнавал, тем больше убеждался: вы — тот, кто мне нужен.

— Спасибо, — иронично поклонился Шелер. — Предисловие было интересным. Теперь, может быть, о сути дела?

— Я не буду ходить вокруг да около.

Барковский достал из кармана небольшую записную книжку в черном переплете и стал рисовать схемы, упрощая там, где могло быть непонятно далекому от науки человеку. А основной упор сделал на близость работ к завершению и будущие перспективы.

— Прочтите это, Виктор Александрович, — протянул он книжку Шелеру. — Здесь немного, десять страничек.

Тот пролистал книжку, бегло прочел начальные страницы, но с каждой новой страницей читал все более заинтересованно. Закончив чтение, с минуту сидел неподвижно. Содержание записной книжки Барковского ошеломило его. Он не знал, что и думать: либо перед ним самый ловкий из встреченных за всю жизнь шарлатанов, либо... Либо это ключ к таким возможностям, о каких Шелер, да и никто другой не смеют и мечтать.

— Доктор, — наконец произнес он. — Все это весьма любопытно... Но где доказательства?

— Доказательства?! — вспыхнул Барковский. — А если бы к вам лет, сколько там, назад пришел Эйнштейн со своими расчетами, вы и у него потребовали бы элементарные, ясные, как дважды два, доказательства? Наука — это не игра в сыщиков, Виктор Александрович. Я близок к успеху. Вы — игрок, поставьте на меня. Если я проиграю, вы не слишком много теряете. Если же выиграю, — а я убежден в победе, — то какие открываются горизонты! Подумайте об этом.

Барковский вырвал из книжки исписанные листы, поджег зажигалкой и принялся переворачивать в пепельнице, добиваясь полного сгорания.

— Ценю вашу откровенность, Владимир Сергеевич, — покачал головой Шелер. — Позвольте мне сделать ответный жест. Видимо, вы можете верить большинству из того, что слышали обо мне. Да, я был могущественным, я был богатым. Был! Все в прошлом, доктор. Моя организация переживает не лучшие времена.

— Это мне известно. Я и не рассчитывал на то, что вы дадите мне деньги. Я имел в виду — поможете достать. К обоюдной выгоде.

— Вот как? А конкретно?

— Один из проектов, так и не осуществленных Антоном Ферязиным. Все нити в моих руках. С моей информацией и вашими возможностями мы это сделаем.

— Поясните.

Барковский заговорил, ограничиваясь лишь самыми общими чертами проекта. Выслушав его, Шелер с задумчивым видом произнес:

— Хорошо, пусть так. Но раз наша игра идет в открытую, давайте уж раскроем карты до конца. Допустим, вы передадите мне информацию, и я возьмусь за это дело. Но какие у вас основания мне доверять? Почему вы убеждены, что получите от меня деньги, а не пулю в затылок после всего? Простите, если я затронул ваше чувство чести, доктор, но пока мы не выясним этот главный вопрос, дальше не продвинемся.

— Я не ошибся в вас, — с восхищением констатировал Барковский. — Вы именно таковы, как я себе представлял... И мой ответ вы уже прочли — там, в записной книжке. Вам нет никакого смысла довольствоваться малым, уничтожив меня. Ведь финансируя мои исследования, вы можете получить все...

— Или ничего.

— Ну, примерно половина у вас все равно останется...

— Так... А первичное финансирование проекта?

— Я говорил вам, что у меня не густо. — развел руками Барковский.

— Вы говорили о трехстах тысячах...

— Из которых осталось не более пятидесяти.

— Гм... Куда же вы дели столько денег?

— Но эксперименты не были остановлены, Виктор Александрович. Их нельзя было остановить без потери всех достижений... Пока меня не было, их продолжал мой ассистент. А потом я заказал новую, совершенно необходимую аппаратуру, выплатил авансы... Содержание клиники тоже стоит денег... И долги за все это также пришлось выплачивать срочно...

— Что ж... Это говорит в вашу пользу... вернее, в пользу вашей убежденности. Возможно, я наскребу кое-что...

— Это означает согласие?

— Дело очень сложное, — уклончиво ответил Шелер. — Но кое-какие шаги, думаю, предпринять можно. Я свяжусь с друзьями. Есть люди, весьма мне обязанные... После бесед с ними я дам окончательный ответ.

2

Один в поле не воин.

Снова и снова прокручивалась эта фраза в усталой памяти полковника ФСБ Владислава Михайловича Свиридова.

— Не воин, не воин, — угрюмо бормотал он себе под нос, прихлебывая в пять часов утра на кухне остывший чай.

Один! Парадоксальная, нелепая ситуация... Сотрудник могущественного ведомства, обладающий немалыми служебными возможностями, обширными связями... Один. Есть, конечно, Андрей Благин, однако...

В создавшемся положении Владислав Михайлович отчаянно нуждался в поддержке. Ему необходим был тот, кому он мог бы доверять безоговорочно, кто способен действовать независимо, кто слабо или совсем не «засвечен» в соответствующих кругах... Такого человека не было рядом.

Полковник раздраженно загасил сигарету в переполненной пепельнице, зажег новую, с отвращением выплеснул чай в раковину и принялся готовить свежую заварку. Он думал о Сергее Кедрине — вот кого ему по настоящему не хватало.

Когда-то, много лет назад, они были сослуживцами, работали еще в КГБ СССР. И не в кабинетах отсиживались! Потом Кедрин был уволен. Нет, он ни в чем не провинился. Сергей Кедрин стал жертвой циничных аппаратных интриг, кое-кто опасался его быстрого взлета... Так или иначе, его уволили, а потом в стране произошли большие перемены. Ушли одни люди, пришли другие, и никого в обновленных структурах Госбезопасности не интересовала судьба какого-то Кедрина. Его путь решительно разошелся с путями этих структур. Теперь он занимался каким-то скромным бизнесом, что ли... Но ведь каким он был прежде! Мог ли измениться такой человек? Нет, не мог.

Вот о нем и размышлял полковник, стараясь найти выход из тупика. Они ведь были друзьями... И Свиридов все отчетливее понимал, что выход только один — позвонить Кедрину. Приедет ли он, когда услышит, зачем звонит бывший сослуживец? Да, потому что знает: только экс-

тремальные, чрезвычайные обстоятельства могут подвигнуть Свиридова к подобному шагу.

А сейчас, черт возьми, наступил именно такой момент, когда Сергей Кедрин стал очень нужен. Очень...

3

Это был странный телефонный звонок, и Кедрину он не понравился. Прежде всего, странным казался сам факт звонка полковника Владислава Свиридова. В кои-то веки? А содержание их краткого разговора тем паче повергло Сергея в изумление. Но именно вследствие этой недолгой беседы Сергей Николаевич Кедрин согласился на встречу.

Московская погода испортилась в последних числах мая, а к ночи пошел мелкий холодный дождь. К счастью, Кедрину было не так холодно в элегантном светлом плаще. Он поймал довольно потрепанное такси с хмурым, неприветливым водителем и, усаживаясь на заднем сиденье, коротко бросил:

— В Кунцево.

— В Кунцево, а там куда? — не поворачивая головы, осведомился водитель.

— Пивной ресторан «Веселый Роджер» знаете? Он недавно открылся.

— Откуда мне знать все московские забегаловки, да еще новые, — про бурчал таксист. — Подскажите ориентир какой-нибудь...

— Станция метро «Фили». Какая там улица?

— Там много улиц... Это, кажется, не в Кунцево, а в Киевском... Улица Двенадцатого года, проезд Багратиона, Сеславинская...

— Вот-вот, где-то там. Плюс двадцать долларов, если найдете к двум часам ночи.

Водитель молча кивнул и дал газ. Скрипучая машина крутилась в окрестностях станции метро «Фили» добрых минут сорок. «Веселый Роджер» был обнаружен много дальше, близ станции «Филевский парк». Сергей расплатился и вышел под текущий дождь.

Он не сразу направился к входу в ресторан под неоновой вывеской с изображением пиратского флага. Минут пять осматривался, стоя в тени деревьев на противоположной стороне улицы, но ничего подозрительного не заметил. Из недр пиратского заведения доносилась громкая музыка, что-то в стиле пресловутых вишен в саду у дяди Вани. Кедрин перебрался через улицу, толкнул дверь и вошел.

Посетителей было немного, кое-кто даже прилично одет. Заняв свободный столик, он попросил принести пива и принялся разглядывать зал.

То, что Свиридова нет в ресторане, Сергей увидел еще с порога. Трудно было предположить, что полковник пришлет вместо себя кого-то другого, в телефонном разговоре речь шла именно о личной встрече. Он взглянул на часы. Без десяти два.

Ровно в два — в условленное время — Свиридов не явился. А ведь он всегда отличался завидной пунктуальностью... Что-то здесь было не так.

В десять минут третьего Кедрин расплатился за нетронутое пиво и покинул ресторан. Неподалеку, на тротуаре под блеклым фонарем, компания упакованных в кожу юнцов возилась с «Харлей-Дэвидсоном» дедовского образца. Парни не обращали внимания на дождь, уже изрядно выдохшийся. Кедрин пристально посмотрел в их сторону, но никаких гипотез выстраивать не стал. Он не любил безосновательных предположений.

Шум двигателя легковой автомашины послышался в двенадцать минут третьего. Мощные фары на мгновение ослепили Кедрина, и он не сразу разглядел несущийся на высокой скорости «форд-сьерру». Поравнявшись с Кедриним, «форд» притормозил, тусклый свет фонаря упал на лицо водителя — за рулем сидел мужчина средних лет с аккуратными усиками, в коричневой кепке с козырьком и в очках. Когда дверца начала распахиваться, Кедрин инстинктивно отклонился от вероятной траектории выстрела. Не то чтобы он опасался покушения, но наработанные рефлексы не раз спасали его в трудные минуты.

— Сергей! Садись! — крикнул водитель «форда».

С изумлением узнав голос Свиридова, Кедрин без долгих раздумий прыгнул в машину. «Форд» рванулся вперед. Свернув за угол, полковник обогнул квартал, снова проехал мимо «Веселого Роджера» и только теперь развернулся в противоположном направлении. Все это время Сергей молчал. И лишь когда Свиридов сбавил скорость, иронично произнес:

— Усы, очки, кепка... Штирлиц едет на встречу с Борманом?

— Мне бы твое чувство юмора, Сергей... — тяжело вздохнул полковник. — Ты уверен, что за тобой не подвесили «хвост»?

— А что, должны были?

— Да пес их знает...

— Кого «их»?

— Вот об этом, Сергей, мы и поговорим с тобой и еще с одним человеком... Как только прибудем на место.

— А куда мы едем?

— В Голицыно.

— Почему туда?

— Мне удалось снять там частный дом через подставное лицо... Искренне надеюсь, что они еще не пронюхали, иначе нам придется худо, и майору Благину тоже.

Снова «они», а теперь еще какой-то майор Благин... Вместо того чтобы попусту ломать голову, Кедрин задал простой вопрос.

— Откуда у тебя эта колымага? Ты вроде ездил на «шестерке»? Разбогател?

— «Форд»? — рассеянно отозвался Свиридов. — Я угнал его.

— Что?! — искренне удивился Сергей. — Полковник ФСБ, верный страж закона, крадет машины?! Бог мой, Влад, неужели все обстоит так серьезно?

— Более чем серьезно, — сухо проговорил Свиридов.

За кольцевой дорогой полковник разогнал «сьерру» едва ли не до предельной скорости. Насколько мог судить Кедрин, их никто не преследовал, но разве примитивные погони по ночным шоссе не канули в прошлое навсегда? Современные, в том числе электронные, методы слежки не в пример эффективнее.

— Хотя бы тезисно обрисуй ситуацию, — попросил он, распечатывая пачку «Житана».

— Тебе лучше выслушать майора Благина... А вот о нем я расскажу, это важно. — Свиридов вытянул сигарету из пачки Кедрина, тот поднес полковнику зажигалку. — Благин служил под моим началом в течение трех лет. Отличный парень — честный, умный, инициативный. Пожалуй, чересчур инициативный — это его и подвело, крепко подвело. В ходе одной операции — неважно какой — он принял самостоятельное решение, вопреки приказам всяких там генералов. И просчитался. Погибли люди. Благину грозил трибунал, тюрьма... Меня тогда не было в Москве, но когда я вернулся и начал вникать в дело, то все понял. Ошибка Благина вовсе не означала его вину. В создавшихся обстоятельствах я и сам действовал бы так же. Может быть, более профессионально, вот и все. А слепое выполнение приказов погубило бы операцию на корню, и жертв было бы куда больше. Но ты ведь знаешь, как у нас любят искать крайнего. Или подзабыл? В общем, мне стоило огромных усилий вывести Благина из-под удара, но из ФСБ, конечно, ему пришлось уйти. Парень оказался в сложном положении — без денег, без работы... Однако эту проблему удалось решить — может быть, не совсем так, как ему хотелось, но при его небогатом выборе... Он устроился водителем к одному видному бизнесмену. И надо же, Сергей, какое совпадение — выяснилось, что этот бизнесмен как раз интересуется меня в некоторых аспектах.

— Фантастика! — не удержался Кедрин. — Бывают же столь счастливые случайности!

Свиридов загадочно улыбнулся в полумраке салона и, объехав выемку на асфальте, продолжил:

— Благин начал поставлять мне информацию о Егорове... Том бизнесмене. А совсем недавно подслушал один разговор — тут уж действительно случайно...

Полковник умолк, сделал последнюю затяжку.

— И?.. — подтолкнул его Кедрин.

— Остальное узнаешь от него. Потерпи, осталось немного.

Дальше ехали молча. Свиридов остановил машину в крошечном мраке.

— «Форд» бросим здесь, — сказал он. — До дома недалеко, дойдем...

— Если недалеко, не опасно ли оставлять тут угнанную машину? — усомнился Сергей. — Да и отпечатки...

В свете вспыхнувшей при открытой дверце потолочной лампочки Свиридов вытянул руку ладонью вверх. Подушечки его пальцев поблескивали, точно были вымазаны высохшим клеем.

— Специальный состав, новинка. Отпечатков не остается. А что до твоих, я давным-давно заменил их в наших архивах на другие, просто на всякий случай...

— Черт, как у тебя все предусмотрено, — пробормотал Кедрин, выбираясь из машины.

Они шли минут десять. Свиридов ориентировался во тьме по каким-то известным ему признакам. Поднявшись на крыльцо типичного деревенского домика с верандой, он достал ключ и отпер дверь. Когда зажег свет в комнате, Кедрин увидел скудную обстановку — стол, четыре стула, кровать — и вторую дверь, плотно закрытую.

— Я рассказал тебе историю Благина, — произнес Свиридов с расстановкой, — чтобы ты понял: у меня есть резоны ему доверять... Ты услышишь довольно необычные вещи, Сергей, но не спеши с выводами...

Полковник исчез за внутренней дверью и вскоре появился в сопровождении высокого темноволосого парня.

— Андрей Благин, — представил он своего спутника. — Андрей, перед тобой мой друг, которого я ждал...

Благин вежливо кивнул, но его глаза, пристально изучавшие Кедрину, смотрели настороженно.

— Мой друг должен знать то же, что и я, — прервал Свиридов затянувшуюся паузу.

— Да, да... — Благин сел к столу, закурил. — Произошло вот что...

Он начал рассказывать, а когда закончил, Кедрин и Свиридов обменялись многозначительными взглядами.

— Могу я задавать вопросы? — спросил Сергей.

— Конечно, — кивнул полковник.

— Андрей, насколько я понял, вы толком не разобрались, о чем беседовали эти двое — Егоров и тот, второй человек?

— Нет, — отрицательно покачал головой Благин. — Говорю же, второго я даже не видел, да и слышал плохо — далеко было, а из-за охраны я не мог подобраться ближе. Но они явно имели в виду перевозку какой-то атомной штуковины.

— Какой же?

Андрей развел руками, а Кедрин задумчиво постучал по столу сигаретной пачкой.

— Так, ясно... Андрей, я прошу вас вспомнить все, что могло бы помочь установлению личности второго. Любую мелочь, какую-нибудь его обмолвку, намек, особенность речи...

— Да мы десятки раз обсуждали это с Владиславом Михайловичем, — с досадой вымолвил тот. — Ничего...

— И все же попытайтесь снова.

Благин закрыл глаза. Было видно, что он старается изо всех сил.

— Нет. Ничего. Впрочем... Возможно, к этой истории имеет отношение женщина по имени Барбара.

— Ты не говорил мне об этом! — напустился на него Свиридов.

— Да я только сейчас вспомнил, — принялся оправдываться Андрей. — К тому же тогда я значения не придавал... Это было уже после их обсуждений. Расслабились, очевидно, выпили немного, включили радио... Или проигрыватель, не знаю. Звучала классическая музыка — сначала очень громко, потом тише. Егоров что-то сказал, я не расслышал, а второй ответил эдакой странной фразой... Нечто вроде «Я люблю рыжую Барбару».

— Я люблю рыжую Барбару? — переспросил Кедрин.

Андрей наморщил лоб.

— Нет. Не так. Он произнес не слово «люблю», а какое-то другое, необычное по отношению к женщине, потому оно меня и удивило... Подождите... А, вот — предпочитаю! Точно, так он и сказал: «Я предпочитаю рыжую Барбару».

— Рыжую Барбару? Именно рыжую?

— Вот про Барбару я плохо разобрал. — беспомощно пожал плечами Благин. — Может быть, рыжую, а может, бесстыжую. Или «кража у Барбары», хотя тут совсем уж нет смысла... Как-то так, а точнее... — Он махнул рукой.

— Но имя вы запомнили точно? — настаивал Кедрин. — Барбара?

— Да, да, абсолютно точно.

— Ну, хорошо, а еще что-нибудь?

— Это все. Они засобирались на выход, впереди шел охранник, и мне пришлось спешно ретироваться.

— Спасибо, — мрачно поблагодарил Кедрин.

— Иди, досыпай, Андрей, — милостиво разрешил Свиридов. — Но если что-то вспомнишь...

— Сразу сюда, — кивнул Благин, встал и скрылся за дверью.

— Ну? — одновременно сказали Кедрин и Свиридов и едва не рассмеялись, хотя сообщение Благина к веселью не располагало.

— Чертовщина, — пробурчал Сергей. — В конце концов, он мог и ошибиться... Слушай, а чего проще — похитить этого Егорова и выбить из него...

— Егорова можно похитить только с кладбища, — перебил полковник. — Его застрелили в тот же день через два часа после встречи.

— Вот это мило! — присвистнул Кедрин. — А что думает по этому поводу твое начальство?

— Об убийстве Егорова — не знаю. А об информации Благина я не докладывал.

— Как же так?!

Подойдя к окну, Свиридов отодвинул занавеску, посмотрел на укрепленную у ворот лампу под коническим колпаком и повернулся к Кедрину:

— Есть кое-что, чего ты не знаешь, Сергей. Из-за этого, собственно, я и выдернул тебя. Убит еще один человек. Мой сослуживец, полковник Панин. Убит на моих глазах в том самом ресторане «Веселый Роджер». Я не зря там назначил тебе встречу — хотел, чтобы ты полюбовался местом событий. Я не слишком близко знал полковника Панина, но он был толковым офицером и смелым человеком. Это он в одиночку пошел на обвешанного гранатами террориста у посольства... И скрутил-таки молодчика. Панин тоже, видимо, слышал кое-что обо мне. В общем, мы испытывали взаимное уважение, хотя, как я уже сказал, близко знакомы не были. Поэтому я изрядно удивился, когда Панин вдруг нагнал меня на улице и стал говорить что-то маловразумительное, подчеркнуто глядя в сторону...

— Что он сказал? — Кедрин подался вперед.

— Да поди, разбери его бормотание! Намекал на какое-то предательство, какую-то атомную авантюру на самом верху...

— Самый верх — это кто?

— Вот и я не понял, — признался Свиридов. — То ли он имел в виду верхушку московского управления, то ли вообще руководство ФСБ... Он предложил мне встретиться в «Веселом Роджере» и сразу исчез в толпе.

— И ты поехал в ресторан?

— Да, тем же вечером. Я прибыл раньше назначенного времени и сел за столик у стены. Полковник появился вовремя. Он шел через зал к моему столику и вдруг... пошатнулся и упал на спину. Я вскочил... Красное пятно на лбу Панина... Я посмотрел туда, откуда должны были стрелять, и увидел отверстие в оконном стекле. Уж я-то таких дырок в жизни не видел, мне экспертиза не потребовалась. Калибр 7,62.

— Отверстие в стекле? — недоуменно нахмурился Кедрин. — Но в «Веселом Роджере» все окна плотно занавешены...

— Да. И в тот вечер были занавешены — все, кроме одного, что напротив входа. На этом окне портьеру кто-то заранее отодвинул — совсем чуть-чуть... Но достаточно, чтобы прицелиться и выстрелить снаружи.

— Не понимаю, почему понадобилось убивать Панина в ресторане, где полно людей, где может помешать любая случайность, а не выбрать место поудобнее и не ударить наверняка?

— Это предупреждение, Сергей. Предупреждение мне.

— Почему ты так считаешь?

— Когда я вернулся к своей машине, нашел на сиденье... — Свиридов протянул Кедрину небольшую синюю книжечку размером с пачку сигарет. Это был карманный Новый Завет, издание Гедеоновых братьев. Вместо закладки из книги торчала спичка.

Кедрин раскрыл томик. Святое благовествование от Иоанна... Две строки мельчайшего шрифта были подчеркнуты. «Куда я иду, ты не можешь теперь за мною идти, а после пойдешь за мною».

— Как изысканно, — заметил он, возвращая книжку полковнику. — Ребята с фантазией.

Свиридов скривился, но никак не прокомментировал высказывание друга и убрал Новый Завет в карман.

— Получив информацию Благина, — произнес он, — я сложил два и два, вышло четыре...

— Да? Помнится, какой-то персонаж Оруэлла утверждал, что два и два — только иногда четыре... Какие у тебя основания?

— Их несколько. Панин упоминал об атомной аванюре, и Благин говорил о транзите атомного груза...

— Ну, знаешь!

— Постой. Далее. Есть неподтвержденные сведения о контактах Егорова с бывшими, а возможно, и действующими сотрудниками ФСБ — раз. В той сбивчивой речи Панина на улице прозвучало название города Самара — по словам Благина, перевалочной точки транзита — это два. Совпадение по времени — три. И, наконец, Панин и Егоров убиты в похожей манере, из оружия одного калибра, — четыре. Ну как, убедительно?

— Гм... Пожалуй, как версия...

— Обоснованная версия, Сергей. Теперь ты понимаешь, почему я не могу доверять никому? Я не знаю, кто они, где они, сколько их...

— И ты хочешь...

— Мне нужно, чтобы ты отправился в Самару. Из подслушанного Благиным нам известен способ транспортировки груза, но неизвестно, как он выглядит, где спрятан, кто его везет, что это вообще такое. Мне нужно, чтобы ты нашел груз и выяснил имена участников операции.

— Вот как? А ключ от квартиры, где деньги лежат? Могу уступить недорого, — улыбнулся Кедрин и тут же стер улыбку с лица. — Влад, а что намерен делать ты?

— Работать здесь, в Москве.

— В одиночку?

— В паре с Благиным.

— Н-да, внушительные силы...

— Мне ничего другого не остается. Ты привез то, что я просил?

— Фотографию? Вот.

Вытащив из кармана картонный квадратик, Кедрин вручил его Свиридову. Тот быстро поднялся по лестнице на чердак. Отсутствовал он около получаса, зато когда вернулся, Кедрин стал обладателем фальшивого удостоверения сотрудника ФСБ на имя Виктора Петровича Зубарева.

— Оружия я тебе, понятное дело, не дам, — сказал полковник, — потому что полетишь самолетом, да и вообще...

— А связь?

— Постоянной связи у нас не будет. В самом экстренном случае попробуй позвонить по одному из известных тебе телефонов. А когда найдешь груз...

— Найду, найду, — пропел Кедрин на мотив популярной песенки. — Да как же я его, черт возьми, найду? У меня нет ничего...

— Кроме, разве что, рыжей Барбары.

— Рыжая Барбара — скорее всего, ерунда, Влад. Они ведь слушали музыку, помнишь? Вероятно, Егоров спросил, как эта музыка нравится собеседнику, а тот ответил: «Я предпочитаю рыжую Барбару». То есть Барбру Стрейзанд.

— А она рыжая?

— Кажется, так. — Кедрин потянулся к бутылке, но рука его застыла на полпути, и он исподлобья, тяжело посмотрел на Свиридова: — Слушай, Влад... Ты в самом деле веришь, что мы с тобой вдвоем сможем остановить их? Если замешан кто-то из верхушки ФСБ?

- Нет.
- Нет?
- Не мы, а ты. Ты один, Сергей. Потому что меня, скорее всего, убьют.

4

Четверо встретились в роскошных апартаментах на третьем этаже престижного московского дома, в котором обитал и кое-кто из депутатов. В конфиденциальных беседах этих четверых называли кодовыми именами — Генерал, Дипломат, Коммерсант и Советник. Дипломат не имел никакого отношения к дипкорпусу. У Генерала было звание более скромное. Коммерсант был связан с бизнесом весьма опосредованно, а кем являлся Советник, знали очень немногие...

Держался он властно и уверенно, как наиболее важная среди четверых персона. Говорил негромко, медленно, но от каждого слова веяло аурой тайной власти.

— Итак, господа, основные проблемы частично решены. Егоров и Панин отбыли на отдых, и остается, в сущности, один...

— Свиридов? — спросил Коммерсант.

— Нет. Свиридов не опасен. Данные аудиоконтроля свидетельствуют, что Панин во время их встречи на улице не успел передать Свиридову никакой значимой информации. А контакта в ресторане мы не допустили, к тому же Свиридов получил недвусмысленное предупреждение. Не дурак же он. Нет, господа, наша проблема — Диспетчер...

— Насколько велика вероятность, — произнес после паузы Дипломат, — что Диспетчер успеет помешать нам?

— Очень велика, — веско проговорил Советник. — Диспетчер подбирается к самому сердцу операции.

— Тоже мне проблема, — пробормотал Коммерсант. — Отправить его вслед за Егоровым и Паниным, только и всего... — и тут же осекся под свинцовым взглядом Советника.

Прошло не менее минуты, прежде чем Советник снова заговорил:

— Явное устранение Диспетчера невозможно. Такое решение — после Егорова и Панина — слишком очевидно выводит на нас, на меня — в первую очередь.

— Автомобильная катастрофа? — предложил Генерал.

— Точно так же шито белыми нитками, — покачал головой Советник. — Видите ли, господа, даже если сейчас Диспетчер умрет от обычного инфаркта, в этом обвинят нас...

— Вот так история! — воскликнул Генерал. — Тронем Диспетчера — погибли, не тронем — пропали? Что же получается, а?

— Необходимо нестандартное решение, — тихо вымолвил Советник, полуприкрыв глаза.

Слово взял Дипломат:

— Существуют три крючка, на один из которых — или на два, или на все сразу — теоретически можно поймать любого человека. Шантаж, деньги, секс.

— Шантаж исключен, — отозвался Советник. — Диспетчер чист... По крайней мере, нам не удалось найти подходящих материалов для шантажа. О деньгах и говорить не приходится, глупейшая затея, если имеешь дело с Диспетчером.

— Тогда — женщина? — Дипломат искоса посмотрел на Советника, потом взглянул на Генерала и Коммерсанта.

— Это могло бы сработать, но не в нашем случае. Во-первых, Диспетчер настороже. И, во-вторых, мало времени.

— Черт! — Грубые пальцы Генерала переломили сигарету пополам.— Где же выход?

— Диспетчер должен умереть, — отчеканил Советник, и троица растерянно воззрилась на него. — Именно так, господа. Диспетчер не может умереть от пули, не может погибнуть в автомобильной или авиационной катастрофе, не может скончаться от так называемых естественных причин. И все-таки он должен уйти. Такова задача.

В комнате воцарилась тишина, но особая, напряженная.

— Боюсь, никто из нас не обладает достаточной подготовкой и соответствующим складом ума для решения подобных задач. Но, пожалуй, есть человек, которому это по силам, — осторожно произнес Дипломат.

— Кто же это? — спросил Генерал.

— Мастер.

— Какой мастер? — не понял Коммерсант.

Вместо Дипломата ему ответил Советник:

— Мастер — условное имя специалиста... Гения в своем роде. Он работает независимо, берет очень дорого... Но мы не поскупимся. Да, я согласен. Мастер. Если и он этого не сделает, значит, такое в принципе невозможно сделать. Тогда нам останется только свернуть операцию и выйти из игры.

5

Молчание Шелера начинало нервировать Нежданова. Он понимал: чем дольше тот откладывает главное, тем менее приятным это главное окажется.

В комнате находились еще трое — Павлов, Ким и Соткин. Двое последних представляли собой руководителей боевых групп. Нежданов же прибыл из Москвы для переговоров о совместной операции, первой в ряду многих, суливших немалые выгоды обеим сторонам. Эти выгоды казались очевидными, так почему же Шелер медлит с ответом? Хочет поднять процент? Сколько он потребует — двадцать, тридцать? О тридцати не может быть и речи, а вот отталкиваясь от двадцати, есть смысл поторговаться.

Но то, что услышал Нежданов, прозвучало как удар молнии, таких слов он никак не ожидал.

Подойдя к столу, Шелер произнес без всякого выражения, как автомат:

— Петр Михайлович, мы не заинтересованы в вашем предложении.

— Простите? — Нежданов побледнел, но старался сохранять невозмутимость. — Вы имеете в виду принцип распределения доходов? Так это и составляет предмет наших переговоров, и я готов...

— Нет, — жестко перебил его Шелер, — вы не поняли. Не принцип распределения. Нас не интересует ваше предложение как таковое. Мы не будем этим заниматься. Сожалею, что пришлось вам отказать, — уже мягче продолжил он, — но таково принятое накануне решение. Увы, оно не будет изменено. Мне очень жаль, Петр Михайлович.

— Мне тоже, — глухо изрек Нежданов.

Больше говорить было не о чем. Он поднялся, заставил себя вежливо попрощаться и покинул комнату.

Внизу у подъезда его ждала машина, любезно предоставленная Шелером. Нежданов рванул дверцу, плюхнулся на сиденье.

Почему они отказались? Почему? Подобные предложения на дороге не валяются. Новейшие синтетические наркотики. Безупречная схема поставки, перевозки, распространение... Тысяча процентов гарантированной прибыли, а позже, когда система будет отлажена и механизм заработает на полную мощность, — две, три тысячи. И все же они сказали «нет». Почему?

Необходимо было найти ответ на этот вопрос.

Запустив двигатель «вольво», Нежданов отогнал машину за угол, но так, чтобы видеть в зеркале подъезд дома, из которого он только что вышел.

Первым на улице появился Ким, сел в «БМВ» и уехал. За ним последовал Павлов, а минут через двадцать показался Соткин и направился к «ягуару». Шофер-телохранитель распахнул перед ним дверцу.

Когда «ягуар» отъехал метров на пятьдесят, Нежданов устремился следом. Конечно, он рисковал — его могли засечь, но на городских улицах с оживленным движением он рассчитывал прятаться за другими автомобилями. Хуже будет на загородной автостраде. Нежданов знал, что Соткин живет на собственной вилле под Хабаровском, и если он отправился домой, то...

Так и есть. «Ягуар» плавно прокатился по окраинным улицам и вывернул на шоссе, пролежавшее среди унылых сопок. Нежданов отпустил его подальше и вдавил педаль газа.

У него не было никакого конкретного плана действий. Их двое, а он один, вдобавок безоружен. Правда, он в хорошей физической форме, но что с того? Придется искать на ходу какие-то варианты, импровизировать. Да, придется! Ибо сейчас, и только сейчас — его единственный шанс. Другого не будет.

«Ягуар» двигался не очень быстро. Видимо, Соткин не спешил, берег дорогую машину на плохом дорожном покрытии. Отлично. Иначе «вольво» вчистую проиграл бы гонку, скоростные качества на форсаже несравнимы.

Повиснув на хвосте «ягуара», Нежданов просигналил: иду на обгон. Узнали Соткин и водитель его машину или нет, но они совершили роковую ошибку — обгону не воспротивились.

Рванувшись вперед, Нежданов вывернул руль и остановил «вольво» поперек дороги. «Ягуар» затормозил, из него выскочил разъяренный водитель с пистолетом в руке.

— Эй, ты!.. — взмахнул он пистолетом.

— Спокойно, Витя, спокойно, — раздался насмешливый голос Соткина, который тоже вышел из машины и зашагал к стоявшему у открытой дверцы «вольво» Нежданову. — Я вас давно приметил, Петр Михайлович. Что ему, думаю, нужно? Решили провести приватные переговоры, а? Внести, так сказать, раскол? Не выйдет, уважаемый. Мой вам добрый совет, улетайте-ка в Москву...

— Одну минуту, Игорь Андреевич, — Нежданов поднял руку в примирительном жесте и, обойдя машину, оказался справа от водителя. — Уделите мне минуту, и я все объясню...

Ребро его ладони врезалось в шею водителя. Другой рукой Нежданов перехватил пистолет и выстрелил прямо в лицо парня, превратившееся в кровавое месиво. Выстрел был смертельным. Уже мертвым водитель упал на выщербленный асфальт, а ствол пистолета устался в грудь Соткина.

— Вы с ума сошли, — угрюмо пробормотал тот, стараясь скрыть страх.

— Труп в багажник, живо! — распорядился Нежданов.

Соткин покосился на пистолет и подчинился. Открыв багажник «ягуара», он с натужным пытением перевалил в него окровавленное тело и захлопнул крышку.

— Теперь в машину! — Голос Нежданова отдавался ударами колокола в голове Соткина.

Они уселись в «вольво» — Нежданов за руль, Соткин рядом. Ощущая у виска дуло пистолета, он лихорадочно прикидывал свои шансы... Бесполезно. Оружие оружием, но Нежданов и физически много сильнее.

— Итак, — заговорил тот. — Сначала скажу я, потом — вы. Идет?

Соткин промолчал.

— Мы сделали вам добросовестное предложение. Вы отклонили его. Я задал себе вопрос «почему», и пришел вот к каким выводам. Вы готовитесь к некоей сногшибательной операции, настолько выгодной, что наши наркотики по сравнению с ней — детский сад. И вы решили не связываться с нами, чтобы ненароком не «засветиться» и не поставить под удар главное. Я прав? Если вы скажете «нет», я выстрелю.

Колебания Соткина были заметны невооруженным глазом. Наконец он хрипловато произнес:

— Глупо, Петр Михайлович. Операция существует, но характер ее таков, что вам в нее никак не влезть. Никак, поверьте на слово.

— Вы расскажите, а я подумаю. — Нежданов качнул пистолетом.

— Если я буду запираюсь, меня убьете вы, — пожал плечами Соткин. — А если расскажу — убьют свои, но не сразу. Лучше уж побыстрее...

— Вот тут вы ошибаетесь, — терпеливо объяснил Нежданов. — Правы только в том, что мы в Москве зашевелимся, и утечки информации вам не простят. Но зачем ждать? Пока вы не в мышеловке. Выгребайте миллионные заначки, валите за кордон и живите в свое удовольствие. Договоримся — и я вам подброшу малость... А упретесь, как носорог, — не обижайтесь, застрелю. В этом случае вы для меня не только бесполезны, но и очень опасны. Логично?

— Логично, — вздохнул Соткин. — А где гарантия, что вы не пустите мне пулю в лоб, получив сведения?

— Но это же нелепо! Под боком у Шелера мне понадобится свой человек, хотя бы на первое время, пока вы еще в России. Взаимовыгодное сотрудничество. Мы ведь деловые люди, нет? Но если предадите меня, — угрожающе добавил Нежданов, — я предаю вас...

— Да, но... как я объясню смерть Виктора... моего шофера?

— Он исчезнет... Об этом потом. Не тяните кота за хвост.

— Хорошо. Однако вы должны иметь в виду: меня со скрипом допустили к этой операции. Нет, в полном неведении я не оставался, но мне известно не так уж много. Добыча информации — дело нелегкое.

— Говорите, что знаете. Но помните: абсолютная откровенность. Если попытаете солгать или умолчать о чем-то — хоть в деталях, хоть в единичной мелочи, — я почувствую это и в ту же секунду выстрелю. Без малейшей задержки, без предупреждения. Вам ясно?

— Предельно ясно.

— Начинайте.

Соткин весь как-то обмяк и сипло выдавил:

— Положение нашей группировки далеко не блестяще. Оно хуже, чем вам видится из Москвы... Нас теснят конкуренты — организация Такоева. Пока они наносят только финансовые удары, но большая война не за горами, и для победы нам не хватит ни сил, ни средств. И тут на Шелера вышел один человек... Не спрашивайте, кто он и откуда, я не знаю... Мне известна лишь часть всего. Это прикрытие для безопасного транзита груза от Хабаровска до Самары.

— Что за груз?

— Компоненты для монтажа двух ядерных боезарядов, мощностью в одну килотонну каждый. Плутоний в бериллиевых контейнерах, полониево-литиевые инициаторы. Но главное — документация, ноу-хау. Тот, кто купит эти документы и разберется в них, сможет в дальнейшем самостоятельно производить компактные атомные бомбы — при условии, что сумеет достать расщепляющиеся материалы. Представляете, сколько это стоит?

Нежданов задумчиво кивнул и поинтересовался:

— Происхождение груза?

— Точно не знаю. Да мне вообще не полагалось знать о характере груза! Однако я не привык...

— Самара — пункт назначения?

— Дальше Москва, но это уже не наше дело. В смысле, не моих людей. Мы обязались лишь переправить груз в Самару и сдать получателям.

— Как выглядит груз?

— Я его не видел. Кажется, это что-то вроде большого чемодана. Но возможно, он замаскирован и как-то иначе.

— Где он сейчас?

— На пути в Самару или уже там.

— Кто получатель?

— Не знаю, и мои люди не знают. Передача организована так, что получателей они не увидят.

— Но сами-то вы видели человека, который приезжал к Шелеру?

— Увы...

— Тьфу!

— Но потом приезжал еще другой. Его я тоже не видел. Может быть, это и кто-то из наших, по голосу я не понял...

— Значит, голос вы слышали?

— Слышал примечательный фрагмент их разговора.

— Любопытно.

— Я находился в соседней комнате. Они прощались, проходили мимо моей двери... Шелер спросил что-то о дальнейшем транзите от Самары до Москвы. Тот человек рассмеялся и ответил: «Уж если от Самары до Москвы мне предстоит романтическое путешествие в обществе очаровательных девушек...» И что-то еще, тут я уже не расслышал.

— Вот как? Интересно, что он подразумевал...

— Понятия не имею...

— Гм... Ну, хорошо, Игорь Андреевич, ценю вашу искренность. Мы вернемся к этому разговору позже, а сейчас за работу.

— Какую?

— Скоро стемнеет. Надо успеть избавиться от трупа вашего шофера и вымыть багажник «ягуара». Труп зароем в лесу. Своим скажете — шофер исчез, и все дела. Куда ушел, когда — сами придумаете... А машину вымоем в озере, я приметил одно местечко по дороге.

— Да, я знаю, есть тут...

Соткин вышел первым, а когда подошел к багажнику и откинул крышку, Нежданов вдруг окликнул его. Тот обернулся и остолбенел. Черный зев пистолета смотрел прямо на него. Он мгновенно все понял и прошептал:

— Вы же обещали...

— Я передумал.

Нежданов выстрелил. Соткина отбросило на открытый багажник, и он рухнул спиной на тело водителя, раскинув руки. Нежданов, не спеша, протер пистолет, отшвырнул его в сторону. Вернувшись за руль «вольво», развернулся и поехал обратно в Хабаровск.

Он испытывал досаду и разочарование. Получалось, что два убийства совершены зря. Полной информацией обладает только Шелер, а к нему не подобраться...

В гостиницу Нежданов прибыл, когда совсем стемнело. Заказал ужин в номер, выпил водки — немного, чтобы расслабиться. Спать не ложился, ждал телефонного звонка.

Телефон зазвонил около четырех утра.

— Слушаю. — Он постарался, чтобы его голос звучал глухо, будто спросонья.

— Петр Михайлович, это Шелер. Я просил бы вас, не откладывая, вернуться в Москву, здесь становится небезопасно. Группа Такоева перешла к активным действиям.

— Что это значит?

— Убиты Соткин и его шофер. Такоеву известно, что вы вели с нами переговоры, и мы не хотим, чтобы следующей жертвой стали вы. Осложнять отношения с Москвой нам ни к чему.

— Спасибо, — коротко бросил Нежданов и положил трубку.

6

Выслушав Нежданова, Хардин желчно процедил:

— Молодец, Петр Михайлович! Провалил все, что мог. И я не сумел бы лучше.

— Но, Виктор Георгиевич, я...

— Молчи! — отмахнулся Хардин. — Ты хоть понимаешь, что запустил войну в Хабаровске, а тем самым лишил нас возможности договориться и с конкурентами Шелера? В ближайшее время им всем будет не до нас.

Нежданов понуро отвел глаза. За окнами подмосковного особняка сумерки перетекали в ночь. Хардин зажег свет, достал из бара бутылку виски.

— На вот, выпей, стратег... Что сделано — то сделано, теперь давай думать, как выкручиваться. На идее с наркотиками можно ставить крест, согласен?

— На сегодняшний день — да, — подтвердил Нежданов, разливая виски.

— А вот с этими атомными бомбами... Гм... Интересно.

— Почти никакой информации. Да и на что они нам?

— На что — это уж моя забота. А информация... Может оказаться, что мы знаем больше, чем нам представляется, надо только подобрать ключик...

— Дело с атомными бомбами мальчишкам не по плечу. Тут замешаны серьезные люди. Разумно ли становиться им поперек дороги? — скрипучим от усталости голосом произнес Нежданов.

— Сначала узнать бы, кто эти люди...

— Неужели не просочилось никаких слухов о столь масштабной операции?

— Никаких. Мне становится известным практически все, что происходит в Москве, довольно быстро... Но тут — тишина. Могу сказать одно: крупнейшие авторитеты к этой операции непричастны. Разведка бы донесла.

— Тогда кто же?

— Что толку гадать, Петр Михайлович... Оттолкнемся от того, что у нас есть. Итак, груз ждут в Москве, но из Хабаровска его доставляют не сюда, а в Самару. Почему?

— На подходах к Москве жесткий контроль, велик риск попасться. А на пути к Самаре и в ней самой они или хорошо «подмазали» кого надо, или наладили безопасный канал.

— Правильно. Но ведь это техника, а смысл? Из Самары все равно нужно везти груз в Москву, так? Через тот же контроль?

— Ну... да, — неуверенно проговорил Нежданов.

— Значит, что-то они придумали... Какой-то надежный способ... Почему Самара — вот что не дает мне покоя. Все замыкается на Самаре, Петр

Михайлович. Как только мы поймем, почему они избрали Самару перевалочным пунктом, мы разгадаем их игру. Размышляй. Какие существуют в природе способы переброски груза? Самолет, поезд, автобус, автомобиль? Ничего не годится, все слишком рискованно.

— По Волге можно, речным транспортом...

— Тут риска поменьше, но к нулю он не сводится. А их вариант, я уверен, беспроигрышный... Черт, крутится у меня какая-то смутная догадка, да не могу за хвост ухватить... Что он там говорил о девушках?

— Второй гость Шелера? Что-то вроде того, что в Москву из Самары поедет в обществе приятных девушек... Как-то так...

Хардин наморщил лоб и вдруг неожиданно встрепенулся, его глаза блеснули веселым торжеством. Хищный поворот красивой (львиной, как утверждали женщины) головы свидетельствовал о том, что лев почуял добычу.

Ни слова не говоря, он пружинистым шагом вышел из гостиной, а минут через пять вернулся и бросил на колени Нежданову сложенную газету:

— Читай. Третья страница.

Тот зашелестел газетным листом. В большой, на всю страницу, статье речь шла о финале конкурса «Российская красавица», который имеет место быть на теплоходе «Валерий Брюсов», отправляющемся в специальный рейс Самара — Москва.

— Ну, дотумкал? — Хардин звонко щелкнул пальцами. — Вот они, девушки! Единственное транспортное средство, которое никто и никогда не станет проверять!

— Пожалуй...

— Не «пожалуй», а так оно и есть.

— Хорошо, но нам-то какая от этого польза?

Хардин ответил не сразу. Сначала он выбрал хорошую сигару из полированного деревянного ящичка, тщательно раскурил ее и лишь после этого заговорил:

— Иди-ка спать, Петр Михайлович, на тебе лица нет. А завтра начнешь мне готовить встречу с нашими колумбийскими друзьями.

— Зачем? — невольно вырвалось у Нежданова.

— Устрой встречу, — усмехнувшись, повторил Хардин.

7

«Валерий Брюсов» подходил к бетонному пирсу самарского речного порта. Кедрин, одетый в легкий летний костюм его излюбленного кремового тона, издали наблюдал за швартовкой. Четырехпалубный (или четырехдечный, как говорят на речном флоте) теплоход шел все медленнее,

подрабатывая двигателями то правого, то левого борта. Матрос бросил на пирс тонкий лить с прикрепленным к нему мячиком, обвязанным плетенкой. Лить подхватили, подтянули швартов, надели петлю на кнехт.

«Скоро начнется погрузка, — подумал Сергей. — На теплоход будут грузить тонны музыкальной и световой аппаратуры, декорации, провизию — все для успешного проведения конкурса красавиц, а также личный багаж участниц, спонсоров, развлекающихся миллионеров, музыкантов, актеров, журналистов... И где-то среди сотен контейнеров, чемоданов, баулов и ящиков укроется ТО САМОЕ...»

Подали трап. Он выждал с полчаса и сбежал по каменным ступеням к теплоходу. У трапа возился матрос.

— Я хочу видеть капитана, — сказал Кедрин.

— Он занят, — не повернув головы, бросил матрос.

— Для меня он найдет время.

— А кто вы? — уже заинтересованно посмотрел на него матрос.

— Просто передайте капитану, что пришел его старый друг.

После недолгого колебания тот кивнул и отправился наверх. Возвратившись, пригласил Кедрина следовать за ним. Вдвоем они подошли к двери рубки.

— Вы свободны, — холодно произнес Кедрин и постучал в дверь.

— Войдите, — донеслось до него.

Внешность капитана «Валерия Брюсова» в точности соответствовала стереотипному представлению об этой профессии — солидный, седой, с окладистой бородкой, только трубки не хватало.

— Вы и есть мой старый друг? — с иронией спросил он.

Кедрин предъявил удостоверение сотрудника ФСБ.

— Понятно, — нахмурился капитан. — В свою очередь позвольте представиться: Борисов Юрий Георгиевич. Впрочем, мое имя вам, конечно, известно... Чем могу служить, господин Зубарев?

— Мы получили сведения, — рванул Кедрин с места в карьер, — что преступники намерены воспользоваться конкурсным рейсом для переброски в Москву крупной партии наркотиков.

— Разве ФСБ занимается наркотиками? Я слышал, что эти функции переданы другому ведомству.

Капитана как будто вовсе не озадачило заявление о перевозке наркотиков на теплоходе. Однако это можно было отнести на счет мнения Борисова о конкурсной публике — чего, мол, от них ожидать...

— ФСБ занимается и наркотиками в том числе, — пояснил Сергей. — В некоторых случаях.

Обращаясь к капитану, он шел ва-банк, ведь не исключалась вероятность связи Борисова с неведомыми авантюристами. Тогда дело худо...

Ах, если бы полковник Свиридов мог напрямую выйти на руководство — свое или другой спецслужбы! Как все было бы просто — обыск теплохода после погрузки, официальное расследование...

— Что требуется от меня? — Борисов достал-таки обкуренную трубку.

— Я должен отправиться с этим рейсом, — ответил Кедрин.

Борисов развел руками.

— Даже не знаю, как и быть, господин Зубарев. Ни одного свободного места, — развел руками капитан.

— Поселите меня хоть в машинном отделении, хоть в трюме. Важность этой операции трудно переоценить.

— Да я понимаю. — Борисов задумался. — Вот что. У нас некомплект по технической части, не вдаваясь в детали... Хотели взять одного парня, но, в конце концов, там справятся и трое вместо четверых. Вас устроит скромная каютка на корме?

— Меня устроит все что угодно, Юрий Георгиевич. Договорились. Но о присутствии на борту сотрудника ФСБ...

— Никто не должен знать, — закончил за него капитан.

— Никто — означает никто, Юрий Георгиевич. И ваши ближайшие помощники тоже. Представьте меня им как вашего родственника или друга, как хотите.

— Попахивает злоупотреблением служебным положением, — улыбнулся капитан, разжигая трубку. — Ну да пусть это вас не беспокоит, выкручусь. Но если на «Брюсове» начнется стрельба...

— Надеюсь, до этого не дойдет. А теперь, если не возражаете, я хотел бы осмотреться, побродить по теплоходу.

— Конечно, не возражаю... Подождите в солярии. Я закончу дела и стану вашим гидом.

8

Неприметная машина цвета мокрого асфальта — обыкновенная «восьмерка» — остановилась у подъезда. Водитель, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти, вышел и аккуратно запер дверцу. Слегка прихрамывая на левую ногу, он направился в дом, где ему принадлежала стандартная трехкомнатная квартира на втором этаже.

Лицо прибывшего на «восьмерке» человека было таким же заурядным, как и его автомобиль, и вдобавок не выражало ничего кроме скуки. Едва ли кто-то мог выделить в толпе Олега Дмитриевича Букина. Но в определенных кругах его выделяли, да еще как... В тех кругах он был известен как Мастер, и этот уважительный псевдоним соответствовал его способно-

стям и опыту. Вы очень богаты и попали в ситуацию, из которой не видите выхода? Обратитесь к Мастеру. Если он вас не вытащит, вас не вытащит никто.

Наемный убийца, киллер высочайшей квалификации? Что ж, Мастеру приходилось и убивать, это было частью его работы и не вызывало лишних эмоций. Но киллеров, пусть и высокопрофессиональных, много, Мастер же являлся единственным специалистом в своем роде. Заказчик излагал просьбу — Мастер начинал думать и неизменно находил решение — тонкое, изящное, безупречное. При выполнении деликатнейших поручений нередко удавалось обходиться и без убийств, чем Мастер особенно гордился. Он умел делать людям предложения, которые невозможно отклонить. Да, так было во многих случаях...

Но не во всех.

Войдя в квартиру, Букин сразу прошел в кухню и принялся заваривать чай. Вдруг в прихожей прозвучал звонок, и Мастер насторожился: он никого не ждал. Быстрым пружинистым шагом (хромота, следствие давней травмы, не мешала ему двигаться энергично, он и бегать мог неплохо при надобности) вышел в гостиную и включил монитор. В дверной «глазок» была встроена миниатюрная широкоугольная телекамера — необходимая предосторожность, ведь в обычный «глазок» могут и выстрелить.

На экране появилась фигура щуплого на вид парня, но Букин не обольщался. Он знал, как обманчива бывает порой внешность. К тому же внизу могли притаиться и другие. Мастер щелкнул клавишей переговорного устройства и спросил:

— Кто вам нужен?

— Олег Дмитриевич, это вы? — раздалось в ответ из динамика. — Я к вам от Ильи Яковлевича. Он просил передать вам диск с новым фильмом Михалкова, который вы заказывали на прошлой неделе.

— Входите, — буркнул Мастер.

Он нажал кнопку, стальная плита двери уехала в стену и вновь закрылась за вошедшим.

Букин сидел в кресле, а визитер переминался, словно не решаясь начать разговор. За эти секунды Мастер успел оценить посетителя и сделать выводы.

— Ну? — поторопил он. — Давайте ваш диск.

— Диск? — растерялся парень. — Я думал, это вроде как пароль...

— Что вам, собственно, угодно?

— Для вас есть работа, Мастер.

— Вы имеете в виду заказ на электронику для фирмы, где я служу? Так почему не пришли в офис?

— Нет, не на электронику, — раздраженно произнес посетитель. — Заказ на человека.

— Простите, я вас не понимаю.

— Все вы понимаете. Нам мешает один человек. Но его надо убрать так, чтобы...

— Стоп, стоп! — Мастер выставил обе руки ладонями вперед. — Тут какое-то недоразумение. Вы, кажется, принимаете меня за киллера? Ничего смешнее в жизни не слышал.

Гость выглядел совершенно сбитым с толку.

— Но, — попытался начать он, однако Букин не дал ему продолжить:

— Молодой человек, вам что-то наговорили обо мне. Возможно, часть из этого — правда, возможно, нет. В любом случае с вами я беседовать не стану, только лично с заказчиком. И поверьте, подставное лицо я отличить сумею. Я веду переговоры на высшем уровне, понятно? Так и передайте тем, кто вас прислал. Прощайте! — Палец Мастера утопил кнопку. Входная дверь открылась. — Прощайте! — повторил он.

Посетителю ничего не оставалось, как ретироваться. На улице парень достал из кармана мобильный телефон, набрал номер и доложил:

— Ничего не вышло.

— Вот как? — На другом конце линии, похоже, ничуть не удивились.

— Он меня выгнал. Хочет говорить... на высшем уровне, так он выразился.

— Ладно, подумаем. Пожалуй, чего-то в этом духе надо было ожидать. Но попробовать-то стоило, правда?

— Вам виднее. А что теперь делать мне?

— Твоя миссия завершена. Отдыхай пока. С тобой свяжутся.

Миссия молодого человека была завершена в полном смысле слова. Через день его нашли в люберецком переулке с ножом в спине — пьяная драка у бара.

9

Родриго Санчес ждал Хардина за столиком в удаленном от центра Москвы ресторане, не в отдельном кабинете, а в общем зале. Он считал, что здесь разговор труднее прослушать (впрочем, это было заблуждением). Хардин запаздывал, и колумбиец недовольно поглядывал на дорогие массивные часы.

Связи колумбийских и русских мафиозных группировок имели не столь давние традиции, но успели стать достаточно тесными. Размах операций впечатлял, кое-что выплывало наружу. Например, американская печать

сообщала о некоем экс-гражданине России Людвиге Файнберге. Этот персонаж, владелец стриптиз-клуба во Флориде, от имени российской мафии предложил колумбийцам, ни больше ни меньше, как несколько военных вертолетов плюс подводную лодку класса «Танго» для перевозки наркотиков в США. Эта сделка сорвалась, а другие? Офшорные банки в колумбийском порту Турбо, контролируемые московским частным капиталом, отмывали южноамериканские наркодоллары. Согласно докладу Национального бюро Соединенных Штатов по борьбе с наркотиками, контакты с мафией Латинской Америки поддерживали около четырехсот русских криминальных объединений. Российские мафиози продавали колумбийским коллегам ракеты класса «земля — воздух», реактивные гранатометы, автоматы АК. Совсем недавно секретная операция спецслужб США и Латинской Америки предотвратила передачу колумбийскому картелю мощных портативных взрывных устройств в обмен на партию кокаина...

Колумбийцы сотрудничали и с группой Хардина, хотя она и не относилась к числу наиболее могущественных синдикатов. Родриго Санчесу уже доводилось встречаться с Хардиным, и каждый раз оба оставались довольны заключенными сделками. Но сейчас русский мафиозо повел себя необычно: он назначил свидание, даже не намекнув через посредника о его цели.

Санчес расправлялся уже с десертом, когда в зал ресторана вошел Хардин. Сразу заметив колумбийца, Виктор Георгиевич пересек зал и сел к столу.

— Привет, мой друг, рад видеть вас, — сказал Санчес по-русски. Он часто бывал в России и неплохо владел языком. — Выпьете рюмку «Джармайстера» для аппетита?

— Благодарю, дорогой Родриго. — Хардин обаятельно улыбнулся. — Выпью, но не для аппетита. Я поужинал, и времени у меня в обрез.

— Огорчен. Тут отличная кухня... Но если вы спешите, я готов выслушать вас без промедления.

В глазах Хардина, продолжавшего улыбаться, мелькнули азартные искорки.

— Хотите купить пару атомных бомб, Родриго?

— Почему только пару? — со смехом отреагировал колумбиец. — С удовольствием приобрету базу российских баллистических ракет. Очень уж нам надоел этот Вашингтон, вечно путается под ногами.

— Будьте внимательны, Родриго. — Хардин погасил улыбку. — Два килотонных ядерных боезаряда, сборка несложная... Но основная часть моего предложения — техническая документация. Специалисты смогут поставить производство компактных ядерных устройств на поток. Спрос на такую продукцию гарантирован, это повыгоднее кокаина... Да вам и самим

пригодится, разве нет? Правда, исходные материалы в дальнейшем — ваша забота... Хотя как знать, может быть, мы и тут что-то придумаем.

— Заманчиво, — неторопливо произнес Санчес. — Заманчиво, но проблемно... Есть такое слово по-русски? Как переправить ваш товар в Колумбию...

«Так, — пронеслось в мыслях Виктора Георгиевича, — полдела сделано. Колумбиец заглотив наживку...»

— Надо решать проблемы по мере их поступления, — проговорил он, — обсудим это после. Главное — прийти к принципиальному согласию.

— Резонно. Где товар?

— Скоро будет в Москве.

— Ваша цена?

Пальцем Хардин изобразил в воздухе цифру с длинной цепочкой нулей.

— Решение принимать не мне одному, — напомнил Санчес.

— Конечно, — кивнул Хардин, прекрасно зная, каким будет ответ картеля.

10

Нежданов успел выпить половину извлеченной из холодильника бутылки пива, когда пришел Хардин. Виктор Георгиевич был с ног до головы одет в белое, настроение, судя по всему, у него было превосходное.

— Хэлло! — небрежно бросил он.

— Где вы пропадали, Виктор Георгиевич? Я начал беспокоиться.

— А... Как тот киллер в подъезде, который волновался, не случилось ли чего с жертвой? Ха-ха... Я наводил мосты, Петр Михайлович. За пределами Москвы, пока дистанционно. Искал консультанта по части речного флота.

— Речного флота?!

— Да. Колумбийцы согласны купить атомные игрушки. Это будет сделка века.

С тревогой Нежданов покосился на босса.

— Вы намерены... — Нежданов с тревогой покосился на босса.

— Изъять груз.

— Этого я и боялся...

— Пустяки, Петр Михайлович. Повеселимся, наподдадим им всем. Хватит бродить в тени, восходит наша звезда...

— И как вы это видите? Допустим, нам удастся попасть на теплоход, деньги делают все... А дальше? Как мы найдем груз? Мы даже не знаем, как он выглядит... Но пусть и найдем. А охрана... То есть сопровождение? Найти мало, надо увезти...

— Вот поэтому, — внушительно сказал Хардин, — я и не стану заниматься мышинной возней. Я захвачу теплоход.

— Что?!

— Проще простого, — усмехнулся Виктор Георгиевич. — Элементарный бандитский налет на посудину, набитую миллионерами. Какое-то время теплоход будет в моем распоряжении — весь, от киля до клотика. Так говорят моряки? Я выпотрошу его, вскрою, как банку сардин. Искать, где угодно, спрашивать, кого угодно и как угодно, решать, кому жить, а кому умереть...

— Вы спятили! — воскликнул Нежданов, и сам испугался невольным вырвавшегося комментария.

— Ничуть, — спокойно произнес Хардин. — Скоро и ты сообразишь, что я прав. Смотри и считай. Первое. Хозяева груза будут спрашивать не с нас, а с обнаглевших бандитов. Второе. Значимых свидетелей — долой! Третье. Быстро и дешево, чистая прибыль налогом не облагается. Пока достаточно?

— Но вы хоть представляете, насколько сложно организовать подобную операцию?

— Не так уж и сложно. Мы задействуем не наших ребят — их мало, каждый на вес золота. Плюс к тому я не хочу, чтобы кого-то из них потом опознали, живого или мертвого. Воспользуемся расходным материалом — тольяттинской группировкой Шадрина.

— Авантюра.

— Так только кажется поначалу, Петр Михайлович. Выслушай подробности, и ты изменишь свое мнение.

11

«Специальное упражнение: поймать в петлю зайца, убить ударом головы о дерево, привязать за задние ноги, быстро отрезать голову и, задержав дыхание, выпить хлынувшую кровь, затем сделать выдох».

Шадрин, поморщившись, отложил книгу, которую читал (это была «Подготовка разведчика. Система спецназа ГРУ»). «Пожалуй, это слишком даже для моих парней, — подумал он, — да и замучаешься бегать за зайцами. Впрочем, поглядим, что там дальше».

Он снова взялся за нее, перевернул несколько страниц.

«Подготавливается удавка из гитарной струны (реже — из нейлоновой лески) с прикрепленными к ее концам ручками. Струна хороша тем, что не просто душит, но еще и врезается в кожу. Есть еще один вид струны, который, правда, не душит, а просто-напросто срезает голову. Это струна с напыленной на нее алмазной крошкой и Т-образными рукоятками на кон-

цах. Ею за десять секунд можно перепилить ногу в бедре вместе с костью, а уж горло она рассекает мгновенно...»

«Вот это неплохо, — заметил про себя Шадрин, — надо бы обзавестись такими струнами».

Условный звонок в дверь прервал его размышления. Он взглянул на часы. Ровно десять, московские гости точны.

В просторный холл большой тольяттинской квартиры вошли трое: Хардин, Нежданов и незнакомый Шадрину человек с кожаным кейсом. После взаимных приветствий Хардин представил этого третьего:

— Господин Иванов. Наш консультант.

— Консультант по каким вопросам? — осведомился Шадрин, подвигая к гостям вазу с фруктами и банки чешского пива.

— Сейчас поймешь, Дима. — Хардин привольно расположился в кресле, Нежданов остался стоять, а так называемый Иванов скромно примостился на стуле в сторонке. — Если мои сведения точны, дела твои идут хило, а, Дмитрий? За два месяца ты потерял около полумиллиона и потеряешь еще, если будешь продолжать в том же духе. Полмиллиона, я не ошибся?

— Нет, — злобно буркнул Шадрин. Такого начала он не ожидал.

— Превосходно, — продолжил Хардин, и хотя тольяттинский авторитет не видел в своих потерях ничего превосходного, он смолчал. — Мы предлагаем тебе не только возмещение убытков, но и значительную прибыль. Деньги находятся на теплоходе «Валерий Брюсов». Он отправляется из Самары. Не в последнюю очередь мы обратились к тебе и потому, что с твоим Тольятти это совсем рядом... Хотя дело не столько в пункте отправления, сколько...

— «Валерий Брюсов»? — перебил Шадрин. — Конкурс красоты?

— Да. Спонсоры, фирмачи, сутенеры, миллионеры — всего около четырехсот человек, и каждый буквально нашпигован долларами, плюс призовой фонд наличными в сейфах, плюс все эти бриллиантовые диадемы и рубиновые кулоны. Я предлагаю захват.

— Двести из этих четырехсот — вооруженная охрана, — уныло покачал головой Шадрин.

— Пустяки!

— Хороши пустяки... Ладно, а что конкретно вы имеете в виду?

Хардин кивнул консультанту. Тот раскрыл кейс, разложил на столе карту:

— Вот маршрут теплохода. Вот здесь, посмотрите, довольно длинный участок, и ни одного города, ни одного селения на берегу. «Брюсов» пройдет тут ночью. Внезапное нападение. Человек двадцать-тридцать на катерах с автоматами — полагаю, этого будет достаточно.

Склонившись над картой, Шадрин изучал проставленные даты с указанием времени.

— В общем-то, обсудить можно, — признал он наконец. — А вам-то, Виктор Георгиевич, это зачем?

— Мой интерес — один маленький чемоданчик. Или контейнер, или что там... Впрочем, я приму участие в операции и сам его найду.

— Э-э, — с подозрением посмотрел на него Шадрин. — Что там за чемоданчик, стоящий всех этих миллионов?

— Брось, Дима! — Хардин отмахнулся, будто от мухи. — Тебе он ни к чему, ты получаешь остальное. Но если настаиваешь, изволь. Там старинные иконы, у меня на них прямой заказ из-за рубежа. А ты их продать все равно толком не сумеешь... Дележ честный, так ведь?

— Вполне, если вам можно верить...

— Еще бы! — воскликнул Хардин. — Буду совсем откровенен. Мои дела тоже пошатнулись, и для меня эти иконы — клад... Я обошелся бы и без тебя, если бы моих ребят кое-кто не знал там, на теплоходе... Маски масками, но мало ли что... По рукам? Обсудим детали?

Шадрин раздумывал недолго. Прикинув все «за» и «против», он негромко ответил:

— По рукам.

Иванов достал из кейса проектные схемы теплохода «Валерий Брюсов».

— Перед вами все планы, — заговорил он. — Боковой вид, палуба мостика, шлюпочная палуба, пассажирские палубы, машинное отделение, трюм. Счет палуб — снизу вверх, нижняя — первая и так далее. Теплоход построен в Чехословакии, раньше назывался, кажется, «Октябрьская революция»... Или «Великий Октябрь»... Неважно. Трехвинтовой, с четырехдечной надстройкой. Экипаж — семьдесят человек. Вмещает более четырехсот пассажиров. Рестораны... Бары... Буфеты... Музыкальные салоны... Скорость на тихой воде с полной нагрузкой — двадцать пять километров в час. Главные двигатели — дизели вертикальные четырехтактные простого действия с газотурбинным...

— Погодите, — прервал его Шадрин, — пес с ними, с двигателями. А вот связь! Как у них с этим?

— Обыкновенная телефонная связь типа сотовой, — ответил консультант.

— Вот-вот... И телефоны у пассажиров, телевизионщиков, конкурсанток, журналистов... У всех! Ладно, сотовая связь не везде работает, но спутниковый Интернет, он-то работает везде!

— Мы кое-что предусмотрели, — довольно улыбнулся Хардин.

По его знаку консультант достал и продемонстрировал плоское электронное устройство размером чуть меньше клавиатуры компьютера.

— Мощный генератор помех широкого спектра, — пояснил Хардин тоном экскурсовода. — Его включают до нашего прибытия, и ни один сигнал с теплохода не будет услышан.

— Но для этого на борту должен быть человек, который...

— И он там будет.

«Здорово подготовились, — мелькнуло у Шадрина. — И все — ради нескольких икон? Ну-ну...»

— Если телевидение и радио, — произнес он, — станут вести прямую трансляцию, то внезапное прекращение передач...

— Никакой прямой трансляции — запись, — вмешался молчавший до сих пор Нежданов.

— Вы уверены? — сощурился Шадрин.

— Уверены, — холодно отрезал Нежданов. — По-вашему, мы собирали сведения только о технических данных теплохода?

— Пусть так... А какие у них способы подачи сигналов бедствия? — обратился Шадрин к тому, кого называли Ивановым.

— Обычные. Сирена, прожекторы, флаги... Красные и желтые ракеты...

— О ракетах и еще кое о чем должен позаботиться наш человек, — сказал Хардин. — А если что и упустит, кто там явится на подмогу ночью в глуши?

— Кто-то может удрать на шлюпке или сигануть за борт, — не сдавался тольяттинский авторитет.

— Опять же, в глуши... Но ты прав, риск тут есть, и об этом придется думать уже нам. Нагоним побольше страху, пара трупов не мешает для убедительности...

— А встречные суда?

— Опасность невелика, у нас имеется расписание. Конечно, мало ли какая посудина может выплыть... А ты хотел совсем без риска, по щучьему велению?

Они продолжали беседу, и одна мысль твердо засела в сознании Шадрина: «Не может быть, чтобы из-за каких-то икон...» Но тем интереснее ввязаться в авантюру Хардина. Глядишь, и представится случай заглянуть в его таинственный чемоданчик. А Хардин, он не бессмертен, и его приятели тоже... Он сам упомянул о паре трупов. Где пара — там и с десятков наберется...

12

Лев Давидович Гринберг слушал диск с записью Сорок седьмой кантаты Баха. Он наслаждался тембром органа во второй части (ария сопрано) и нежными аккордами, окружавшими вокальную партию, когда зазвонил телефон. Лев Давидович выключил музыку и сказал в трубку:

— Алло!

— Алло, — эхом откликнулся солидный бас. — Мне нужен Гринберг, Лев Давидович.

— Я у телефона.

Командные интонации баса смягчились.

— Лев Давидович Гринберг? Первая скрипка и руководитель квартета Альбани?

— Да, это я... С кем имею честь?

— Здравствуйте, очень рад... Беляев, директор фирмы «Старсаунд».

Гринберг слышал о фирме «Старсаунд» — она устраивала концерты и турне эстрадных звезд. Но он не был лично знаком с Беляевым и не представлял, для чего мог ему понадобиться.

— Как бы нам с вами встретиться, Лев Давидович? — продолжал Беляев.

— Простите, на какой предмет?

— На предмет деловых переговоров. Хочу сделать вам — вернее, квартету Альбани — предложение о гастрольной поездке.

Льва Давидовича удивило лишь то, что к нему обратилась эстрадная фирма. Что до предложений, струнный квартет Альбани (названный так в честь незаслуженно забытого скрипичного мастера) получал их довольно часто.

Созданный в Самаре по инициативе Гринберга около года назад, квартет Альбани стремительно набирал популярность. Гринберг пригласил в его состав молодых талантливых музыкантов симфонического оркестра Самарской филармонии: Надю Вержину (вторая скрипка), Игоря Дворецкого (альт) и Антона Филимонова (виолончель). Растущее мастерство артистов, разнообразный репертуар, включавший как хорошо известные, так и редко исполняемые произведения, — все это привлекало слушателей не только Самары. Но...

— Господин Беляев, — произнес Гринберг, — боюсь, наша встреча не имеет смысла. Очень много работы в оркестре, для гастролей квартет урывает по два-три дня, и все расписано.

Глава фирмы «Старсаунд» неожиданно рассмеялся:

— Не спешите отказываться, Лев Давидович. Выслушайте меня.

— Ну, хорошо... — будучи человеком уступчивым, не стал перечить Гринберг. Если Беляеву не жалко тратить время впустую... — Можете подъехать ко мне прямо сейчас? Адрес знаете?

— Знаю, — обрадовался Беляев. — Еду.

Он появился в квартире Гринберга полчаса спустя. Лев Давидович любезно пригласил посетителя в гостиную, угостил чаем. Через десять минут директор фирмы «Старсаунд» посвятил его в суть своего предложения.

— Зачем это вам, господин Беляев? — удивился старый скрипач. — Для эстетического уровня предлагаемой аудитории больше подходят два притопа, три прихлопа, нежели струнный квартет.

— Лев Давидович, приглашены и эти «два притопа», как вы говорите. Поп-трио «Медовый месяц», рок-группа «Капитан Сильвер». Но на борту «Валерия Брюсова» будут и солидные, очень солидные люди. И им хочется другого. Например, приглашен Андрей Зорин, джазовый пианист, восходящая звезда.

— Зорин? — заинтересовался Гринберг. — Тот, что выиграл «Серебряный контрабас»? Это серьезный музыкант, я слежу за его творчеством. Он еще так молод, а уже обошел многих именитых соперников.

— Да. И квартет Альбани станет истинным украшением. А гонорар!

Сумму Беляев назвал тихо. Гринберг немедленно переспросил, так как был абсолютно уверен, что ослышался. Директор уже громче повторил.

— Это на четверых? — Голос Льва Давидовича прервался, но не оттого, что скрипача вдруг обуяла алчность (чувство, ему не свойственное). Просто о существовании в реальности таких денег для не особо известных музыкантов, играющих классику, Гринберг раньше никогда не слышал.

— Для квартета, — подтвердил Беляев. — Как разделить по справедливости, сами решите.

— Но позвольте, позвольте, — взволнованно проговорил Гринберг. — А как же оркестр, основная работа...

— Улаживание разногласий «Старсаунд» возьмет на себя, — пообещал директор. — Рассматривайте круиз на «Брюсове» как просветительскую миссию. Классику — в массы российских миллионеров!

До просвещения миллионеров Льву Давидовичу дела не было, как в принципе, и до астрономического гонорара ему лично. Но ребята, его музыканты! При их нищенской филармонической зарплате и более чем скромных доходах от выступлений квартета — такая сумма! Гринберг понимал, что не имеет права отказаться — ради них.

13

На прошлой неделе Наде Вержиной исполнилось двадцать четыре года. Небольшого роста, чуть полноватая, что лишь прибавляло ей пикантности, Надя не была красавицей, но некая таинственная энергия словно лучилась из ее зеленых глаз. Вот этой-то мистической энергии частенько и недостает стандартным дивам из рекламных роликов. Впрочем, у каждого свое представление о женской красоте, и лицо Нади с высоким лбом, прямым носом, трогательным округлым подбородком и чувственными губами показалось бы привлекательным очень многим мужчинам, но, увы...

Вернувшись из Нижнего Новгорода по окончании консерватории, Надя поступила в филармонический оркестр (а в Самаре, собственно, выбор

для скрипачки был небогат — или филармония, или оперный театр). Но скучные, за редкими исключениями, оркестровые будни не радовали творческими откровениями. Только дома талантливая девушка обретала себя, играя любимых Баха и Чайковского. Вот почему она сразу и безоговорочно приняла предложение Гринберга, которого ценила как мастера и как человека, войти в состав создаваемого им квартета Альбани.

Она как раз только разыгралась на скрипке, когда неожиданно зазвонил телефон, и Надя сняла трубку:

— Алло... Да, Лев Давидович, это я... Конечно, слушаю... Что, что?! Да что вы, Лев Давидович! Разумеется, я еду! А ребятам — Игорю, Антону... Вы уже звонили? Лев Давидович, я так счастлива...

Она попрощалась с Гринбергом, вскочила со стула и провальсировала по комнате к проигрывателю. Нажатие кнопки — и Джон Леннон (третья персона в иерархии Нади после Чайковского и Баха) оглушительно запел «Би-боп-э-лула, шиз май бэйби».

Надя танцевала рок-н-ролл. Вот это событие, и как вовремя! Волга, теплоход, конкурс! Ай да Гринберг!

...В день, когда Надя Вержина исполняла восторженный одинокий танец под музыку Джона Леннона, доверенный человек Хардина закупил у различных фирм пять быстроходных катеров. Своим ходом им предстояло отправиться на базу, замаскированную под невинный лагерь туристов. Именно с этой базы катера-хищники ринутся в ночную атаку на «золотой теплоход» — такое прозвище получил с легкой руки Хардина «Валерий Брюсов».

Рояль звучал тихо и вкрадчиво, нежно-влюбленно, призрачно-прозрачно. Словно это была не музыка, а осторожная расстановка тайных знаков в координатах бытия. Андрей Зорин играл «Обнимая тебя» Гершвина, знаменитую блюзовую балладу. Каждый звук рождался как драгоценность. Так мало нот, так много воздуха...

Мелодия мягко переливалась, мерцала. Андрей закончил балладу в обманчивой ирреальности, где контуры действительного мира размываются окончательно...

«Совсем неплохо, — подумал двадцатишестилетний пианист. — Неплохо, но далековато еще хотя бы до Леонида Винцкевича».

Все-таки присужденный на международном джазовом конкурсе «Серебряный контрабас» (второе место в категории пианистов) — творческий аванс, скидка на молодость... Андрей покосился на себя в зеркало, поправил прядь длинных волос. Собственную внешность он недолюбливал, считал недостаточно артистичной. Высокий, худой, нескладный...

Зорин поначалу противился приглашению на теплоход «Валерий Брюсов», но, в конце концов, согласился, и даже не из-за высокого гонорара.

Хотелось играть, лишний раз выступить перед публикой. Вдобавок заела самарская рутина. Один и тот же круг общения... Хотя ненадолго его сменить.

В кухне засвистел чайник. Андрей снял его с огня, приготовил крепкую заварку. Прихлебывая огненный чай, он задумался о предстоящей поездке. Едва ли она продвинет его в плане мастерства, но разве это в данном случае главное? Вообще, что главное в его жизни? Музыка? Да, есть желание стать первоклассным исполнителем, но... На пресс-конференции после вручения «Контрабасов» (их было всего три — золотой, серебряный и бронзовый, а неудачникам достались поощрительные призы и дипломы) журналистка спросила его:

— Андрей, если бы вам пришлось выбирать между любовью и музыкой, то?..

Он лаконично ответил:

— Конечно, я выбрал бы любовь. — И добавил со смехом: — Только вместе с музыкой!

А с любовью в жизни Андрея Зорина как-то не устраивалось. Бывало, в него влюблялись (и взаимно), но обычно следовали быстрые расставания из-за его вспыльчивого характера. Последняя его девушка сказала перед уходом:

— Тебя невозможно любить дольше двух дней...

Он снова остался один, и это угнетало. Как знать, возможно, на «Брюсове» он встретит кого-то...

Эта мысль согрела, как и горячий чай. Андрей заметно повеселел.

14

В популярном самарском ночном клубе грохотала модная музыка. Около трех часов ночи стеклянная дверь распахнулась, и на улицу вышел крепкий парень в сопровождении попугайски разодетой девушки.

Звали парня Артем Смирнов. Бывший милиционер, ныне он подвизался охранником у владельца фирмы «Южный крест» (одного из спонсоров конкурса на «Валерии Брюсове»). Новая служба ему нравилась — не то, что милицейская лямка, и деньги неплохие. Уже и на машину накопил (вон у клуба стоит «девятка», подержанная, но своя), и на эту шикарную девицу, что шагает рядом, хватило...

Сегодня Артем в последний раз мысленно похваливал стезю охранника. Едва он подошел к машине и вставил ключ в замок дверцы, наработанное еще в милиции «шестое чувство» подсказало: что-то не так.

Смирнов резко обернулся. Он даже не увидел человека с коротким автоматом, скорее чутьем определил место нахождения убийцы. Инстинктивно нырнул под руку девушки и выставил спутницу перед собой как щит.

Простучала автоматная очередь. Пули разнесли голову девушки, разворотили ее грудь. Задело и Артема — в плечо. Швырнув мертвую девицу на асфальт, Артем рванул дверцу и оказался за рулем «девятки». Киллер почему-то замешкался — возможно, заклинило автомат. Артем выхватил пистолет, неприцельно выстрелил и дал полный газ.

Если он полагал, что спасен, то ошибался. Сзади ослепительно сверкали фары помчавшейся следом машины, вновь застучал автомат. Появился бы полицейский патруль... Увы! Артем принялся бросать машину из стороны в сторону, одновременно увеличивая скорость. Преследователи немного отстали, и у него появился шанс. Он затормозил у забора на окраине, выскочил из салона «девятки». Выбив ногой ненадежный замок, шмыгнул в калитку.

В темноте Артем не сумел даже разглядеть, где находится. Какой-то двор... О, если бы и убийцы были так же слепы! Есть ли у них фонарь? Еще бы не было! Но успели они заметить, где спряталась жертва, или нет?

Успели! За забором скрипнули тормоза, хлопнула калитка. Перед притаившимся Артемом замаячили две смутные тени в ночном мраке. Идут прямо на него... Пистолет, к сожалению, остался в кармане, куда он сунул его сразу после выстрела. Артем попытался осторожно вытащить оружие, и тут в лицо ему ударил свет фонаря.

Стрелять киллеры по какой-то причине не стали. Патроны кончились или опасались шума — не все ли равно... Он проклял себя за то, что растерялся от страха и не вытащил пистолет заранее. Тогда точно пристрелил бы обоих. А теперь...

Невидимый за световым конусом фонаря убийца кинулся на Артема. Тот прыгнул навстречу, обхватил противника борцовским приемом. И справился бы с ним, если бы за его спиной не вырос второй...

Нож вонзился под левую лопатку незадачливого охранника. Артем задохнулся, захрипел. Его руки ослабли, отпустили врага, и он упал замертво.

— Долго возились, — спокойно заметил один из киллеров. — Будет нам от хозяина.

— Да ладно... Пошли, — сплюнул второй.

— Погоди, проверю, подход или нет...

Владелец фирмы «Южный крест» Виктор Иванович Кременцов узнал о смерти своего охранника на следующее утро. Он был удивлен и раздосадован, тем более что не находил объяснений. Предупреждение от конкурентов? Но вроде бы никаких трений с ними в последнее время не было. Да и странное предупреждение, если на то пошло — сразу убивать, без телефонных звонков, разборок, угроз... Личные дела парня? Артем во что-то вляпался? Вот это вероятнее всего.

Кременцов поручил расследование убийства своей службе безопасности и позвонил приятелю из охранного агентства.

— Алло, Саша? Кременцов беспокоит. Слушай, тут у меня такая неприятность... Убили моего парня... Нет, не ты его рекомендовал... Да какая разница, я о другом. Скоро конкурс на теплоходе... Слышал, да? Ну вот. Там для моей охраны зарезервированы каюты, и теперь одно место свободно. Что? Да нет, хватает у меня охранников. Хватает, говорю! Но не хочется отправляться с некомплектom, несолидно как-то. Пришлешь кого-нибудь? Условия обычные... Ну, вот и лады.

Повесив трубку, приятель Кременцова тут же перезвонил по другому телефону, и через несколько часов Валерий Званцев получил место личного охранника владельца «Южного креста».

Званцев был человеком Хардина, наметившего общие контуры операции по внедрению своего агента на теплоход. А разработка деталей, конкретное исполнение — всем этим занимался Шадрин. Надо отдать ему должное, он превосходно справился с задачей.

15

Мастер долго вглядывался в лицо Советника, прежде чем посторониться и пропустить гостя в квартиру. Во время обмена приветствиями автоматические фотокамеры фиксировали лицо визитера под всеми углами из-за многочисленных зеркал с односторонней прозрачностью, бесшумно работала включенная на запись аудио- и видеотехника. Советник догадывался о наличии здесь подобных устройств. Принимая нелегкое решение о встрече с Мастером на его условиях и на его территории, он сознательно шел на риск, хорошо понимая, что с Мастером иначе нельзя. Так или никак.

— Вы знаете, кто я, — тоном полувопроса-полуутверждения проговорил Советник.

Букин уселся в кресло и кивнул:

— Вы — настоящий заказчик, в отличие от дешевой «шестерки», зачем-то присланной в прошлый раз. Пока этого довольно. Я вас слушаю.

Советник устроился в кресле напротив Мастера. Хотя он тщательно готовился к разговору, начать оказалось непросто.

— Олег Дмитриевич, — произнес, наконец, он, — наш человек — крупная персона в ФСБ...

— И в этом вся проблема? — скупно улыбнулся Букин.

— Увы, нет, — с досадой поморщился Советник. — Суть в том, что устранение данной персоны, которую мы называем Диспетчером, бросает тень на меня и моих компаньонов... Да что там тень — прямо указывает.

— Это уже интереснее... Значит, он должен умереть естественной смертью?

— Даже и это вызовет подозрения! Необходим абсолютно оригинальный ход. Необходимы вы, Мастер.

— Информация? — осведомился Букин.

Советник вынул из кармана компьютерный диск:

— Здесь все о Диспетчере.

— Все ли? — усомнился Мастер, принимая диск. — Мне могут понадобиться довольно неожиданные сведения. Например, какой сорт зубной пасты предпочитает клиент. Или когда он в последний раз пересматривал любимый фильм...

— Вы получите контактный телефон. По нему сможете запросить дополнительную информацию. Поверьте, мы знаем о Диспетчере достаточно. Одного только не знаем — как убрать его чисто.

— Хорошо. Я ознакомлюсь с вашим диском, подумаю и позвоню вам. Если сочту, что задание в принципе выполнимо, договоримся. Если нет...

— Тогда умереть придется вам, — опрометчиво пригрозил Советник.

— О нет! — от души рассмеялся Букин. — Позже вы поймете почему, если еще не поняли.

Советник уже клял себя за нелепую угрозу.

— Если задание невыполнимо, — хладнокровно продолжал Букин, — мы просто никогда друг друга не видели... Вы можете мне доверять, как доверяют десятки уважаемых людей.

— Не доверяй я вам, разве я был бы здесь? — пробормотал Советник, размышляя о цене так называемого доверия — убойном компромате, каковой, видимо, представляют записи их беседы. Правда, Мастер никогда не пустит их в ход, если не посчитает себя обиженным... А уж коли пустит, то так, что сам ни при каких условиях не окажется под ударом. Жаль, что приходится связываться с этой хитрой безжалостной лисой. Но выхода нет.

Как только Советник ушел, Мастер сел за компьютер. Довольно долго изучал содержимое диска. Жизнь Диспетчера была как на ладони, но Букину она показалась неприступной крепостью, которую не взять ни штурмом, ни осадой. Конечно, убить Диспетчера не сложнее, чем любого другого человека. Однако как выполнить условие Советника? Ни одной стоящей идеи... А что, если... Гм... Пожалуй, это стоит обмозговать...

Через час Мастер уже знал, что согласится. Он нашел путь, дальше — лишь увлекательная игра. Теперь следует, опираясь на фотографии, аудио- и видеозаписи, запустить механизм сбора данных о заказчике, а потом уже позвонить.

Квартет Альбани прибыл на теплоход «Валерий Брюсов» в полном составе. Так как Надя Вержина была единственной девушкой, ей, стараниями господина Беляева, отвели отдельную каюту на второй палубе. Несмотря на некоторую тесноту, каюта показалась Наде очень уютной.

Девушка сразу принялась за распаковку нехитрого багажа и обустройство. Первым делом достала из сумки два аккуратно свернутых плаката и липкой лентой-скотчем прикрепила их над диваном. Первый плакат (черно-белый) изображал улыбающегося Джона Леннона в круглых очках и полосатом костюме. Надя очень любила этот портрет Джона, называла его светлым (он таким и был). На втором плакате красовались китайские мишки-панды. Она вытащила из той же сумки маленький магнитофон под претенциозным названием «Колумбия» (судя по цене и качеству звучания, в этой самой Колумбии его и сделали), поставила кассету со сборником баллад группы «Мэноуор», затем, не торопясь, расставила на столике косметику, развесила на плечики одежду в шкафу... Это занятие не отняло у нее много времени, и Надя решила прогуляться по теплоходу. Переоделась в черную блузку, замысловато прошитую золотистой нитью, и длинную юбку, а в уши вставила любимые сережки в виде серебристых полукружий, усеянных мелкими искусственными бриллиантами.

Людей на палубе было немного — основные спонсоры и большинство участниц конкурса еще не приехали, зато на причале суетились телевизионщики и что-то выясняли друг у друга корреспонденты «желтых» газет. Медленно идя вдоль фальшборта к носу теплохода, она обратила внимание на мужчину в светлом костюме — он курил и наблюдал за газетно-телевизионной суетой. Выглядел мужчина мирно и ничем не напоминал Джеймса Бонда — во всяком случае, ни в одном из его экранных воплощений. Но женским чутьем Надя угадала в нем истинную скрытую силу. Сама не зная почему, она постаралась проскользнуть мимо него поскорее. Давая ей дорогу, Кедрин посторонился и вежливо улыбнулся.

За полчаса девушка обошла весь теплоход. Ради конкурса безымянным ресторанам и салонам «Брюсова» временно присвоили помпезные названия. Носовой ресторан стал «Золотой ланью», кормовой — «Бриллиантовым львом». Музыкальный салон, где планировалось конкурсное действие, получил гордый титул «Зал Короны», а другой превратился в пресс-клуб «Акулы пера». Даже скромный салон отдыха, переоборудованный под элитный ночной бар, теперь выступал как «Магнифико».

— С ума сойти, — усмехнулась Надя. — Лас-Вегас какой-то...

Что до бильярдных, боулинга, соляриев и буфетов, их тоже коснулась изощренная фантазия организаторов конкурса.

Возле приоткрытой двери в «Магнифико» она остановилась — оттуда слышалась музыка, живой джазовый рояль. Надя толкнула дверь и тихо вошла. В совершенно безлюдном баре за белым кабинетным роялем сидел худощавый молодой человек и играл, как ей показалось, что-то из Эллингтона (она слабо разбиралась в джазе).

На самом деле Андрей Зорин исполнял для себя «Около полуночи» Телониуса Монка. Эту вещь, словно насыщенную покоем, только для себя и можно было достойно сыграть... В аскетически прозрачной фактуре баллады смешивалось что-то личное и почти космическое. Андрей мягко приглушил звук, приблизил его к интонациям человеческой речи, а затем обострил гармонии, будто в поисках красок, объемов, протяженности...

Внезапно музыка оборвалась. Надя поняла, что пианист заметил ее, смутилась и хотела, было, уйти, но ее остановил негромко заданный вопрос:

— Вам понравилось?

— Да, — кивнула она и добавила: — В вашей музыке сквозь тысячелойное кружево, сквозь пространство тысячелетий проступает магически возвышенный и сверхреальный призрак...

Это была слегка видоизмененная цитата из «Магии книги» Германа Гессе. Помолчав, Андрей завершил ее:

— ...из тысячи противоречивых черт замороженный в целое лик человека...

— Ого! — воскликнула девушка.

— Ого, — повторил за ней Андрей. — Кто вы?

— Надя... Надя Вержина.

— Что вы делаете на «Титанике», Надя?

— На «Титанике»? — Она засмеялась. — Наверное, то же, что и вы. Ведь вас пригласили развлекать монстров, правда?

— Ну да... Я — Андрей Зорин.

— Конечно! Я должна была догадаться. Лев Давидович говорил.

— Какой Лев Давидович?

— Гринберг, основатель нашего квартета.

— Гринберг? Квартет Альбани?

— Вы нас знаете?

— Только название. И вот, похоже, мне выпадет случай вас послушать.

— Не ждите слишком многого, — предостерегла Надя. — На самарском уровне мы, пожалуй, звучим, но так не хватает времени для репетиций!

— Вы скрипачка, я угадал?

— Угадали.

— И, конечно, вторая скрипка.

— Вы очень проницательны.

— Да это же элементарно, Ватсон! Первая скрипка, разумеется, Гринберг, тут и думать нечего. Не потому, что он основатель, а потому, что это самая сложная работа. Альтистом в квартете должен быть мужчина, это солидно и положительно. Вы могли оказаться виолончелисткой, но тогда походили бы на свой инструмент, а это не на пользу общей картине...

Надя снова засмеялась. Неожиданно ей захотелось говорить с Андреем еще и еще. Им не пришлось бы мучительно подыскивать темы...

17

Любой сторонний наблюдатель мог бы принять лагерь на пустынном волжском берегу за стоянку туристов... Скажем, почти любой, ибо имелись и странности, их было, как минимум, три. Странность первая: лагерь разбит чересчур далеко от населенных мест. Зачем, спрашивается, забираться в такую даль? Ладно, допустим, есть любители... Но — странность вторая: в лагере около тридцати человек, и только мужчины. Ни женщин, ни детей. И, наконец, странность третья: пять первоклассных катеров, оснащенных сверхмощными моторами «Меркюри». Дороговато для простых палаточно-рюкзачных туристов!

Однако чтобы оценить указанные странности и сделать выводы, требовался наблюдатель — внимательный и неравнодушный. А такового поблизости не было, равно как, впрочем, и какого-нибудь другого. Команда Хардина-Шадрина могла без помех готовиться к пиратскому нападению.

Хардин выбрался из палатки, прищурился от яркого солнечного света, обвел взглядом нескольких спящих поодаль бандитов. Гонда, Мох, Гюрза, Блин, братья Крот и Кротик (те, что прикончили охранника Кременцова), Рычаг, Молот... Он снова поморщился, но теперь не от солнца, а потому что был брезглив и терпеть не мог этих собачьих кличек вместо человеческих имен. Хотя, если вдуматься, разве подонкам, отбросам подходят человеческие имена? Разве там, на волжском песочке, режутся в очко Михаил и Александр Кротовы? Да нет. Кроты — они и есть кроты.

Мысль о кротах напомнила Хардину операцию по внедрению Званцева. Не зря он тщательно изучал добытые подручными досье, составлял психологические портреты спонсоров. Один обошелся бы без лишнего охранника, другой взял бы на освободившееся место своего человека... Но Кременцов поступил именно так, как высчитал Хардин (конечно, не без помощи Шадрина и еще кое-кого). Попадание в яблочко. Отлично!

— Как дела с последней партией оружия? — спросил он у подошедшего к нему Нежданова.

— Автоматы «скорпион» доставят к вечеру. Пистолеты, гранаты — полный комплект. Что до остального снаряжения... — начал тот, но вдруг осекся и, проводив недобрым взглядом фигуру Шадрина, промелькнувшую среди палаток, неожиданно проговорил: — Вы ему верите, Виктор Георгиевич?

— Шадрину? — удивился Хардин. — Конечно, нет.

— Ну, так и он едва ли поверил в сказочку об иконах. Как бы нам с вами на этой мине не подорваться...

— На всякую мину найдется миноискатель, Петр Михайлович.

— Что-то вы слишком беспечны...

— Только не беспечен, — возразил Хардин. — Просто из множества предвидимых мною опасностей самой серьезной выглядит не эта... Вот что, Петр Михайлович, давайте-ка взглянем еще раз на график движения «Брюсова».

— Зачем? Мы уточняли раз двадцать. Он поравняется с нами в час ночи...

— И все же не помешает прикинуть погрешности в двадцать первый раз...

18

— Итак, Виктор Александрович, — сказал Барковский, — вот наш груз и отправился в круиз по Волге.

— Да, отправился, — рассеянно подтвердил Шелер.

— А как ведет себя Такоев?

— Никак. И более того, по некоторым признакам я могу догадываться, что эти убийства и для него стали сюрпризом. Возможно, кто-то из его людей перестарался... Ко мне все это не имеет никакого отношения.

— А Такоев может расценить сей факт как признак слабости... Или, как минимум, нерешительности...

— Едва ли, он меня знает... Скорее, как признак моей информированности. Я не считаю нужным форсировать события. Время покажет.

— Вам виднее... Что ж, самая рискованная часть пути нашего груза, транзит до Самары, позади, — продолжал доктор. — Вернее, не самая, а просто рискованная. Потому что дальше никакого риска нет. Теперь ничто не может помешать благополучному прибытию груза в Москву и удачному завершению операции. Вы со мной не согласны?

— Я что-то не пойму, Владимир Сергеевич, к чему вы клоните...

— Я клоню к тому, что теперь, когда будущее операции прояснилось, я хотел бы получить от вас небольшой аванс в счет той суммы, которую вы планируете выделить на мои исследования.

— Почему именно сейчас?

— Потому что эксперименты находятся в той стадии, когда мне крайне необходимо дополнительное оборудование. И такое оборудование уже заказано.

— Да? — нахмурился Шелер. — Вы сделали это, не посоветовавшись со мной?

— Кто из нас ученый, вы или я? Вы разве со мной советовались, когда организовывали транзит? У каждого своя часть работы, Виктор Александрович. Первая стадия тестовых испытаний не за горами. Я не хочу, чтобы все сорвалось из-за того, что мне не хватит самого необходимого.

— Гм... Ну что же, допустим. И сколько вы хотите получить?

— Десятую часть всей суммы, что вы предназначили для меня. Точнее, для нас, потому что...

— Да, да... Но... Так много?

— Так много, Виктор Александрович. Вы должны понять, что я не картошку на рынке покупаю. И не стандартную медицинскую аппаратуру, одобренную Всемирной организацией здравоохранения и Росздравнадзором. Учитывайте накладные расходы!

— Вы ведь знаете мое положение.

— А вам известен выигрыш. К чему эти дискуссии? Вы сделали на меня ставку. Глупо было бы провалить все из-за мелочей.

— Мелочи, — пробурчал Шелер.

— В свете успешного транзита... О чем, собственно, мы спорим?

— Разве мы спорим? Вы получите деньги, доктор. Но не забывайте, что...

— Я обо всем помню, Виктор Александрович.

19

В аптеке Мастера встретила предупредительная женщина средних лет.

— Коранол у вас есть? — спросил Букин.

Женщина в белом халате кивнула, но он не спешил доставать деньги, лишь переминался с ноги на ногу, изображая неуверенность.

— Видите ли, коранол деду посоветовал знакомый врач... Прекрасный специалист... Скажите, это в самом деле хорошее лекарство? Продается ведь даже без рецепта...

С выражением неподдельного сочувствия женщина посмотрела на Букина поверх очков. Она приняла его за представителя вечно коле-

блющейся породы посетителей аптек, склонной сомневаться в обыкновенном аспиристине.

— Патентованное швейцарское средство, — сказала она. — В газетах, наверное, читали?

— Гм... И большой на него спрос?

— Большой.

— Ладно, — вздохнул Букин. — Давайте один флакон...

— Не флакон, а упаковку, — поправила аптекарша. — Флаконы — это для жидкостей...

— Ладно, упаковку... Нет, постойте. Давно вы получили эту партию?

— Месяц назад. Всего месяц, а срок годности коранола — двадцать месяцев! Вас устраивает?

Мастер прекратил расспрашивать аптекаршу и купил-таки пластмассовую цилиндрическую упаковку коранола. Когда фармацевт доставала лекарство, он заметил расположение ящика и приблизительно оценил количество коробок с коранолом (их было около десяти-двенадцати).

Спрятав пластмассовый цилиндр в карман, Букин вернулся к машине. В течение следующих трех часов он объехал еще восемь аптек в разных концах Москвы и везде приобрел по одной упаковке того же швейцарского препарата, но нигде больше никаких вопросов не задавал. Последняя аптека, куда он зашел, располагалась в Строгино, близ улицы Маршала Катукова. Букин нарочно так подгадал — на улице Катукова жил человек, который был ему нужен.

Мастер поднялся на пятый этаж дома, где и обитал тот человек. В дверь он звонить не стал, а постучал четыре раза. Открыл болезненного вида старик. Сочтя приветствия излишними, Мастер прошел в квартиру.

— Чего тебе? — просипел хозяин без тени дружелюбия.

— Отраву, — буркнул Мастер в ответ.

— Эге, Олег... Никак, колоться начал? До добра не доведет.

— Спасибо за совет. Так как?

— Отрава, она разная бывает... И цена разная.

— Что-нибудь новое, из-за границы, синтетическое и помощнее.

— Совсем у парня «крыша» поехала, — заключил старик. — Ну, воля твоя... Есть у меня одна штукавина. Научное название сам черт не выговорит, а любители кличут «небесным поцелуем», слышал?

— Нет.

— Это новинка... Да поосторожнее с ней, не то прямо на небеса и отправись. Сколько доз?

— А сколько граммов в одной дозе? — поинтересовался Букин.

— Граммов? — Старик противно захихикал. — Доза — примерно одна тысячная грамма. А от целого грамма тебе кранты. Да что от грамма — пять доз, и привет...

— Не надо фасовать на дозы, — сказал Мастер. — Давай десять граммов.

— Десять тысяч доз! — Старик присвистнул сквозь щель в передних зубах. — Масштабно мыслишь, Олежка! Только смотри, не ляг кое-кому поперек дороги камушком, в ручеек спихнут...

— Не твоя забота. Ты продаешь, я покупаю.

— Точно, — охотно согласился хозяин. — Деньжат-то у тебя хватит?

— Не хватит, у тебя займу.

Полчаса спустя Букин покинул обиталище наркоторговца, унося запаянный полиэтиленовый пакетик. Конечно, больших денег у Мастера при себе не было, но об оплате договорились. Участники сделки не боялись взаимного обмана — Мастер твердо знал, что в пакетике не сахарная пудра, а старик знал не менее твердо, что в назначенное время деньги ему передадут. Ибо каждому было ясно, что обман означает смерть.

Вернувшись домой, Мастер тут же принялся за работу. Расставил на столе в ряд все девять цилиндриков с коранолом, открыл первый и достал оттуда желтую продолговатую капсулу, составленную из двух половин. Рассчитанным усилием разъял капсулу и высыпал лекарство на бумагу, а взамен наполнил ее «небесным поцелуем». После этого капсула приобрела прежний вид и возвратилась в упаковку. Он поместил эту капсулу не сверху, а в середину, среди прочих, хотя это особого значения и не имело.

Аналогичную манипуляцию Букин проделал еще восемь раз, и теперь во всех девяти упаковках с коранолом находилось по одной капсуле с наркотиком в дозе, многократно превышающей смертельную.

В полиэтиленовом пакетике оставалось еще изрядно «небесного поцелуя». Покупая наркотик, Мастер заранее знал, что десяти граммов ему не понадобится. Но он привык учитывать возможные осложнения, не изменил себе и на сей раз. Если что-то пойдет не так, если безупречно продуманный план даст все же сбой, оставшийся наркотик можно будет использовать в качестве ложной улики против намеченного подставного преступника. Мастер всегда готовил запасные выходы, хотя потребность в них еще никогда не возникала. Пока не возникала...

20

С момента отхода «Валерия Брюсова» от пирса самарского речного порта минуло чуть более двадцати часов. Феерические действия конкурса

красавиц должны были начаться в «Зале Короны» лишь к исходу вторых суток круиза, а сейчас участницы слонялись по теплоходу, раздавали интервью и оттягивались в дискотеках и барах. Наиболее целеустремленные ухитрялись где-то что-то репетировать.

Кедрин — сама элегантность — расположился за угловым столиком в «Бриллиантовом льве». По замыслу, в отличие от богемной «Золотой лани», ресторан имени благородного хищника воплощал респектабельность, так что квартет Альбани именно здесь играл Моцарта для дам и господ. Против Моцарта Сергей ничего не имел, а вот заказанный сорт коньяка терпеть не мог. Он охотнее выпил бы виски, но приходилось соответствовать избранной линии, образу богатого плейбоя, который подходил ему потому, что давал возможность завязывать знакомства, чем он активно и занимался. Он уже знал в лицо и по именам многих пассажиров теплохода и мысленно классифицировал их. Увы, в категорию предполагаемых сопровождающих груза попадали почти все, а дополнительной информации не было.

С бокалом в руке Кедрин, якобы рассеянно, обводил взглядом ресторанную публику. Спонсоры, журналисты, бизнесмены, охранники, конкурсантки, вообще невесть кто... За соседним столиком разыгрывались шахматные баталии (ставки — сотни долларов). Явным фаворитом был угрюмый крепыш, похожий на актера из гангстерского фильма в роли Аль Капоне. От его правого уха тянулся провод наушника, подключенный к плееру на поясе, а левое ухо внимало предложениям ставок. За спиной этого шахматиста, в метре от Кедрина, парень в расстегнутой куртке разговаривал по радиотелефону, потом спрятал аппарат в карман.

К столику Кедрина подседа полуодетая блондинка штампованной внешности, явно конкурсантка.

— Привет, — пропела она. — Скучаете?

Сергей ответил неопределенным жестом.

— Да, тут не больно-то повеселишься, — продолжала блондинка таким тоном, будто знала Кедрина с рождения, а расстались они минуту назад. — Все ужасно важные, а музыка эта! В «Лань» надо идти. Я так устала... Подготовка к конкурсу — ад кромешный. С утра до ночи на шпильках. Но зато надеюсь победить. — Она широко и несколько вульгарно улыбнулась. — Где тут конкуренция, кому нужны кошки эти крашенные? Посмотрите-ка вон на ту у стойки, мисс хрен знает что!

Кедрин послушно взглянул в указанном направлении и пробормотал из вежливости:

— Ну, пожалуй...

— Нет, вы посмотрите, что на ней надето! Как она не поймет, что все эти накладные плечи и платформы ушли в прошлое вместе с Версаче... Сейчас самый писк — исторический максимализм!

— Ну да?! — искренне изумился Сергей.

— Конечно! Исторические ткани, меха, натуральная кожа со старомодными материалами, самое оно! Что угодно, но ближе к истории. Валенные платья с тесьмой... Костюмы в полосочку в духе нэпа... Шляпы английского трубочиста — полный отпад! Бархат деборе, вязаные крючком кофточки с меховыми воротниками! Главное — не скрывать формы тела. Все полупрозрачное, с намеком...

Слушая просвещенную блондинку, Кедрин качал головой. За какие-то полминуты он узнал столько нового и интересного...

И тут вдруг на его плечо опустилась чья-то железная рука. Он попытался стряхнуть ее, но не смог. Тогда Сергей повернул голову — над ним глыбой нависал гроссмейстер «Аль Капоне».

— Успел познакомиться с моей девчонкой, а? — зловеще прошипел шахматист и прикрикнул на девушку: — В каюту, живо!

Блондинка сорвалась со стула, а на ее место плюхнулся здоровяк.

— Ну что, умник? — скрипнул он зубами.

— В каком смысле? — осторожно осведомился Кедрин.

— Что делать-то будем? По стенке тебя размазать или как? Да ладно, не трясись, я тебя убью морально. Сыграешь со мной в шахматы. Выиграешь — твоя девчонка. Проиграешь — платишь мне пять штук баксов.

— Не пойдет, — покачал головой Сергей.

— Как это, «не пойдет»?!

— Не пойдет, потому что ваша девушка мне совершенно не нужна.

— Ай да умник! Не прост! — расхохотался «Капоне». — Ну, будь по-твоему. Играем на пять штук с каждой стороны.

— Я не хочу играть.

— А в Волге плавать хочешь?!

— Что ж, извольте... — пожал плечами Сергей.

— Прошу за шахматный столик! — обнажил в ухмылке зубы «Капоне».

Никто в «Бриллиантовом льве» уже не слушал квартет Альбани, никто не беседовал о важных или неважных делах. Шахматная партия с такой приличной ставкой привлекла всеобщее внимание. Вокруг столика толпились любопытные.

По жребию Кедрину достались черные фигуры. «Капоне» небрежно двинул королевскую пешку, даже не сбросив наушника. Партия началась.

Довольно скоро Сергей понял, что проигрывает. Правда, ему удалось решить почти абстрактную задачу по выбору пешечной структуры, но вот с расположением короля он допустил тяжелую позиционную ошибку. Ему следовало держать короля в центре, куда стягивались силы для основных сражений, а не уводить на ферзевый фланг, к тому же притормозить пешку

противника, разменять ладьи... Он не сделал этого. Белый король вторгся в центр, и положение черных из критического превратилось в безнадежное.

Вокруг столика раздавались «охи» и «ахи», Кедрин же сохранял полное хладнокровие. Казалось, явный проигрыш несколько не обескуражил его. Более того, он словно и не стремился выиграть. Две трети его промахов и просчетов объяснялись тем, что он играл вполсилы, не давая себе труда особенно задумываться.

— Отлично держится парень, — шепнул кто-то в кругу зрителей. — Или не жалко ему пяти штук?

— Сдаешься? — рявкнул «Капоне».

— Одну минуту, — спокойно проговорил Сергей и обратился к стоявшей поодаль девушке: — У вас есть пилочка для ногтей? Одолжите ее мне ненадолго, пожалуйста.

Получив пилочку, он наклонился к шахматной доске и вставил ее острый конец в щель между черной и белой клеток. Белая пластинка легко отскочила. Под ней обнаружилось переплетение тонких серебристых проводов. Сергей продолжал взламывать покрытие доски — под всеми клетками тянулись те же провода. «Капоне» сидел красный, как помидор.

— Что это значит? — громыхнул чей-то бас.

— Минуту, — повторил Кедрин и отковырнул очередную пластинку в центре доски. В углублении пряталось миниатюрное электронное устройство. — Номер один, — произнес он менторским голосом. — А вот номер два. Разрешите... — Перегнувшись через столик, он снял плеер с пояса опешившего противника и той же пилочкой вскрыл его, предварительно отсоединив шнур наушника.

Вместо обычного механизма взорам присутствующих предстал сложный лабиринт микросхем и что-то похожее на маленький дисковод. Сергей бросил прибор на шахматную доску и громко — для всех — объяснил:

— Перед вами шахматный микрокомпьютер, господа. В доску вмонтирован радиопередатчик, проложена сеточка проводов — сенсоров. Приемник здесь, — кивнул он на лже-плеер. — Таким образом, каждый сделанный ход анализировался компьютером, и через наушник машина подсказывала ответ. Думаю, это не такой мощный компьютер, с какими играли Каспаров и Крамник, но... — Жесткий взгляд Кедрина уперся в лицо Капоне: — Вы называете это честной игрой?

— Мошенник! — выкрикнул женский голос.

Поднялся невообразимый гвалт. Бедный квартет Альбани от растерянности заиграл громче. «Капоне» грузно встал из-за стола и со злостью процедил:

— Я рассчитаюсь с тобой, умник!

— Пока будет достаточно, если вы рассчитаетесь с проигравшими, — невозмутимо парировал Кедрин. — То есть вернете им деньги.

Расталкивая собравшихся могучими плечами, «Капоне» проследовал к выходу.

— Сомневаюсь, что до конца кризиса он часто будет показываться из каюты, — заметил Сергей, — поэтому, если кто-то захочет получить свой проигрыш назад, прошу к нему... Упрямитесь он не станет.

Под громкие аплодисменты Кедрин вернулся к своему столику и допил коньяк. Отголоски скандала постепенно стихали, когда к нему подошел молодой человек в джинсовом костюме.

— Здравствуйте... — замаявшись, проговорил он. — Меня зовут Андрей Зорин... Я пианист...

— Очень приятно. Зубарев, Виктор Петрович.

— Можно присесть?

— Пожалуйста...

Андрей принес рюмку со своего стола, пригубил, набрался мужества и спросил:

— Если это не слишком бестактно... Если не секрет... Как вы догадались?

— Никаких секретов, — улыбнулся Сергей. — Все очень просто. Когда этот тип обдирал очередную жертву, возле меня юноша разговаривал по телефону. Видимо, передатчик нашего гроссмейстера и телефон работали на сходных частотах. Я обратил внимание, что когда на доске передвигалась фигура, в трубке всякий раз раздавался характерный треск.

— И все? — разочаровано протянул Андрей.

— Почти. А вы ожидали детектива?

— Чего-то в этом роде, — признался пианист.

Квартет Альбани умолк после бурного финала некоего современного произведения, и в относительной тишине (если не считать болтовни за столиками) выделился интеллигентный баритон:

— Господа музыканты...

— Слушаю вас, — отозвался Гринберг.

— Нижайшая просьба... Если это вас не затруднит...

— Вы просите что-то сыграть? — помог Лев Давидович.

— Вот именно... Адажио Барбера.

— Охотно! — поклонился Гринберг. — Это и мое любимое произведение.

Зазвучала музыка, и Кедрин почему-то ощутил внутреннюю настороженность. Он не слушал, что говорит ему сидящий рядом Андрей Зорин, а пытался ухватиться за смутную ассоциацию... Адажио Барбера? Сергей готов был присягнуть, что слыхом не слыхивал ни о каком Барбере и его

адажио. Или... Стоп, стоп, надо развернуть цепочку воспоминаний... Свиридов, Благин... Бизнесмен Егоров, его встреча с неизвестным... По радио звучала классическая музыка, и неизвестный сказал: «Я предпочитаю рыжую Барбару». Но Благин не был уверен в этих словах. Он предполагал и «бесстыжую Барбару», и «кражу у Барбары»... А если неизвестный сказал другое? Если он сказал: «Я предпочитаю адажио Барбера»?

— Андрей, — оборвал пианиста на полуслове Кедрин, — кто такой Барбер?

— Простите, что? Ах, Барбер... Сэмюэль Барбер, американский композитор.

— Я понимаю, что не дворник. Как, по-вашему, он достаточно популярен? Среди ценителей симфонической музыки?

— Популярен? — Андрей дернул плечом. — Да нет, едва ли. Популярны Чайковский, Бетховен... А Барбер... на любителя.

— Значит, найдется не так много людей, способных заказать музыкантам адажио Барбера?

— А, вот вы о чем... Полагаю, немного. Но у этого господина причудливый вкус. Часа три назад я играл в «Магнифико». Я джазовый пианист... И как вы думаете, что он мне заказал? Фридрихельма Шенфельда!

— Это что, большая редкость?

— Большая редкость! — фыркнул Зорин. — Даже среди продвинутых джазменов один из десяти знает, кто такой Фридрихельм Шенфельд. Но вот видите, этот дяденька знает. А тут еще и Барбер... М-да...

— А вы, часом, не познакомились с этим дяденькой? — вкрадчиво спросил Сергей.

— Поговорили немного.

— Он вам представился?

— Да, Николай Иванович Картунов, из фирмы... Как ее... «Селена»? «Сабрина»? Не помню, как-то так... Извините! Мне пора, — вскочил вдруг со стула Андрей, так как квартет Альбани уже закончил свое выступление, и ему хотелось перехватить Надю Вержину. Кедрин остался в одиночестве, что его устраивало и избавляло от расспросов о причине интереса к личности Картунова.

За новым бокалом постылого коньяка он глубоко задумался. Полученная информация могла оказаться и бесценным кладом, и «пустышкой», а рыжая Барбара могла быть именно рыжей Барбарой, и ничем иным. Но, так или иначе, Картунов теперь в центре внимания. Выяснить, в какой каюте он живет, проще простого, а дальше? Обыск? Вряд ли Картунов (если это он) держит свой чертов груз под диваном. А впрочем, почему бы и нет? Не могли ведь они не позаботиться о радиационной защите.

Сергей взглянул в направлении Картунова. Тот сидел вместе с каким-то мужчиной средних лет, они негромко переговаривались. Расстояние было слишком велико, и до Кедрина не долетало ни слова, к тому же бармен включил музыку, расслабляющий саксофонный блюз.

Блюз действительно расслаблял, и трое-четверо бизнесменов, пребывавших навеселе, уже танцевали с конкурсантками (трезвыми, спиртное им не полагалось).

А тем временем «Валерий Брюсов», как большой беззащитный кит, скользил по воде навстречу пяти катерам Хардина, пяти акулам, притаившимся во тьме.

21

— Как тебе наша музыка? — спросила Надя после того, как Андрей провел ее к столику в «Бриллиантовом льве».

— Репертуар или исполнение? — дипломатично уточнил Зорин.

— И то, и другое.

— Репертуар — четверка, исполнение — три с плюсом...

— Я тебе говорила, — вздохнув, произнесла девушка. — Репетировать некогда. Вот «Виртуозы Москвы» почему действительно виртуозы? Потому что пилят по шестнадцать часов в день, семей не видят... А у нас — утром в филармонии репетиция, вечером — концерт... Откуда время взять для квартета?

— Не огорчайся, — участливо произнес Андрей. — Может быть, я слишком суровый критик. И потом, я не специалист по такой музыке, сужу на уровне дилетанта.

— Да нет, ты прав... Тройка с плюсом — даже чересчур щедро.

— А знаешь что, — неожиданно предложил Андрей, — давай уйдем отсюда, надоел этот ресторан.

— Давай, — охотно согласилась Надя. — Проводишь меня до каюты?

— Конечно, и с огромным удовольствием, — улыбнулся Зорин.

Расплатившись с официантом, они покинули зал и поднялись на палубу. Андрей довел девушку до ее каюты, попрощался и направился к себе. Остановившись перед запертой дверью, вдруг понял, что не помнит, куда положил ключ, и стал судорожно искать его. В джинсах нет... В куртке нет... В нагрудном кармане рубашки тоже нет! Проклятье... Очевидно, ключ выпал в ресторане, и где его теперь прикажете искать?! Конечно, у кого-то должен быть запасной, но у кого? Алкогольные пары мешали соображать. Придется лезть в окно, оно, к счастью, осталось приоткрытым. Правда, на палубе полно народу... Заметят, ну и что! Он ведь в свое окно лезет, не в чужое. Парень ключ потерял, понятно?

Над Волгой давно сгустились сумерки, но теплоход был ярко освещен. Откуда-то доносился низкий рокот группы «Капитан Сильвер». Андрей стал отсчитывать окна, пытаясь вычислить собственную резиденцию, ибо внутри большинства кают царил темнота, и рассмотреть что-либо было невозможно. Семь... Восемь... Девять...

Кажется, здесь. Да, и окно приоткрыто сантиметров на десять, как он оставил.

Оглядевшись, Андрей никого не увидел поблизости. Ну и отлично... Он рывком опустил оконную раму до упора и неуклюже ввалился внутрь, путаясь в шторах. Нащупал кнопку настольной лампы, зажег свет... Тьфу! Совершенно незнакомая двухместная каюта. Надо же было так промахнуться... Лезть обратно в окно? Но если теперь засекут, доказывай, что ты не верблюд... Побьют еще, эти могут... Лучше отпереть дверь изнутри, а потом захлопнуть. Сначала прикрыть окно, так... Только бы в коридоре никого не оказалось!

Как назло, в коридоре слышались шаги и голоса. Ладно, подождем, пусть пройдут...

Но шаги замерли у двери каюты, куда попал Андрей, как в ловушку. В замочной скважине щелкнул ключ.

Инстинктивно Андрей метнулся в туалет, захлопнул за собой дверь и тут понял, как глупо поступил. Останься он на виду, мог надеяться объяснить хозяевам свою ошибку. Но что он скажет, спрятавшись в туалете? Идиотское положение, если не хуже.

— ... не по себе, Николай, — донеслось до него окончание фразы. — Как подумаю, что мы практически сидим на атомной бомбе...

— Но это еще не атомная бомба, — успокоил второй. Андрей узнал голос меломана, просившего сыграть Фридриха Шенфельда и адажио Барбера. — Плутоний, пусть и оружейный, сам по себе не взрывается. И радиация нам не угрожает, контейнеры надежны.

С Андрея мгновенно слетел весь хмель. Плутоний?! Радиация?!

— Я не специалист, — пробурчал первый. — Может, и не взрывается, да только боюсь, влипнем мы в историю с этим доктором... Как его, Барковский?

— Барковский.

— Кто он, собственно, такой есть?

— Человек Ферязина, — кратко пояснил Картунов.

— Это я знаю! Но о чем это говорит? Слушай, ты же был в этой его... лаборатории, клинике или что у него там...

— А как же, был. Ездили с шефом... Вроде инспекции. Босс на слово вряд ли поверил бы. Только разговоров я их не слышал, это они без меня...

— И что ты там видел?

— Да черт его знает.

— То есть как это? Видел — и не знаешь, что?

— Вот так, Игорь. Все у него там забито какой-то аппаратурой, вроде медицинской...

— Вроде?

— Ну, я-то в больницах навалялся... Ты же знаешь, меня дважды с того света вытаскивали после горячих дел.

— Знаю, — подтвердил Игорь.

— Вот и посмотрелся на медицинские машинки, самые разные. Но такого, что у нашего доктора, нигде не видел... Особенно одна машина — жуть во мраке! Как робот какой-то. На передней панели — два зеркальных круга, вроде как два глаза. А в них звезды зеленые...

— Какие еще звезды?

— С тремя лучами, как эмблема «мерседеса». Все было выключено, но все равно жутко смотреть! Представляю, когда он ее включает...

— Интересно, что он со всем этим делает...

— Да какая нам разница! Привезем плутоний, сдадим — и порядок. А об остальном пусть у шефа голова болит.

— Лишь бы все прошло нормально в Москве! Я совсем не уверен, что...

— Не каркай, мысли позитивно, — перебил Картунов с благодушной интонацией. — Не начинай ни одной фразы с минуса, со слов: «Опасаясь, что...» Начинай с плюса: «Я уверен, что...» И все устроится.

— Ты мистик? Вот не знал.

— Я прагматик! Не падай духом, Игорь! Золотой значок доллара — перечеркнутая змейка — сияет впереди, озаряя наш путь...

Игорь неопределенно хмыкнул. Андрей стоял в холодном поту, ни жив ни мертв. Он услышал такое, за что убивают. Когда его обнаружат, — а обнаружат непременно, пойдет же кто-нибудь из них в туалет! — его убьют... Он чуть не заплакал от страха и отчаяния.

Неужели нет выхода? Может быть, они лягут спать, и тогда... Но перед сном почти наверняка зайдут в туалет! Не один, так другой.

Тут в дверь каюты постучали, и женский голос позвал:

— Николай Иванович!

— Моя, — тихо сказал Картунов Игорю и открыл дверь.

— Николай Иванович, вы идете в «Золотую лань»? — прощепетала женщина. — Там концерт «Медового месяца»...

— Душенька, — Картунов понизил и без того волнующий баритон до уровня полной интимности. — Все «Медовые месяцы» на свете я отдал бы за один медовый месяц с вами, но, увы, вынужден отказаться. Моя тонкая

нервная организация не выдержит подобной музыки. То ли дело тот молодой пианист. Гений, заслушаешься! Интересно, где он?

«Ближе, чем ты думаешь», — мелькнуло у Андрея.

— Так пойдёмте, разыщем его! — воскликнула женщина. — Может, он в «Магнифико» или в «Бриллиантовом льве»...

— Идёмте... Игорь, ты идёшь?

Сердце Андрея застучало в приливе надежды. Сейчас они уйдут! Но от ответа Игоря Зорина снова бросило в ледяной пот.

— Нет, устал... Почитаю немного и лягу. Ты скоро?

— Не скоро, — усмехнулся КОРТУНОВ.

Клацнул замок закрывающейся двери. В каюте звучали шаги, это Игорь неспешно расхаживал взад и вперед. Всякий раз, когда он приближался к туалету, Андрей мысленно прощался с жизнью. Он не строил иллюзий насчет своей физической подготовки и был уверен, что вряд ли сумеет одержать верх в рукопашной.

Наконец шаги стихли. Зашелестели страницы книги, потянуло дымком сигареты. Очевидно, Игорь устроился уютно, всерьез и надолго.

Сколько прошло времени, Андрей определить не мог. Полчаса, час, два? Ноги не держали, и он бесшумно опустился на пол.

Внезапно золотистая полоска света под дверью погасла. Лег спать?! Кажется, да. Появляется шанс, но надо выждать... «Боже, — мысленно взмолился Зорин, — если ты есть, сделай так, чтобы не пришел КОРТУНОВ!»

И тут до него донесся громкий храп... «Неужели заснул? Надо попытаться!»

Осторожно, очень осторожно Андрей открыл дверь туалета, шагнул к наружной двери, дотянулся до ручки, нажал... О, какой ослепительный свет! Он, как угорь, выскользнул в коридор и по миллиметрам, чтобы не щелкнула, вернул ручку в первоначальное положение.

Коридор был безлюден. Повезло?! Вдруг Андрей с ужасом понял, что не помнит, закрыл ли за собой дверь туалета... Но так ли это важно? Игорь спит. Вернувшийся КОРТУНОВ если и обратит внимание, то подумает, что дверь открыл Игорь, а наутро вообще об этом забудет... Или нет? Господи, от перенесенного кошмара совсем мозги не работают!

Добежав до своей каюты, он машинально сунул руку в карман за ключом. А, дьявол!.. Пришлось разыскивать господина БЕЛЯЕВА. Тот долго заводился спросонья, но, в конце концов, отправился вместе с Андреем добывать запасной ключ. По дороге поинтересовался, почему его подопечный так бледен, и укоризненно покачал головой, услышав ссылку на спиртное. Запасной ключ был найден, и господин БЕЛЯЕВ пожелал господину ЗОРИНУ доброй ночи. Весьма уместное пожелание...

В каюте Андрей без сил рухнул на диван. Непослушными руками выцарапал сигарету из пачки, закурил.

Он был на волосок, да что там — на полмикрона от смерти... Он спасся, и что теперь? На теплоходе везут оружейный плутоний, применяемый для изготовления атомных бомб. Подготовка террористического акта? Атомный взрыв в Москве? Да какая разница, взорвется бомба в Москве или где-то еще. Везде живут люди. Необходимо что-то делать, но что? Пойти к капитану? А мыслимо ли, чтобы капитан не знал, что творится на его теплоходе? Может знать, а может и не знать. Пятьдесят на пятьдесят. На первой же стоянке бежать в полицию? Да его попросту на смех поднимут с такой историей.

Неожиданно Андрей вспомнил о человеке, с которым беседовал в «Бриллиантовом льве». Зубарев, разоблачивший шахматного афериста. Было в нем нечто располагающее, вызывающее доверие. И он расспрашивал о КОРТУНОВЕ. Почему? Простое любопытство по поводу необычных музыкальных вкусов или... Будь он сообщником КОРТУНОВА, не стал бы расспрашивать. А может быть, он сотрудник какой-нибудь спецслужбы? Снова пятьдесят на пятьдесят! Но в глубине души Андрей почему-то верил, что на Зубарева можно положиться.

22

Часы на приборной панели в машине Мастера показывали без четверти три. Три часа ночи — время действовать. Он запахнул просторную куртку, вышел под моросящий дождь и через десять минут достиг той аптеки, где выспрашивал о кораноле. Быстро оглядел пустынную улицу, свернул в подворотню и подошел к двери служебного входа.

Как он заранее выяснил, сторожа в аптеке не было, зато была сигнализация самой современной системы. Считалось, что теоретически ее невозможно отключить снаружи. «Теоретически, — усмехнулся про себя Мастер, — но не практически для высококлассного специалиста-электронщика».

Он надел тонкие перчатки, достал из кармана плоскую металлическую коробочку с мерцающим красным индикатором, прижал к дверному стеклу и осторожно повел снизу вверх. Когда красный огонек сменился зеленым, Мастер удовлетворенно прошептал: «Здесь».

Он нащупал критическую точку, где было можно включиться в цепь на частоте, близкой к частотам паразитных радиоизлучений датчиков сигнализации. Из недр прибора Мастер круговыми движениями вывинтил прищипки и укрепил коробку на стекле, затем нажал кнопку, замкнув цепь. Сделано. Сигнализация не сработает.

Вскрыть замок — задача более сложная. Мастеру требовалось не просто открыть дверь, а открыть так, чтобы никакая экспертиза не установила факт вторжения постороннего. Добрых пятнадцать минут провозился он с инструментами, пока не щелкнул замок, и он проник в подсобное помещение аптеки, а оттуда — в торговый зал. Узкий луч потайного фонаря осветил поблескивающую ручку ящика, где хранился коранол. Выдвинув ящик, Мастер извлек одну из коробок, содержащую двадцать упаковок и запечатанную бумажной бандеролью, поставил ее на витрину и вынул маленький пульверизатор особой конструкции, заряженный специальным химическим составом. После недолгой обработки бандероль легко отклеилась. Мастер выхватил из коробки упаковку коранола, заменил ее принесенной с собой и быстро приклеил бандероль на место. Теперь клей снова застынет, и никто не сможет определить, что коробку открывали.

Та же судьба постигла следующие семь коробок. Три из них Мастер расположил ближе к дну ящика, остальные наверху. Все. Этап завершен. Осталось покинуть аптеку, запереть дверь и снова включить сигнализацию.

Уже сидя в машине, он позволил себе стереть пот со лба. Восемь упаковок коранола (по одной отравленной капсуле в каждой) попали туда, куда и было предназначено. Девятой упаковке предстояло сыграть свою роль только утром.

23

К полудню в «Зале Короны» началось что-то среднее между генеральной репетицией и первым туром конкурса красавиц. Толпа журналистов задавала участницам вопросы: «Есть ли у вас вредные привычки?» (ответ: «Белая зависть»), «О чем мечтаете?» (ответ: «Слетать на Луну»), «Тяжело быть красивой?» (ответ: «Временами да»). Словом, шла блестящая интеллектуальная пикировка.

Ни Надю, ни тем более Андрея данное зрелище ни в коей мере не интересовало. Они стояли на палубе и делали вид, что любят волжскими берегами. Невыспавшийся Андрей думал только о том, что до сих пор не смог найти Зубарева. Надю, в свою очередь, беспокоило угнетенное состояние Андрея.

— У тебя есть бинокль? — спросила она.

— Бинокль? Да нет, зачем он мне?

— Красиво! — махнула она рукой куда-то вдаль.

— И так видно, — бросил Андрей.

Вдруг он уловил какое-то движение за спиной и обернулся. Поодаль стоял Зубарев с зажженной сигаретой в руке. Он приветствовал Андрея кивком и улыбкой, а жестом дал понять, что уходит и мешать им не намерен.

— Надя! — Андрей вцепился взглядом в спину удалявшегося Зубарева. — Пожалуйста, подожди меня, здесь или в каюте... Я должен с ним поговорить.

— Зачем? — удивилась девушка.

— Потом, все потом... — выкрикнул Андрей и кинулся за Зубаревым.

Тот уже входил в «Золотую лань», где сейчас никакой поп-музыки не звучало, и посетителей кот наплакал, если пользоваться народной метафорой. По обыкновению Кедрин выбрал угловой столик и сделал заказ. Андрей подсел к нему и поздоровался:

— Добрый день, Виктор Петрович!

— Здравствуйте, Андрей.

Далее над столом повисло молчание. Кедрин отлично видел, что парень нервничает.

— Выкладывайте, что у вас? — мягко поднажал он.

— Вы интересовались КОРТУНОВЫМ?

— Да.

Андрей втянул голову в плечи, как перед прыжком в холодную воду. Пожалуй, не имеет смысла тратить время на предисловия, прощупывания. Перед ним опытный пронизательный человек, он мгновенно раскусит любую игру Андрея. Или говорить, или уходить. Зорин решил.

— Виктор Петрович, как бы вы отреагировали, если бы я сообщил вам, что КОРТУНОВ везет ПЛУТОНИЙ?

— А почему вы решили, что он везет плутоний? — спокойно и доброжелательно осведомился Кедрин.

— Я вчера напился... Ключ от своей каюты потерял. Влез в окно, да перепутал каюту, а это оказалась каюта КОРТУНОВА! Там никого не было, а потом пришли КОРТУНОВ и его приятель ИГОРЬ. Я в туалете спрятался и все слышал. Этот Игорь сказал, что ему не по себе, потому что они практически сидят на атомной бомбе. А КОРТУНОВ ответил, что это еще не атомная бомба, а оружейный плутоний, и сам по себе он не взрывается. Из их разговора понятно было, что они везут этот плутоний кому-то в Москву... Потом за КОРТУНОВЫМ пришла какая-то женщина, и он ушел, а Игорь спать лег... Тут я выбрался. Думал, что делать, и решил все вам рассказать.

— Я несколько не удивлен.

— Вы... Знали?

— Догадывался.

— Но кто вы?

— Не так уж важно, кто я, — отмахнулся Кедрин. — Важно то, что вы поступили верно, придя ко мне. И еще то, что я стремлюсь не допустить доставки плутония по назначению.

— Мы должны отыскать способ связаться с ФСБ.

— А вот этого делать ни в коем случае не следует, — предостерег Сергей. — Те люди в ФСБ, которым нужно знать, знают. Но там есть и другие.

— Заговор?!

— Андрей, я очень прошу вас: никакой самодеятельности. Предоставьте все мне. Довольно и того, что вы подтвердили мои подозрения...

Мысли Андрея заметались. Почему Зубарев отверг предложение обратиться в ФСБ? А если он... Снова ничего не ясно!

Кедрин тяжело вздохнул. Он понимал, о чем думает пианист. Наломает еще дров... Придется прибегнуть к «легенде», оно надежнее будет. Врученное Кедрину Свиридовым удостоверение появилось перед глазами Зорина.

— Слава Богу! — вырвалось у Андрея. — Но что же мне делать? Я мог бы помочь вам...

— И поможете. Тем, что не будете мешать. Развлекайтесь, играйте джаз. Держитесь подальше от Картунова и его дружка. Вы приняли решение — уверяю вас, правильное, в чем еще убедитесь. А сейчас забудьте. Что бы вы там ни надумали, обратного хода нет. Теперь идите.

Когда за Андреем закрылась дверь, Сергей закурил и плеснул немного коньяка в бокал.

Итак, половина задания Свиридова выполнена — определены люди, везущие груз, по крайней мере, двое из них. Что дальше? Можно дождаться стоянки и по телефону передать их имена полковнику. Но что это даст, если и сам Свиридов находится в ситуации окруженного охотниками волка? Нет, пока нет. Необходимо обнаружить и изъять груз, установить имена людей, являющихся контролерами операции в ФСБ... Вот тогда будет что подарить Свиридову к прибытию теплохода в Москву. Как это сделать — вот задача, над которой теперь предстоит поломать голову... Ведь Сергей отлично помнил слова, сказанные ему Свиридовым на прощание: «Скорее всего, меня убьют...» А он не мог и не хотел подвергать друга дополнительной опасности. Когда-то Свиридов спас ему жизнь, рискуя своей собственной. Настало время возвращать долг.

24

«Зал Короны» сиял всеми огнями праздничной иллюминации, дополненной безжалостными осветительными приборами телевизионщиков. На подиуме исходили взаимной черной завистью разнообразные мисс в роскошных вечерних платьях. Жюри состояло из выдающихся фигур бомонда. Известный режиссер, знаменитый шоумен, представители каких-то фондов, даже некая особа, приближенная чуть ли не к Кремлю.

Зрители — в основном спонсоры и их присные — исправно аплодировали, поддерживая собственных претендентов. За третье место полагались великолепные золотые часы престижной швейцарской марки, за второе — шикарная шуба, за первое — автомобиль. Понятное дело, автомобиля на «Брюсове» не было, его заменял конверт с обещанием.

Кедрин в «Зале Короны» не присутствовал. В течение дня ему так и не удалось осуществить задуманный обыск каюты Картунова. Он много раз проходил мимо окна этой каюты, и всегда либо Мазин, либо Картунов были на месте. Лишь к полуночи он увидел Картунова и Мазина вдвоем в «Бриллиантовом льве». Судя по заказанному ими ужину, мужчины устроились основательно, что и требовалось. Сергей вышел из ресторана и зашагал по коридору. Никто не попался ему навстречу. Пассажиры «Валерия Брюсова» наслаждались конкурсом или веселились в ресторанах и барах.

Дверь каюты он вскрыл при помощи пилочки для ногтей, которую забыл вернуть после триумфа над лжегроссмейстером. Прежде чем зажечь свет, опустил плотную штору из кожзаменителя.

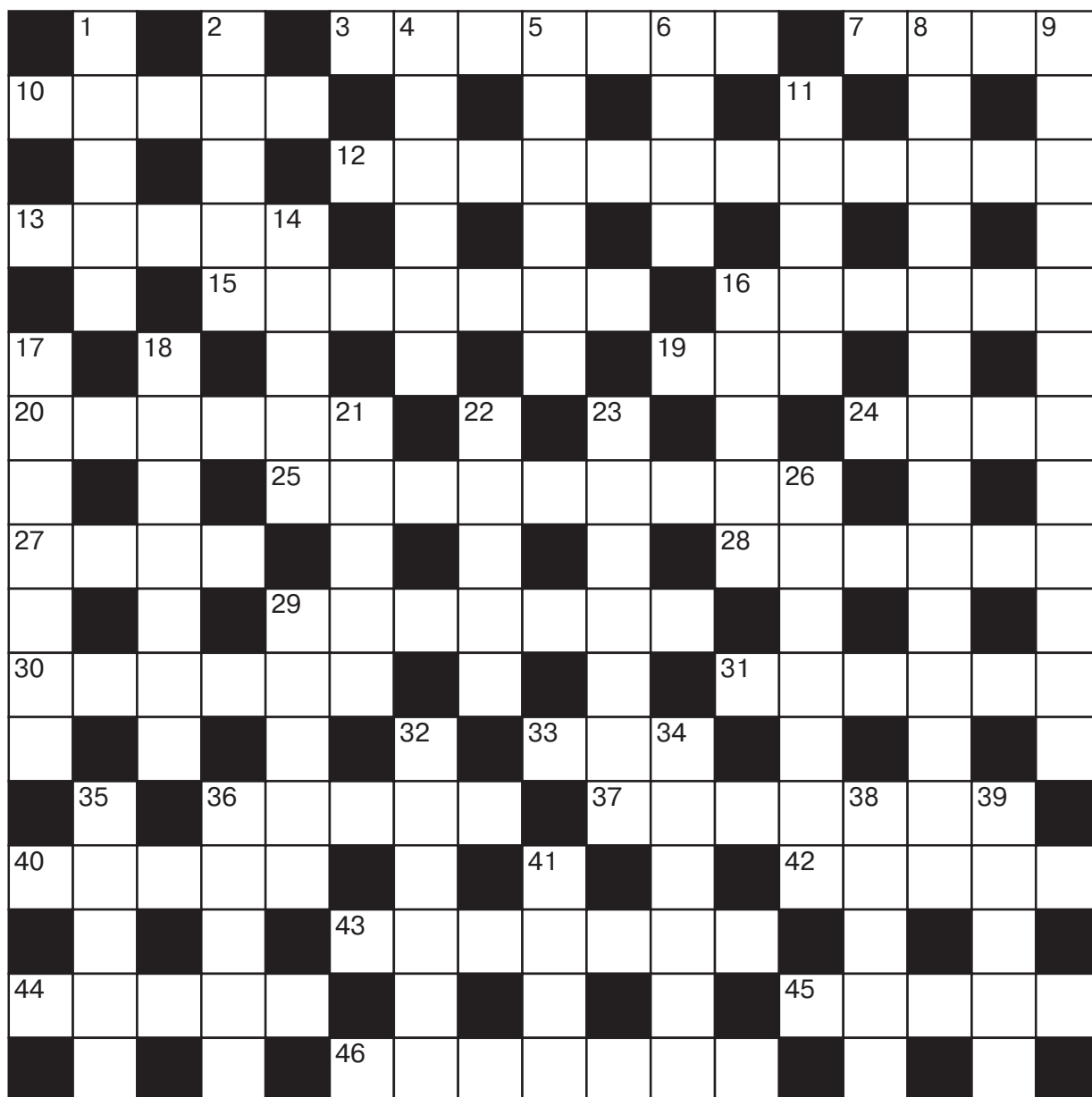
Систематический обыск начался с чемоданов. Чемоданы эти оказались самыми обыкновенными, не запертыми, и в них не нашлось ничего примечательного. Как, впрочем, и в тумбочках, и в карманах костюмов в шкафу, и в багажном ящике под диваном... Слабая надежда обнаружить что-нибудь вроде записной книжки рассеялась как дым. Что до контейнера с плутонием, Кедрин всерьез и не рассчитывал обнаружить его в каюте.

Провозившись около получаса без всяких результатов, он восстановил нарушенный порядок и вернулся в ресторан. Мазин и Картунов все еще были там, а поодаль от них сидели за столиком Андрей Зорин и девушка из квартета, Надя — так Андрей называл ее тогда на палубе. Музыканты выглядели как заговорщики. Сердце Сергея беспокойно стукнуло. Не пришло ли Андрею в голову поделиться своим открытием с девушкой, не замышляют ли они чего? Неприятностей не оберешься, а может случиться и настоящая катастрофа...

Насчет катастрофы Кедрин был прав, но надвигалась она совсем с другой стороны... □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Каблук «с осинной талией». **7.** «Долгий жизненный ... надежнее панциря черепахи» (японская пословица). **10.** Обувь футбольного значения. **12.** Что призвана обеспечивать полиция? **13.** Кто в 1923 году попросил Иосифа Сталина принести ему яду? **15.** Где живет героиня фильма «Три тополя на Плю-

щихе»? **16.** «Неужели в самом деле все ... погорели?!» **19.** «Эпицентр ставок». **20.** Копье для убийства самых больших животных на Земле. **24.** «Немецкий Пушкин». **25.** «Самое американское блюдо в мире» с немецким названием. **27.** Восточный плод, чьим соком хорошо протирать жирную кожу. **28.** «Голубое пятно»

на географической карте. **29.** Кого из голливудских секс-символов актриса Ким Бейсингер своим запретом видется с дочерью чуть было не довела до самоубийства? **30.** Самый быстрый галоп лошади. **31.** «Подсказка» для сценаристов фильмов о Бэтмене. **33.** Фрекен с голосом Фаины Раневской. **36.** Финал события. **37.** «Зеленый ...» в аэропорту предназначен для пассажиров, не подлежащих таможенному досмотру. **40.** «Рогалик в коже». **42.** «На опальный ... много купцов». **43.** Оклики грибников. **44.** Драп, но не бегство. **45.** Первое, что удается магически получить герою фэнтези «Ученик чародея». **46.** Англичанин, открывший цветовой дефект зрения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Река» для бумажного кораблика. **2.** Арлекиновый ... в рейтинге «Десяти самых ядовитых змей». **4.** Что на Руси именовали «дубовым кирпичом»? **5.** Из-за чего парализовало Железного Дровосека? **6.** Страна, чья команда стала последним соперником сборной СССР по футболу. **8.** Какой следователь вычислил Юрия Деточкина? **9.** Про-

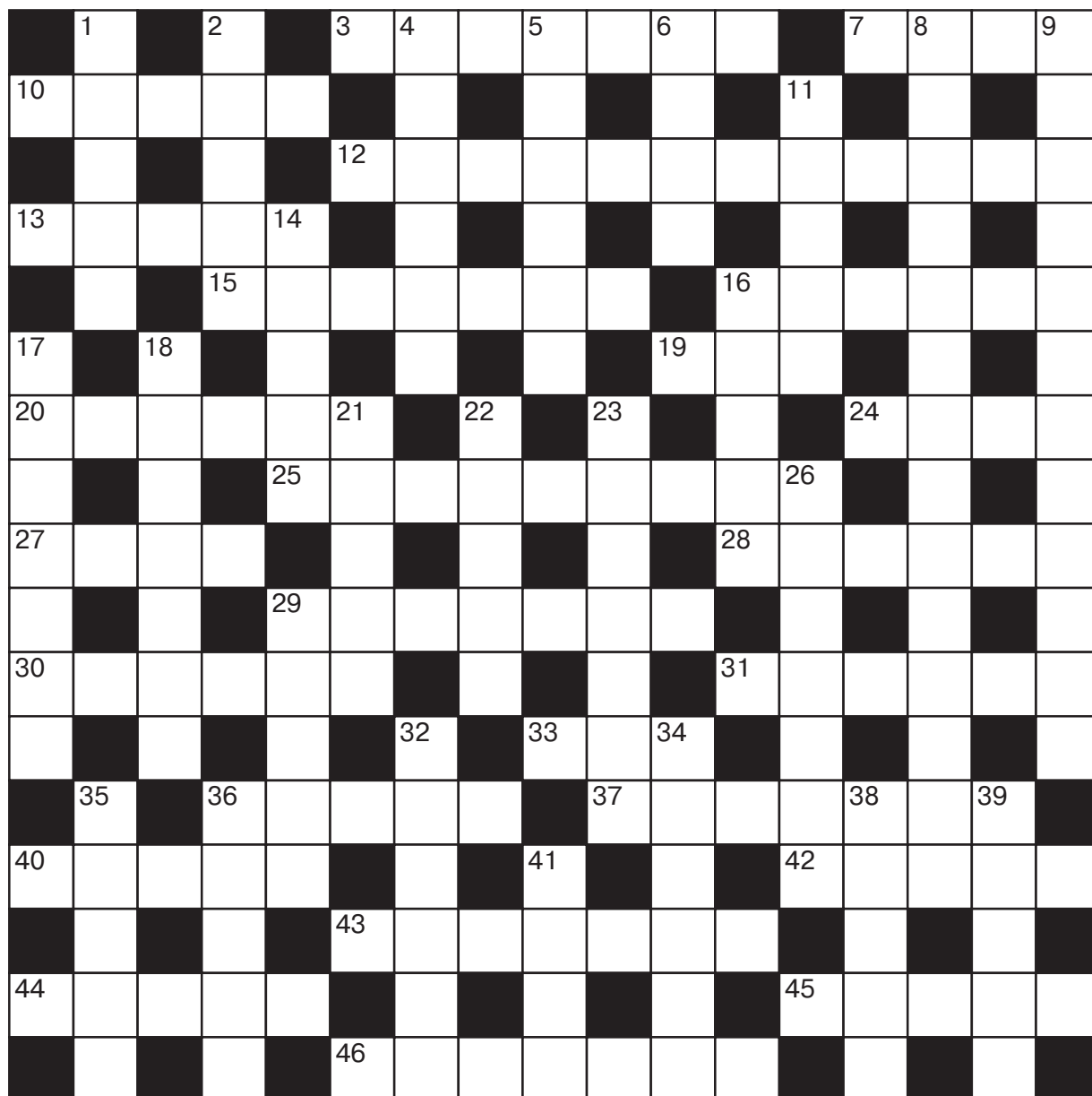
фессия французской героини фильма «Окно в Париж». **11.** Какого американского пернатого хищника чуть было не погубили с помощью ДДТ, да вовремя одумались? **14.** Вергилий считал, что, «чем глубже скрыт ..., тем злей он и опасней». **16.** Какой из наших маршалов следил за возведением Берлинской стены? **17.** Способ сделать тайное явным. **18.** «Самсон убивает льва» у Альбрехта Дюрера. **21.** Голосовой ... номера на телефоне. **22.** Заявление в суд «во времена оны». **23.** Какой овощ добавляют в винегрет для диабетиков? **26.** Каким камнем народные целители понижают глазное давление? **29.** Какой строительный материал изобрели еще древние римляне? **32.** Какой из морских обитателей дышит всем телом? **34.** Что Плиний советовал снимать и надевать в качестве средства от икоты? **35.** Былинный гуслиар. **36.** «Драма на эшафоте». **38.** «Обиды, песни — все прощаю, а мне пускай ... простят». **39.** Этап в боксе. **41.** Кто был шефом канцелярии Министерства внутренних дел, под началом которого служил Иван Тургенев?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Оковы. **7.** Шанс. **10.** Змеелов. **12.** Англосаксы. **13.** Строчок. **14.** Опекунство. **15.** Гроттер. **17.** Киноархив. **20.** Кабак. **23.** Киров. **24.** Метан. **25.** Радий. **28.** Батон. **29.** Чипсы. **30.** Маскарад. **32.** Ситечко. **35.** Клошар. **37.** Сало. **38.** Лягушонок. **41.** Луис. **42.** Кошениль. **43.** Скрип. **44.** Авто. **45.** Канонада.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Амстердам. **2.** Герострат. **3.** Горошек. **5.** Кинопрокат. **6.** Валокордин. **8.** Анкета. **9.** Смычок. **11.** Осинник. **16.** Рим. **18.** Визит. **19.** Поиск. **21.** Бейсболист. **22.** Каракал. **25.** Радикулит. **26.** Довесок. **27.** Смекалка. **28.** Бас. **31.** Сквош. **33.** Багира. **34.** Борьба. **36.** Ряска. **39.** Нога. **40.** Кено.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кого из любовниц Ильи Репина наградили Георгиевским крестом? **7.** Рогатый слуга Чумы-дель-Торт, устроивший погром в доме Дурневых. **10.** Единственная «будущая» аватара Вишну. **12.** Последний великий царь Ассирии. **13.** Кого Каллисто родила от Зевса? **15.** Какую систему пропорций разработал Ле Корбюзье?

16. Вечерний намаз. **19.** Кого из лауреатов Нобелевской премии по литературе «можно отыскать» среди футбольных терминов? **20.** Органайзер в недрах компьютера. **24.** Три с лишним литра по меркам древних римлян. **25.** Афинский царевич, которого богиня Деметра лично научила земледелию. **27.** С какой долиной связано первое крупное

сражение между мусульманами и язычниками? **28.** Какой исторический паровоз отец и сын Стефенсоны построили сразу после «Ланкаширской ведьмы»? **29.** «Главный сыр» у киприотов. **30.** С каким мысом связана первая победа на море русского галерного флота под командованием Петра Великого? **31.** Лучшее красное вино к стейку по флорентийски. **33.** Какая актриса родила первую внебрачную дочь Кларка Гейбла? **36.** Якутский кубок для кумыса. **37.** Сын феодального сеньора прежде у французов. **40.** Снежный баран. **42.** Индонезийский пони. **43.** Концентрированный соевый соус. **44.** Где бурлаки на расшивах своих нехитрые пожитки от непогоды укрывали? **45.** Время собирать сахарный тростник на Кубе. **46.** Какая собака стала первой музой для Андрея Вознесенского?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой народ насадил корриду в Испании? **2.** Философ с «именной бритвой». **4.** «Религиозная диетология» у иудеев. **5.** Кожа на подошвы. **6.** Самый сен-

тиментальный памятник Омска. **8.** Направление развития шахматной мысли. **9.** Гравирование по стали. **11.** К какому литературному герою собирается бежать Митя Карамазов? **14.** Испанский пончик. **16.** Винная чаша в средневековой Европе. **17.** Любимый грузинский писатель Иосифа Сталина. **18.** Первый командующий немецкими ВДВ. **21.** Мужской галстук у французов XVII века. **22.** Какой город со Средневековья и до начала XX века был столицей Верхней Силезии? **23.** Кто вел за собой викингов во время Первого крестового похода? **26.** Английский экономист, считавший, что все бедствия человечества от перенаселения. **29.** Самый крупный гиббон. **32.** Укладка с помощью фена и круглой щетки. **34.** «Золотая шапочка» на саудовской невесте. **35.** Вымышленный город из творений Фазилы Искандера. **36.** Шерстяной шлем у индейцев. **38.** Золотое соединение. **39.** Сливки со сметаной для заправки салатов у австрийцев. **41.** «Нулевая территория»: еще не Запад, но уже не Восток.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Маркс. **7.** Смит. **10.** Овцебык. **12.** Калимантан. **13.** Камелот. **14.** Сострунщик. **15.** Аддисон. **17.** Киберпанк. **20.** Анреп. **23.** Гайка. **24.** Тезик. **25.** Гофер. **28.** Ханат. **29.** Томбо. **30.** Адонирам. **32.** Мичиган. **35.** Глечик. **37.** Хаба. **38.** Мальчокас. **41.** «Лидо». **42.** Насыпуха. **43.** Химоз. **44.** Сера. **45.** Бальзамо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Авгардент. **2.** Телекинез. **3.** «Мышонок». **5.** Агатодемон. **6.** Квинтуплет. **8.** Мытищи. **9.** Туника. **11.** Мамуанг. **16.** Нин. **18.** Кадош. **19.** Якоби. **21.** Рехонеадор. **22.** Питирим. **25.** Гамильтон. **26.** Фаликон. **27.** Вангелис. **28.** Хам. **31.** «Палас». **33.** Ханука. **34.** Чабако. **36.** Кабир. **39.** Каза. **40.** Сыпь.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

